

ВЕСТНИК ДОНБАССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ

ДГУЮ Минюста России

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 / 2024

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Донбасский государственный университет юстиции»
(ДГУЮ Минюста России)**

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ**

**научный журнал
№ 2 / 2024**

**Донецк
2024**

УДК 34

- Главный редактор Н.В. Барбашова, доктор юридических наук, профессор (*Донецкий государственный университет*)
- Заместитель главного редактора А.А. Любчик, доктор юридических наук, профессор (*Донбасский государственный университет юстиции*)
- Ответственный редактор С.Ю. Мироненко, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*)
- Редакционная коллегия: В.А. Авдеев, доктор юридических наук, профессор (*Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск*),
В.В. Груздев, доктор юридических наук, профессор (*Костромской государственный университет*),
И.Э. Звечаровский, доктор юридических наук, профессор (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*),
Н.В. Иванюта, доктор юридических наук, профессор (*Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи*),
С.В. Лихачев, доктор юридических наук, профессор (*Курский государственный университет*),
Т.И. Отческая, доктор юридических наук, профессор (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*),
Л.Б. Смирнов, доктор юридических наук, профессор (*Северо-Западный институт управления – филиал РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург*),
А.И. Чучаев, доктор юридических наук, профессор (*Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*),
А.В. Войтов, кандидат юридических наук (*Донбасский государственный университет юстиции*),
Г.Н. Гапотченко, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),
В.П. Горбачёв, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),
А.А. Завгородняя, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),
В.А. Клочков, кандидат юридических наук (*Донбасский государственный университет юстиции*),
Д.В. Лобов, кандидат юридических наук (*Донбасский государственный университет юстиции*),
А.А. Николаев, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),
А.А. Савченко, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),
А.П. Солонина, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),
Ю.С. Хобби, кандидат юридических наук, доцент (*Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи*)
- Журнал зарегистрирован: Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Выписка из реестра зарегистрированных СМИ по состоянию на 29.12.2023 г. серия ПИ № ФС77-86474)
- Основатель и издатель: Министерство юстиции Российской Федерации;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк.
Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасского государственного университета юстиции, протокол № 7 от 20.12.2024.
Язык публикации: русский, английский.
Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.
- Адрес издателя: 119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, стр. 1; 283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9
- Адрес редакции: 283049, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9
e-mail: nauka-dguj@yandex.ru

Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – Вып. 2. – Донецк: ДГУЮ, 2024. – 120 с.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» (ДГУЮ Минюста России), 2024

* Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego
obrazovaniya «Donbasskij gosudarstvennyj universitet yusticii»
(DGUYu Minyusta Rossii)**

**VESTNIK
DONBASSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA YUSTICII**

**nauchnyi zhurnal
№ 2 / 2024**

**Donetsk
2024**

- Editor-in-chief N.V. Barbashova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Donetsk State University*)
 Deputy editor-in-chief A.A. Lyubchik, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Donbass State University of Justice*)
 Executive editor S.Yu. Mironenko, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*)
- Editorial board:
 V.A. Avdeev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Yugra State University, Khanty-Mansiysk*),
 V.V. Gruzdev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kostroma State University*),
 I.E. Zvecharovsky, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kutafin Moscow State Law University*),
 N.V. Ivanyuta, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi*),
 S.V. Likhachev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kursk State University*),
 T.I. Otcheskaia, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kutafin Moscow State Law University*),
 L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*North-Western Institute of Management Branch of RANH and GS, St. Petersburg*),
 A.I. Chuchayev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*),
 A.V. Voitov, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*),
 G.N. Gapotchenko, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),
 V.P. Gorbachev, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),
 A.A. Zavgorodnaya, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),
 V.A. Klochkov, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*),
 D.V. Lobov, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*),
 A.A. Nikolaev, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),
 A.A. Savchenko, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),
 A.P. Solonina, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),
 Yu.S. Hobby, Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor (*Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi*)
- The journal is registered: Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Extract from the register of registered media as of 12/29/2023, series PI No. FS77-86474).
- Founder and Publisher: Ministry of Justice of the Russian Federation;
 Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», Donetsk.
 Recommended for publishing by Academic Board of Donbass State University of Justice. The Minute № 7 dated 20.12.2024.
Language of publication: Russian, English.
 All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher.
- Publisher's address: 119991, Moscow, Zhitnaya str., 14, building 1; 283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9
- Address of editor office: 283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9
 e-mail: nauka-dguy@yandex.ru

Bulletin of the Donbass State University of Justice. – Issue 2. – Donetsk: DSUJ, 2024. – 120 p.

© Federal State Budgetary Educational Institution of
 Higher Education «Donbass State University of Justice», 2024

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials

СОДЕРЖАНИЕ

Алдушина О.С.

Медиация как способ урегулирования трудовых споров..... 7

Гром Е.А.

Роль информационной культуры будущих юристов в контексте динамизма законодательства и цифровой трансформации..... 16

Дмитриева А.А.

Юридическая терминология как составляющая процесса формирования правовой теории..... 25

Мамона Т.М.

Проблемы и перспективы борьбы с коррупцией как уголовно-правовым явлением..... 35

Момот Е.В.

Трудовые отношения как элемент корпоративного представительства..... 44

Меркулов М.В., Шереметьева А.Р.

Дипломатическая служба России и Японии: сравнительно-правовой анализ... 51

Педерсен И.А.

Особенности классификации ценных бумаг как объектов гражданских прав... 60

Савченко А.А.

Уголовная ответственность юридических лиц в российском законодательстве – необходимость или модные слова..... 70

Сиренко Б.Н.

Принцип добросовестности в гражданском праве..... 81

Смирнов Л.Б.

Уголовно-исполнительная политика как составная часть политики государства по противодействию преступности..... 90

Штокалова А.А., Цопа О.А.

Нормы международного права в правовой системе России..... 100

Шульга В.В., Степанюк М.С.

Полуторавековой путь немецкой адвокатуры..... 110

CONTENTS

Aldushina, O.S.	
Mediation as a way to settle labor disputes.....	7
Grom, E.A.	
The role of the information culture of future lawyers in the context of the dynamism of legislation and digital transformation.....	16
Dmitrieva, A.A.	
Legal terminology as a component of the process of formation of legal theory.....	25
Mamona, T.M.	
Problems and prospects of the fight against corruption as a criminal phenomenon...	35
Momot, E.V.	
Labor relations as an element of corporate representation.....	44
Merkulov, M.V., Sheremetieva, A.R.	
Diplomatic service of Russia and Japan: a comparative legal analysis.....	51
Pedersen, I.A.	
Features of classification of securities as objects of civil rights.....	60
Savchenko, A.A.	
Criminal liability of legal entities in Russian legislation – necessity or buzzwords...	70
Sirenko, B.N.	
The principle of good faith in civil law.....	81
Smirnov, L.B.	
Penal enforcement policy as an integral part of the state's anti-crime policy.....	90
Shtokalova, A.A., Tsopa, O.A.	
Norms of international law in the Russian legal system.....	101
Shulga, V.V., Stepaniuk, M.S.	
The century-and-a-half long path of the German bar.....	110

УДК 349.2

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Алдушина О.С., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: aldushina2025@mail.ru)

Процедура медиации как один из способов альтернативного разрешения споров на сегодняшний день недостаточно развита на территории Российской Федерации. Более того, пока что данную процедуру сложно назвать наиболее популярным способом разрешения конфликтов в трудовых правоотношениях. Однако, несмотря на это, институт медиации в современных условиях, требующих новых подходов в решении конфликтных ситуаций, в том числе, в трудовых спорах, быстро развивается и процедуры урегулирования конфликтов с привлечением медиаторов показывают свою эффективность.

Ключевые слова: медиация, трудовые правоотношения, трудовые споры, конфликт.

MEDIATION AS A WAY TO SETTLE LABOR DISPUTES

Aldushina, O.S.

The mediation procedure as one of the ways of alternative dispute resolution is currently insufficiently developed on the territory of the Russian Federation. Moreover, so far, the mediation procedure is hardly the most popular way to resolve conflicts in labor relations. However, despite this, the mediation institute is developing rapidly and conflict resolution procedures involving mediators are showing their effectiveness.

Keywords: mediation, labor relations, labor disputes, conflict.

Актуальность темы исследования. Конфликтные ситуации в трудовых правоотношениях нередки. Как показывает анализ судебной практики, наиболее распространенными являются споры в отношении заработной платы (несвоевременная выплата, удержание и т.д.), возмещения ущерба, а также восстановления на рабочем месте [1]. При этом длительность и дороговизна судебных процессов в совокупности с невысоким уровнем дохода большинства населения (в сравнении с другими странами) порождает потребность в поиске более «экономичных» во всех отношениях способов разрешения конфликтов, а чрезмерная нагрузка на судебные органы является давней и пока что

неразрешенной проблемой российской правовой системы.

Медиация как один из альтернативных способов разрешения конфликтов представляет собой возможность улаживания споров внутри организации, без необходимости выносить ее на рассмотрение в суд или КТС.

Стоит отметить, что медиация – это путь к осмысленному взаимоприемлемому решению, основанному на консенсусе между сторонами, вовлеченными в спор. В этом определении освещены такие принципиальные признаки процесса медиации, как взаимная ответственность и консенсус между сторонами, одинаковое обеспечение их прав и законных интересов. Именно это отличает медиацию от традиционных методов разрешения юридических конфликтов, которые имеют своим результатом императивное решение в пользу одной из сторон. Такие преимущества делают институт медиации достаточно перспективным способом разрешения юридических конфликтов, а тематику медиации – весьма актуальной.

Анализ научных исследований. Проведенное исследование в своей теоретической основе базируется на трудах таких ученых: Н.М. Романовой, Т. Дронзиной и иных. Вопросы процедуры медиации, содержательные и процессуальные аспекты данной проблемы рассматривались и разрабатывались многими отечественными и зарубежными представителями науки.

Цель статьи заключается в исследовании процедуры медиации применительно к разрешению трудовых споров.

Изложение основного материала. В сфере трудовых отношений возникает большое количество юридических споров, которые далеко не всегда могут эффективным образом разрешаться путем обращения в комиссии по трудовым спорам или судами. Это обусловлено многими факторами как объективного, так и субъективного характера. Вместе с тем, именно система альтернативных способов разрешения юридических споров может обеспечить эффективное правовое регулирование имеющихся юридических, в том числе и трудовых конфликтов, благодаря своей гибкости и человеко-ориентированности. Медиация является одним из самых распространенных в мире способов альтернативного урегулирования юридических конфликтов. И, несмотря на популярность данного способа в мировой практике (особенно в Китае), в России медиация не приобрела широкого применения.

Институт медиации на территории Российской Федерации нельзя назвать новым. Еще до принятия закона, регулирующего данную процедуру, принимались попытки урегулирования конфликтов с привлечением третьей стороны. Стоит отметить, что первый на территории Российской Федерации Центр разрешения конфликтов (ЦРК) был открыт в 1993 году, в Санкт-Петербурге. Именно там начали работать первые медиаторы, оказывая помощь по урегулированию межличностных конфликтов. Тем не менее, несмотря на появление процедуры медиации, как такового легального определения данной дефиниции не было, как и четкого нормативно-правового регулирования.

Легальное закрепление процедуры медиации было закреплено еще в 2010 году в Федеральном законе № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Согласно ст. 2 указанного закона: «процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [2].

Понятие медиации давалось многими учеными. Так, к примеру, В.Ф. Яковлев определяет медиацию как деятельность специалиста по урегулированию споров в рамках переговоров сторон спора с целью заключения между ними мирового соглашения [3, С. 13].

Медиация – это процесс, в котором стороны встречаются для выработки взаимоприемлемого, жизнеспособного решения в условиях существующих между ними разногласий [4, С. 17].

Н.М. Романова приводит следующее определение: «Медиация – это способ урегулирования конфликта с участием профессионального посредника (медиатора), помогающего участникам спора разобраться в конфликте и его решить» [5, С. 6].

Т. Дронзиной были выделены следующие основные характеристики медиации:

- позитивная концепция конфликта – в медиации конфликт воспринимается как нечто неотделимое от природы человека и общества.
- использование диалога – как конструктивный ответ на агрессию, избегание и подчинение.
- сотрудничество в межличностных отношениях. Достижение общих интересов не означает, что участники не могут достигнуть своих собственных интересов.
- развитие способностей саморегуляции и самоконтроля. Это помогает нам принимать независимые решения, учитывая особенности социальной среды, в которой мы живем.
- демократичное участие. Подчеркивает важность мнений, чувств, желаний и необходимости всех участников в процессе. Ответственность за разрешение конфликта напрямую падает на все стороны.
- установки взаимного понимания и эмпатии. Это означает: уделять внимание другим и поставить себя на их место. Тогда становится ясно, как люди воспринимают различные аспекты одной и той же действительности.
- активное участие сторон. Когда стороны в конфликте способны определить свои интересы и сотрудничают в их достижении, то тогда успех более вероятен [6, С. 83].

Медиация в трудовых спорах – это процесс управления трудовыми спорами, который позволяет предотвратить конфликт или разрешить его путем привлечения посредника (медиатора), который является беспристрастным и не имеет права принимать решения за стороны, но гарантирует общение между работодателем и работником и, по сути, приводит к восстановлению социальной

связи и поиску решения проблемы. Медиация не заменяет судебный процесс, но может разрешить спор как на досудебном этапе, так и уже во время рассмотрения дела в суде.

Медиация предполагает участие нейтрального посредника – медиатора, который помогает сторонам в споре прийти к общему согласию. В отличие от судебного процесса, медиация ориентирована на сотрудничество и поиск компромиссных решений, доброжелательно учитывающих интересы обеих сторон. Медиатор не принимает решений, а создаёт условия для диалога, способствует пониманию потребностей и интересов участников конфликта.

Одним из ключевых преимуществ медиации является её конфиденциальность. Процедуры, проходящие в рамках медиации, не становятся достоянием общественности, что позволяет сторонам избегать ненужного общественного внимания и сохранить свою деловую репутацию. Кроме того, медиация предоставляет возможность для быстрого разрешения спора, что значительно снижает временные затраты и позволяет сосредоточиться на текущих профессиональных задачах.

Поскольку медиация способствует открытому диалогу и различным перспективам – это особенно полезно для разрешения межличностных конфликтов между коллегами. Когда компании быстро разрешают споры, то могут избежать судебных издержек и сохранить отношения с клиентами и работниками. Посредничество помогает руководителям создавать экологическую рабочую среду, в которой развиваются бизнес и сотрудники.

Несмотря на то, что данный способ урегулирования конфликтов существует на законодательном уровне достаточно давно, не всякий трудовой спор можно разрешить посредством медиатора.

Если обратиться к официальному источнику касательно понятия «трудовой спор», то согласно ст. 381 ТК РФ под данной дефиницией указываются неурегулированные разногласия между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, локального нормативного акта, трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров [7].

Помимо индивидуальных трудовых споров ТК РФ содержит понятие и коллективных трудовых споров. Если обратиться к ст. ст.401, 403 ТК РФ, посредник имеет право на участие в решении таких спорах. Логичным видится заключить, что законодатель прямо указывает на возможность использования медиатора как посредника, способствующего разрешению коллективного трудового спора [7].

Однако в отношении индивидуальных трудовых споров участия посредника на законодательном уровне не предусмотрено, о чем сказано

в ст. 382 ТК РФ [7]. Для данного вида споров законодателем предусмотрено разрешение посредством комиссий по трудовым спорам и судов (КТС).

Считаем, что такое ограничение говорит о несогласованности норм трудового законодательства с законом о процедуре медиации.

Как уже было отмечено, медиация как способ разрешения трудовых споров – это внесудебная добровольная, конфиденциальная процедура, инициируемая субъектами трудового права (работником или работодателем) по привлечению независимого, беспристрастного, профессионального медиатора (посредника) для достижения совместного разрешения трудового спора и продолжение трудовых отношений между ними.

Важно отметить, что целесообразность применения именно процедуры медиации как первоочередного способа защиты прав и законных интересов сторон трудовых правоотношений, по сравнению с судебным разбирательством и рассмотрением в КТС, говорит тот факт, что именно такое посредничество может обеспечить быстрое решение трудового конфликта. Институт медиации является положительным законодательным решением в России, что сократит продолжительность трудовых споров, расходы на судопроизводство из государственного бюджета, уменьшит загруженность судов.

На основании изложенного считаем целесообразным внесение изменений в действующее трудовое законодательство, а именно, в ст. 382 ТК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Индивидуальные трудовые споры рассматриваются комиссиями по трудовым спорам, примирительной комиссией с участием посредника и судами, если иное не установлено настоящим Кодексом».

При этом нельзя не поддержать точку зрения С.Ю. Головиной в том, что необходимо закрепить в ТК РФ те трудовые споры, по которым медиация невозможна, установить правило относительно отложения рассмотрения трудового спора в КТС на период проведения медиации и возможность КТС утверждать медиативное соглашение, рассмотреть специальные правила о сроках проведения медиации, допустить возможность включения в трудовой договор медиативной оговорки [8].

В поддержку мнения о возможности включения медиативной оговорки следует отметить, что наличие медиационной оговорки относится к факультативным условиям внутренних правовых документов работодателя. В то же время медиационная оговорка в локальных нормативно-правовых актах работодателя, как правило способствует формированию корпоративной культуры урегулирования споров посредством медиации в сфере труда.

В случае если с работником заключается письменный трудовой договор (как единый документ), то медиационная оговорка может содержать ряд вопросов, связанных с порядком назначения медиатора и условиями проведения процедуры медиации (например, выбор места проведения), условиями конфиденциальности и действиями по сохранению информации со стороны работодателя и работника, а также может включать сведения, которые станут известными во время медиации, и порядок защиты таких сведений в

дальнейшем, особенности распределения расходов, а также условия по обязательности договоренностей, принятых по результатам медиации. Если стороны трудового договора договорились о включении письменной медиационной оговорки в текст договора, то это означает, что они согласовали возможность использования медиации при условии возникновения между ними потенциального спора.

В дополнение к вышеуказанному можно выделить и другие причины, из-за наличия которых институт медиации в настоящее время малоприменим. Так, по мнению ряда ученых участники трудовых отношений не имеют достаточного понимания преимуществ медиации и возможностей её применения в конкретных случаях. Эта проблема усугубляется недостаточным уровнем подготовки медиаторов, специализирующихся на разрешении именно трудовых разногласий, что может снижать эффективность процесса и доверие к нему со стороны сторон конфликта.

Необходимо также учитывать психологические барьеры, которые могут возникать у участников медиации. В трудовых спорах часто присутствует эмоциональная составляющая, обострённая наличием личных претензий и давно накопившимися обидами (например, у участника могут быть требования не только материального характера, связанного с компенсацией нанесенного вреда, но и желание банального публичного принесения извинений). Успешное разрешение таких конфликтов требует от медиатора не только знания правовых норм, но и владения навыками активного слушания, эмпатии и эмоционального интеллекта.

Следует также отдельно выделить проблему, связанную с простым недоверием гражданина, работника к медиатору. Барьером может выступать и нежелание работника оплачивать данную процедуру.

Ментальные установки и культурные особенности российского общества также затрудняют распространение медиации. Склонность к эскалации конфликта, неумение и нежелание выслушивать противоположную сторону, стремление к выигрышу за счёт поражения другой стороны – все это препятствует эффективной реализации процесса медиации.

Кроме того, проблема заключается в нехватке квалифицированных медиаторов, специализирующихся на трудовых спорах. Это объясняется не только нехваткой обучающих программ, но и сложностью самого процесса, который требует от медиатора глубоких знаний трудового законодательства, психологии, а также тонких навыков ведения переговоров.

Решение вышеупомянутых проблем может способствовать более широкому внедрению медиации в сферу трудовых отношений.

В свете обозначенных проблемных аспектов, одним из направлений развития медиации в трудовых спорах может стать повышение квалификации медиаторов через специальные образовательные программы, акцентирующие внимание на специфике трудовых разногласий. Также важно проводить

информационные кампании, направленные на популяризацию медиации, её возможностей и реальных примеров успешного применения.

Проанализировав доктринальные подходы, можем предположить, что в трудовых правоотношениях медиация как альтернативный способ решения трудового спора характеризуется тем, что:

1) проводится в отношении урегулирования исключительно индивидуальных трудовых споров, то есть споров, которые возникают между работником и работодателем. Применение медиации для правового урегулирования индивидуальных трудовых споров в соответствии с отечественным законодательством не допускается, хотя в правовой доктрине учеными обуславливается необходимость расширения возможностей применения медиации и к урегулированию индивидуальных трудовых конфликтов. Таким образом, медиация в трудовом праве характеризуется ограниченной сферой действия;

2) проводится как в ретроспективном, так и в перспективном порядке. Указанное обуславливается тем, что медиационная процедура может применяться как относительно урегулирования уже имеющегося индивидуального трудового спора, так и по предупреждению возникновения конфликта в будущем;

3) проводится с привлечением независимого и беспристрастного посредника-медиатора, который в урегулировании индивидуального трудового спора между сторонами и поиска консенсуса между ними, не имеет своего собственного интереса, а, сохраняя объективность, способствует сторонам в поиске консенсуса и решения, которое будет выгодным для всех участников конфликта.

Необходимо отметить, что медиация как инструмент разрешения трудовых споров обладает существенным потенциалом, но требует дальнейшего совершенствования и адаптации к контексту трудовых отношений, чтобы стать действительно эффективным и общепризнанным методом преодоления конфликтных ситуаций на рынке труда.

Сегодня от государства требуется вовлеченность в процесс популяризации процедуры медиации, особенно в отношении разрешения трудовых конфликтов, ведь если обратиться к статистическим данным, то на сегодняшний день урегулирование трудовых споров составляет все лишь 6-8 % от общего количества разрешенных споров (семейных, межличностных и т.д.) посредством процедуры медиации.

Выводы. На основании проведенного исследования можно сделать следующий вывод. Несмотря на наблюдающийся в последнее время рост интереса к процедуре медиации и ее популяризации в разрешении корпоративных и иных споров, касательно развития медиации в разрешении трудовых споров есть ряд препятствий. Во-первых, это низкий уровень правовой культуры, низкий уровень доверия к медиации, недостаточная осведомленность общества в целом, и граждан, в частности, о медиации, ее преимуществах как

альтернативного судебного разбирательства, сложности выбора медиатора как высокопрофессионального лица. Во-вторых, это неурегулированность норм трудового законодательства и законодательства о процедуре медиации, так как на сегодняшний день процедура медиации предусмотрена только в отношении разрешения коллективных трудовых споров. Считаем, что необходимы поправки в действующее трудовое законодательство с целью устранения коллизий.

Итак, медиацию как способ решения индивидуального трудового спора следует рассматривать как внесудебный и альтернативный порядок урегулирования разногласий, возникших между работником и работодателем с целью их примирения и разработки взаимовыгодного решения с привлечением независимого и беспристрастного субъекта – медиатора, который будет способствовать последним в поиске консенсуса.

Медиация также способствует улучшению коммуникации между работником и работодателем, что может предотвратить возникновение аналогичных конфликтов в будущем. После достижения соглашения оно фиксируется в письменной форме и подписывается обеими сторонами. В случае необходимости договор может быть заверен нотариально.

Этот подход не только способствует эффективному разрешению конфликтов, но и поддерживает позитивный климат в организации, что, в свою очередь, способствует долгосрочной стабильности и успеху бизнеса. Важно отметить, что медиация в трудовых спорах возможна только при обоюдном согласии сторон, что делает процесс добровольным и ориентированным на взаимное сотрудничество. Внедрение медиации в корпоративную культуру может стать залогом успешного взаимодействия и взаимопонимания между людьми, чьи интересы и цели иногда могут казаться несовместимыми.

Список литературы

1. Судебная практика по трудовым спорам. – URL: <https://sudact.ru/practice/sudebnaya-praktika-po-trudovym-sporam/> (дата обращения: 21.09.2024).
2. Федеральный закон № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета, 30 июля 2010 г. № 168.
3. Яковлев, В.Ф. Закон свободного применения // Медиация и право. Посредничество и примирение. – 2006. – № 1. – С. 12-16.
4. Пехтерева, Е.А. Медиация как способ разрешения индивидуальных и коллективных трудовых споров // Инновационные технологии управления : материалы 66-й студенческой научно-технической конференции / ред. кол. Г.М. Бровка [и др.] ; Белорусский национальный технический университет, Факультет технологий управления и гуманитаризации. – Минск : БНТУ, 2010. – С. 17-19.
5. Романова, Н.М. Основы медиации : Учеб. пособие для студ. факультета психологии, обучающихся по специальности 37.04.01 «Психология» –

Саратов : Издательский центр «Наука», 2017. – 68 с.

6. Дронзина, Т. Медиация (учебно-методическое пособие) / Республиканское государственное управление «Қоғамдық келісім», Исследовательский институт «Общественное мнение». – Астана, 2015. – 320 с.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ – (дата обращения: 08.09.2024).
8. Головина, С.Ю. Проблемы применения медиации при разрешении трудовых споров / С.Ю. Головина // Российский юридический журнал. – 2013. – № 6. – С.119-126.

УДК 378.14

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИЗМА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Гром Е.А., старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: cifra-obr@yandex.ru)

В работе актуализирована роль информационной культуры студентов по направлению подготовки «Юриспруденция» в контексте избыточного динамизма законодательства и особенностей современного информационного пространства. Развитие информационной культуры – одно из ключевых условий формирования высокоорганизованного информационного общества или общества знаний.

Ключевые слова: информационная культура, динамизм законодательства, общество знаний, особенности информационного пространства.

THE ROLE OF THE INFORMATION CULTURE OF FUTURE LAWYERS IN THE CONTEXT OF THE DYNAMISM OF LEGISLATION AND DIGITAL TRANSFORMATION

Grom, E.A.

The paper actualizes the role of information culture of students in the field of Law in the context of excessive dynamism of legislation and the peculiarities of the modern information space. The development of information culture is one of the key conditions for the formation of a highly organized information society or knowledge society.

Keywords: information culture, dynamism of legislation, knowledge society, features of the information space.

Актуальность темы исследования. Важность развития информационной культуры молодого поколения обусловлена стратегической целью государства – формированием в России пространства и общества знаний [1]. По сути, можно констатировать, что становление информационного общества, определенного в нормативных документах России как общества, «в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на

экономические и социокультурные условия жизни граждан» [1], произошло. Благодаря новым технологиям скорость, доступ к информации, как и количество ее источников, не имеют границ. Между тем, понятия «информация» и «знания» не эквивалентны. Движущей силой развития общества знаний является человек, способный к освоению информационных потоков, использованию современных информационных технологий и созданию интеллектуальных продуктов [2, С. 73]. При этом целью и результатом их освоения, использования и создания выступает триединое развитие личности, общества и государства.

По мнению Д.В. Иванова, коммуникационно-информационные технологии отдаляют социум от тех признаков, которые изначально закладывались в понятие информационного общества. Сегодня информация не содержательна («знание») и не предметна («продукт»). Это коммуникация, операция трансляции символов, побуждающая к действию. Коммуникационные потоки не только не поглощаются как ресурс деятельности, а напротив – умножаются и ускоряются [3].

Государство признает, что темпы развития технологий оперирования информацией превзошли возможности большинства людей в освоении и применении знаний. Также наблюдается смещение акцентов в восприятии окружающего мира с научного, образовательного и культурного на развлекательно-справочный [1]. В связи с этим актуализирована проблема совершенствования механизмов распространения знаний, выявления и предотвращения нежелательных флуктуаций в процессе перехода от информационного общества к обществу знаний, а также развития информационной культуры каждого человека.

Анализ научных исследований. Теоретическим концепциям построения информационного общества посвящены работы Д.В. Иванова, С.Б. Шитова, А.Б. Климовой. Проблемам избыточного динамизма современного законодательства уделено внимание исследователей А.А. Кочневой, В.А. Толстика, И.П. Кожокарь, М.Л. Давыдовой, А.В. Парфенова. Отдельные вопросы развития информационной культуры студентов изучали И.А. Рябова, Г.В. Полякова, К.С. Айбатыров, З.М. Миназова, Е.И. Хачикян, Л.В. Нестерова, С.В. Афанасьева, С.К. Гуськова, М.А. Заборина.

Целью статьи является обобщение особенностей современного информационного пространства и обоснование важности развития информационной культуры студентов-юристов в контексте становления общества знаний.

Изложение основного материала. Современное информационное пространство отличается сложным и противоречивым характером. С одной стороны, новые технические решения, доступ и скорость оперирования информацией призваны оптимизировать, облегчить образовательную, профессиональную и иную деятельность человека. С другой стороны, количество и зашумленность информационных потоков создают дополнительные сложности – приводят к дефициту знаний, к когнитивной

перегрузке сознания, искажению представления о прошлом и объективной реальности. В связи с этим в научном поле поднимаются вопросы как содержательного наполнения информационного пространства, так и актуализации способов развития информационной культуры и соответствующих компетенций участников информационных отношений.

Современное информационное пространство в контексте образовательной деятельности студентов-юристов характеризуется: 1) избыточной мобильностью верифицированной информации; 2) информационным шумом; 3) иллюзией плюрализма; 4) ростом коммуникации как источника знаний. Отдельного внимания в рамках рассматриваемой проблемы заслуживают изменения в когнитивной сфере обучающихся, фиксируемые учеными.

Избыточная мобильность верифицированной информации находит выражение в динамизме законодательства и, как следствие, нерелевантности той части учебной литературы как источника знаний, в основе которой находится «буква закона». Очевидно, что массив традиционных и оцифрованных учебников, учебных пособий требует постоянной корректировки, внесения изменений и дополнений. Так, в 2022 году Государственная Дума приняла 653 закона [4], а в 2023 году – 694 закона [5]. Средний срок стабильности КоАП РФ, УПК РФ и других кодексов за 2023 год, а также за 9 месяцев 2024 года составляет менее месяца. Под средним сроком стабильности понимается длительность условного периода, в течение которого в нормативный правовой акт не вносились изменения [6].

С этой точки зрения ФГИС «Официальный интернет-портал правовой информации» (<http://pravo.gov.ru/>), а равно официальные сайты органов публичной власти становятся едва ли не единственным источником получения достоверной и актуальной информации при изучении отдельных учебных дисциплин. Освоение содержания учебной литературы с обязательной проверкой на его релевантность приводит к снижению эффективности обучения из-за увеличения временных затрат и внешней (бесполезной) когнитивной нагрузки на студента. Очевидно, в условиях непрерывного динамизма законодательства будущие юристы должны, прежде всего, обращаться к нормативным правовым актам на базе государственных информационных систем, которые выступают референтными каналами предоставления искомой информации. Речь не идет о полном отказе от учебной литературы, которая кроме информационной функции, выполняет также трансформационную, систематизирующую и другие функции. Проблема состоит: а) в потере доверия к учебникам и пособиям, еще не утратившим запах типографии, по причине чрезмерной активности внесения изменений в законодательство; б) в посторонней нагрузке на авторов, вынужденных ежегодно перерабатывать, дополнять и изменять содержание учебной литературы.

Информационный шум. По мнению О.В. Флерова с коллегами, «одни и те же информационные массивы не просто содержательно дублируются, а уже просто копируются и компилируются на разных ресурсах» [7, С. 101]. Поисковик

по запросу выдает более 10 страниц с искомым фрагментом, но удельный вес новой и полезной информации в многочисленных источниках тяготеет к нулю.

Новизна, наполненная смыслом, теряется в информационном шуме. И, по сути, принятие таких мер, как проверка уникальности контента на плагиат, в том числе с использованием искусственного интеллекта, в корне не меняет ситуацию за счет процветания рерайтинга и перефразирования. Система антиплагиата не использует средств, «способных доподлинно и безапелляционно определить наличие в тексте неправомерных заимствований (плагиат), а также определить какая работа является первоисточником» [8, С. 359]. В связи с этим, любую оценку оригинальности работы можно оспорить. По мнению ряда авторов, технологичность, формы и способы информационного обмена значительно ушли вперед в развитии по сравнению с качеством содержания самой сетевой информации [9, С. 13].

В рамках проблемы информационного шума можно также рассматривать размещение в сети решений по практическим заданиям. Сובлазн выполнить работу, не прилагая временных и умственных затрат велик и доминирует над желанием студента активизировать волю, познавательную деятельность и достичь результата собственным трудом для успешного формирования необходимых умений и компетенций.

Отдельную нишу в информационном шуме занимает явление «иллюзии плюрализма» или «множественности истин» [10]. Борьба за внимание аудитории приводит к ситуации, в которой подача материалов некоторыми СМИ, владельцами сайтов (страниц), так называемыми открытыми источниками, способна формировать искаженное представление о прошлом, в частности – об исторической памяти и объективной действительности. Изобилие неясностей, заведомо ложные или ошибочные интерпретации, отрыв от контекста и другие факторы требуют от студентов-правоведов умения извлекать, сопоставлять и осмысливать информацию из разных источников, а также развитого критического мышления.

Рост коммуникаций как источника знаний. Индивид живет в обществе, и коммуникация представляет собой такой же легальный и нередуцируемый источник знания [11, С. 8]. Информационно-телекоммуникационные технологии позволяют обмениваться информацией, опытом, знаниями 24/7. Количество студентов и состоявшихся профессионалов, использующих группы для рабочей переписки, ежегодно растет, как и растет поток информации в чатах. С одной стороны, расширение экспертных контактов и скорости для обмена опытом может сыграть позитивную роль в процессе развития личности и повышения профессионализма. С другой стороны, бессодержательные сенсорные раздражители, непрерывно отвлекающие внимание, дезорганизуют образовательный и рабочий процесс. В связи с этим, сложившаяся практика разрабатывает правила современной коммуникации в мессенджерах, социальных сетях, касающиеся, в том числе, вопросов цифровой этики на т.д.

В этом направлении также актуализируются проблемы цифрового следа, безопасности данных, формирования деловой репутации, непрерывного образования в цифровой среде и средствами цифровых технологий.

В контексте рассматриваемой проблемы изменения в когнитивной сфере обучающихся заслуживают отдельного внимания. Научные исследования фиксируют, что современные подростки отдают предпочтение короткому, легкому для восприятия, динамичному контенту. В целом, визуальный поворот в образовании и науке связывают с влиянием цифровой среды, используемой пользователями интернета в досугово-развлекательном аспекте. Между тем, привычные паттерны поведения вне образовательной плоскости находят продолжение в процессе обучения. Работа с официально-деловым сложным, требующим анализа, сопоставления, интерпретации, аргументации текстом лежит в основе любого направления профессиональной деятельности выпускника-юриста. Поэтому освоение юриспруденции, с этой точки зрения, без обращения к разным по уровню сложности и представления информации источникам, в принципе, невозможно.

Осознание студентом рассмотренных выше особенностей современного информационного пространства и собственного стиля поведения в нем – первый шаг в выстраивании векторов развития его информационной культуры как части общей культуры.

Следует отметить, что государство подчеркивает особое значение культуры, закрепляя в Основном законе страны следующее: а) установление основ федеральной политики в области культурного развития России относится к ведению Российской Федерации [12]; б) общие вопросы культуры находятся в совместном ведении РФ и субъектов РФ [12]; в) забота о сохранении исторического и культурного наследия – обязанность каждого [12]. Отчасти, такое внимание законодателя к рассматриваемой проблеме объясняется важной адаптационной и негэнтропийной функциями культуры. Первая позволяет человеку адаптироваться к окружающей среде за счет использования им знаний, опыта, накапливаемых и передаваемых через поколения. Вторая ответственна за способность общества противостоять искушению дезорганизации и хаотизации. Качество общественной жизни прямо зависит от развития человека, его культуры в соответствии социальным запросом, целями и задачами общества.

Культура – многогранный феномен, в связи с чем существует достаточно обширный перечень оснований для классификации. Информационная культура выступает частью общей культуры человека и актуализирована в контексте становления и развития информационного общества (или общества знаний), а также цифровой трансформации экономики и социальной сферы.

Ценность – основа любого типа (разновидности) культуры. Общество знаний как «обновленный» социальный идеал культивирует ценность информации, которая раскрывается через качественное содержание и понятие «знания», неприятие редундантности источников, референтность каналов обмена, правомерность оперирования ею и т.д. Информация полезная,

своевременная, удовлетворяющая потребности, оптимизирующая жизнь и деятельность человека, направленная на развитие общественных отношений – фундамент информационного общества, стремящегося к непрерывному совершенствованию.

Для юриста ведущей жизненной ценностью априори выступает такое информационное пространство, которое соответствует конституционным ценностям, модели правового государства, принципу уважения к человеческому достоинству и является полноценной средой жизни гражданина как субъекта культуры [13]. Потребность в правдивой, содержательной информации должна сопровождаться нетерпимостью к неправомерному поведению в цифровой среде, продуцированию фейков, плагиата, «загрязняющего» информационное пространство контента, а также нарушению норм цифровой этики и общения. Ценностно-смысловой компонент информационной культуры студента является призмой, сквозь которую будущий юрист определяет свое отношение к сложившейся информационной реальности и ближайшим перспективам ее развития.

Мировоззрение – интегральное образование, сводящее воедино три блока духовно-практического освоения человеком мира: знания; убеждения; поведение. Знания предназначены отражать реальность. Убеждения – задавать определенное и устойчивое отношение к реальности. Поведение – ориентировать на включенность субъекта в окружающий его мир. Убеждения коррелируют с миром ценностей [14, С. 276].

Мировоззрение типичного человека информационного общества жестко привязано не к фундаментальным ценностным ориентирам, а к актуальным жизненным «сиюминутным» ситуациям. Динамика мировоззренческого бытия подчиняется цепной реакции, когда информация не может сформировать убеждения, а последние не реализуются в соответствующем социальном поведении. В результате мировоззрение типичного его носителя воплощает собой поверхностное отношение к миру, а именно, сводится к реакциям на те или иные ситуации, факты, процессы. В конечном счете дефицит знания оборачивается дефицитом убежденности, а дефицит убежденности закономерно ведет к дефициту стремления служить высоким социальным целям [14, С. 278].

Применительно к студенческой аудитории следует понимать, что современное информационное пространство способствует стихийному формированию мировоззрения человека, а для перевода этого процесса в сознательную плоскость необходимо осуществлять целенаправленную рациональную деятельность. Одним из вариантов может выступать осознанное развитие устойчивых профессиональных интересов, которые будут предопределять содержание мировоззренческого компонента культуры студентов и ориентировать их в многообразии моделей обмена информацией. Буквально с первого курса бакалавриата устойчивые интересы формируют каркас для личностного и профессионального развития студента, позволяя

оптимизировать деятельность в информационном пространстве, игнорировать деструктивный шум и, что немаловажно, не тиражировать его.

Ядром когнитивного компонента информационной культуры будущих юристов является высокий уровень интеллекта, широкий кругозор. Активизация интеллектуального потенциала студентов крайне важна для достижения целей и задач информационного общества. Взрачиваемая пытливость ума, стремление к поиску истины, интеллектуальному труду компенсируют неудобства пребывания человека в нестабильных массивах данных. Когнитивная составляющая информационной культуры обеспечивает эффективную навигацию в информационных потоках, позволяя оценивать безопасность, стабильность и надежность каналов обмена информацией, проводить ускоренную экспертизу и верификацию материала, а также рефлексировать деятельность и результаты в информационных реалиях в плане личностного и профессионального развития.

Мотивационно-целевой компонент сосредоточен на правильном формулировании цели и поддержании стойкого желания будущего юриста действовать разумно и логично вплоть до достижения соответствующих результатов. Целеполагание, мотивация, волевые установки позволяют неукоснительно придерживаться этических, нравственных, культурных и безопасных начал при коммуникации в нестабильном информационном пространстве.

Выводы. Уровень информационной культуры будущих юристов, закладываемый сегодня в процессе образовательной деятельности, визуализируется в ближайшей перспективе и должен найти свое выражение в позитивном изменении количества и качества общественных отношений в информационном поле. Реалии первой четверти XXI века характеризуют информационное пространство как сложный, противоречивый феномен, характеризующийся чрезмерной мобильностью верифицированной информации, динамизмом законодательства, информационном шумом, снижением ценности информации и т.д. Современное общество еще не достигло уровня общества знаний, что обусловлено объективными и субъективными факторами. Достижение целей Стратегии [1] невозможно без систематической, последовательной, целенаправленной работы над развитием информационной культуры молодежи, регулярного обращения к четырем базовым компонентам (ценностно-смысловому, мировоззренческому, когнитивному (интеллектуальному) и мотивационно-целевому), поскольку сегодняшние студенты уже являются скульпторами ценностного публичного информационного пространства, отвечающего требованиям общества знаний.

Список литературы

1. Указ Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» от 09.05.2017 № 203.

- URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ – (дата обращения: 18.09.2024).
2. Климова, А.Б. От информационного общества – к обществу знания / А.Б. Климова // Дискуссия. – 2016. – № 7 (70). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-informatsionnogo-obschestva-k-obschestvu-znaniya-2> – (дата обращения: 18.09.2024).
 3. Иванов, Д.В. Виртуализация общества [текст с экрана]. – URL: https://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt – (дата обращения: 18.09.2024).
 4. Завершилась осенняя сессия Государственной Думы [текст с экрана]. – URL: <http://duma.gov.ru/news/56106/> – (дата обращения: 18.09.2024).
 5. Вячеслав Володин: Государственная Дума должна находиться в повестке развития страны [текст с экрана]. – URL: <http://duma.gov.ru/news/58533/> – (дата обращения: 18.09.2024).
 6. Статистическое исследование динамики федерального законодательства. Февраль 2022 года. Система ГАРАНТ [текст с экрана]. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/77184197/paragraph/88:9> – (дата обращения: 18.09.2024).
 7. Флеров, О.В. Цифровая культура как основа развития информационной компетенции в социально-коммуникативных реалиях 2010-2020-х годов / О.В. Флеров, О.Н. Кутайцева // Образовательные ресурсы и технологии. – 2023. – № 4 (45). – С. 96-107.
 8. Диваева, И.Р. Проблемы, возникающие при использовании системы «Антиплагиат.ВУЗ» / И.Р. Диваева, Р.И. Пейзак, А.Н. Станкин, А.Р. Хайбуллин // Право и управление. – 2023. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-voznikayuschie-pri-ispolzovanii-sistemy-antiplagiat-vuz> – (дата обращения: 18.09.2024).
 9. Флёрв, О.В. Анализ тенденций потребления цифровой информации в сетевой среде / О.В. Флеров, О.Н. Кутайцева, В.А. Бахметьев // Образовательные ресурсы и технологии. – 2023. – № 2 (43). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-tendentsiy-potrebleniya-tsifrovoy-informatsii-v-setevoy-srede> – (дата обращения: 14.09.2024).
 10. Попов, Д.Г. О коммуникативном пространстве смыслов и фейков / Д.Г. Попов, В.В. Фокина // Общество. Коммуникация. Образование. – 2021. – Т. 12. – № 2. С. 137-146. DOI: 10.18721/JHSS.12211.
 11. Касавин, И.Т. Источники знания: проблема «Testimonial knowledge» / И.Т. Касавин // Epistemology & Philosophy of Science. – 2013. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-znaniya-problema-testimonial-knowledge> – (дата обращения: 18.09.2024).
 12. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> – (дата обращения: 18.09.2024).

13. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – М., 2021. – URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf> – (дата обращения: 14.09.2024).
14. Носков, В.А. Мировоззрение человека информационного общества: экзистенциальный аспект / В.А. Носков, Н.В. Зайцева // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2013. – № 23 (166). – С. 275-279 –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovozzrenie-cheloveka-informatsionnogo-obschestva-ekzistentsialnyy-aspekt> – (дата обращения: 25.09.2024).

УДК: 343.148:81

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

Дмитриева А.А., старший преподаватель кафедры русского, иностранного языков и культуры речи, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: AnnaFr83@mail.ru)

В статье рассматривается юридическая терминология и её применение юристами. Анализируются терминологические правовые нормы. Изучаются проблемы ошибочного толкования и понимания юридических слов-терминов. Подчёркивается особая значимость развития и разработки юридической терминологической системы.

Ключевые слова: юридические термины, интерпретация терминов, терминосистемы, юридическая теория и практика, правовые нормы.

LEGAL TERMINOLOGY AS A COMPONENT OF THE PROCESS OF FORMATION OF LEGAL THEORY

Dmitrieva, A.A.

The article discusses legal terminology and its application by lawyers. Terminological legal norms are analyzed. The problems of erroneous interpretation and understanding of legal terms are studied. The special importance of the development and development of the legal terminology system is emphasized.

Keywords: legal terms, interpretation of terms, terminological systems, legal theory and practice, legal norms.

Актуальность темы исследования. В правовой теории юридические термины – мало изученная тема. В юридической науке нет единого мнения по поводу теоретических характеристик, свойств и видов правовых терминов.

Право основывается на законах, для которых особое значение имеет юридическая терминология. Правовые явления отражают понятия. Для подготовки закона необходимо уметь использовать слова-термины. Чтобы донести информацию, которая содержится в правовых нормах, используют юридическую терминологическую систему, являющуюся главным информативным звеном законодательного текста.

В современном обществе постоянно происходит непрерывный процесс внедрения новых юридических понятий, что связано с обновлением техники

построения законов. Это приводит к необходимости совершенствовать терминологические правовые нормы. Язык правотворчества постоянно обновляется и требует улучшения.

Законодательство регулирует весь спектр общественных отношений, поэтому оно должно быть понятным на всех уровнях. К сожалению, существуют проблемы в законодательстве, когда юридические понятия основаны на ошибочном понимании терминологии. Чрезмерно употребляются заимствованные термины и неправильно интерпретируются. Всё это требует тщательного исследования и изучения со стороны специалистов.

Актуальность данного исследования связана с несовершенной системой использования юридической терминологии в языке законов. Ошибки при использовании юридических терминов могут приводить к ущемлению в правах граждан и способствовать политическим и правовым конфликтам. Поэтому крайне необходимо искать пути решения существующих терминологических проблем в области права.

Анализ научных исследований. Вопросы юридической терминологии стали исследовать после появления первых работ по изучению юридической техники. В России первыми исследователями правовой терминологии стали: Е.В. Васьковский, Л.Н. Демиса, И.А. Ильина, В.А. Каткова, К.П. Победоносцева.

Терминологический аспект права изучали: А.И. Абрамова, С.С. Алексеева, В.М. Баранова, С.В. Бошно, Н.А. Власенко, М.Л. Давыдова, Д.А. Керимова, Г.И. Муромцева.

Профессор А.Н. Баранов разграничивает юридически и лингвистически определяемые термины. Первые находят свою трактовку в законе, вторые – в лингвистике. Юридические термины имеют свои особенности и сложности. Из-за отсутствия единого объяснения могут возникать правовые конфликты. При появлении новых нормативных документов, возникают варианты соотношения юридических и лингвистических терминов [3].

А.С. Пиголкин в работе «Юридическая терминология и пути её совершенствования» отмечает, что существуют термины, которые определены в законе, и термины, которые не имеют юридических определений. Тем самым, он акцентирует внимание на том, что термины в законодательных актах обладают обособленностью. С этим можно согласиться, так как термины в правовой сфере различаются способом употребления. По мнению А.С. Пиголкина, слова, которые функционируют в законе – это обобщённые названия юридических понятий. Они имеют точный смысл и характеризуются одним значением и устойчивостью [9, С. 65].

Язык и право являются областью исследования правоведов и лингвистов. Американский исследователь юридического языка Б. Гарнер считает, что юриспруденция – это «литературная профессия» [4].

Правоведы должны относиться к слову так же серьезно, как и лингвисты. Многие слова, которые в обычной речи воспринимаются как

общеупотребительные, в профессиональной коммуникации становятся терминами.

Цель исследования – изучить процесс функционирования юридической терминологии в правовой теории.

Изложение основного материала. Профессиональную сферу общения обслуживает специальный язык. Именно слова-термины содержат в себе специальную информацию. При подготовке нормативных правовых актов возникает необходимость учитывать лингвистическую характеристику термина, установить его лексическое значение, рассмотреть этимологию данного слова, найти лексико-синтаксические связи. Возникает потребность исследовать само понятие «термин».

Согласно словарям понятие «термин» трактуется как слово, употреблённое с оттенком специального научного значения [8]. Термины – это особые слова, понимание которых сужается до особого назначения и точного выражения понятия. Такие слова обозначены чёткостью, устойчивостью, ясностью, специальным значением.

Язык права – это часть правовой системы, которая отличается особенностями логики, имеет свои традиции и функции. Особенности юридической языковой системы напрямую зависят от языка права. Тесная связь языка и права очевидна. Правовой язык обладает высокой степенью абстракции юридических понятий. Носителями языка права являются юристы, которые опираются на язык закона.

Юридическая терминология относится как к естественному языку, так и к языку права. Она находится на границе этих двух языков. Многим носителям языка трудно истолковать и понять значение терминов.

Правовая деятельность отражает общественную жизнь и её нормативные потребности. Юридическому способу мышления требуются специальные понятия, которые являются социальными. Если эти понятия недоработаны, не имеют чёткой структуры, то о совершенстве терминологической системы нет смысла говорить.

Вначале возникает понятие, а затем термин. Когда понятие находит своё место в законодательном акте и за ним закрепляется определённый термин, оно приобретает нормативные качества. Таким образом, правовые термины образуются и закрепляются в речи параллельно с понятиями, которые им соответствуют. Термин является внешней оболочкой понятия.

Следует отметить, что для юридических суждений, понятий и норм необходимо использовать связующее звено, которым могут выступать слова, отражающие внутреннюю структуру понятия, некую формулу, концепт. Термин может обозначать разные понятия. На определённом историческом отрезке времени понятие, которое обозначает термин, может меняться. Термин входит в терминологическую систему. Термины, которые используют для обозначения системы права, образуют некий отдельный уровень лексики, он поддаётся регулированию и систематизации.

Юридические термины используются при необходимости изложить содержание закона. Правовая терминология должна подчиняться определённым законам и в то же время не отклоняться от норм современного русского литературного языка. Профессиональные термины должны стремиться к точности, понятности, краткости, однозначности, простоте понимания.

В последнее время появилась тенденция стремления терминологизации к современности, стабильности, интернациональности, благозвучности. Усилилось значение конкретизации понятий, что связано с изменениями в юридической сфере и совершенствованием правовой системы.

Логика самого права говорит о системности терминов, внутренней согласованности. Юридические понятия взаимосвязаны друг с другом и обладают взаимообусловленностью. Каждый термин занимает определённое место в системе. Юридическую терминологию можно назвать сложной системой.

Термины должны иметь одно значение, толковаться и восприниматься одинаково. При работе с нормативными актами необходимо удаляться от многозначности и синонимии, так как предмет, названный конкретным словом, необходимо безошибочно определять. Таким образом, юридическая терминология нуждается в унифицировании и упорядоченности.

Вне конкретной терминологии термин может отличаться многозначностью, но попадая в правовое поле, он автоматически становится однозначным. Толкование такого термина не предполагает наличия нескольких значений, так как пониматься он должен одинаково всеми участниками языкового процесса. Те термины, которые полисемируются в правовом поле должны приобрести однозначность посредством контекста. Например, «право» – «закон». Каждое правовое понятие должно иметь закреплённый за ним однозначный термин. Многозначность и полисемия терминов в юриспруденции недопустимы.

Существует ряд терминов, которые приобретают и раскрывают своё значение в нормативных документах, их можно определить юридически. Термины, которые не имеют определения закона, считаются лингвистически определяемыми. Из-за отсутствия единого источника толкования возникает множество правовых конфликтных ситуаций. С одной стороны, термины в юридических текстах должны быть понятны для каждого индивида. С другой – совпадение термина с общенародным словом может стать причиной непонимания юридического текста. Рядовой носитель языка может лишь приблизительно понимать волю законодателя. В вопросе понимания юридических терминов может помочь только сбалансированная языковая система, тесное сотрудничество естественного языка и языка закона [6, С.41].

Следует добавить, что, например, обнаруженные одной из сторон в тексте договора языковые ошибки и противоречия относительно существенных условий сделки могут стать аргументом в пользу расторжения кредитного договора в судебном порядке. Эксперт-лингвист проводит исследование

сложных синтаксических структур, примененных составителем кредитного договора, выявляет все допущенные им противоречия и раскрывает их суть, научно обосновывая свои выводы [2, С. 8]. Языковеды рассматривают и анализируют слова, словосочетания, термины с лингвистической точки зрения, а правоведы – с юридической.

Юридический термин – это вербальная единица, которая находится в составе слов специального языка. Из-за этого возникают трудности при интерпретации терминологии. Внимание исследователей привлекают новые факты, которые влияют на семантическое поле терминологической единицы. Возьмём для примера практику научного комментария. Объект интерпретации здесь подчинён тексту нормативного правового акта. Комментатор знакомит с наиболее адекватным прочтением понятий, которым пользовался законодатель. Он анализирует историко-культурный подтекст, в котором формировался понятийный аппарат терминологии, сравнивает и анализирует различные терминопотребления.

Представление о термине как о средстве номинации меняется в зависимости от динамики его функционирования. Семантическая гибкость специальной лексики предусматривает общеобязательность правовых норм и открывает большие возможности перед человеком, который пользуется специальными понятиями.

Язык права характеризуется неоднородностью. В своём составе он имеет регистры с разной «плотностью» значения правового термина. Можно смело утверждать, что публично-правовой и частноправовой аспекты характеризуются специфическими требованиями к терминологии.

В профессиональную компетенцию судьи входит изучение специальной лексики. Разная интерпретация юридических терминов может привести к конфликтным ситуациям. Семантически близкая специальная лексика должна быть ясной и понятной.

Несоблюдение правил, касающихся терминологии, в судебном акте ставит под вопрос компетентность участников судебного процесса. В современном обществе судебные акты размещаются в сети Интернет, и любой человек может ознакомиться с материалами дела, а также предъявить ряд претензий, связанных с речевой культурой и компетентностью любого исполнительного органа.

Юридические тексты – это особая система со своими скрытыми смыслами и значениями. Для расшифровки подобных текстов необходимы специальные знания и определённый образ мышления.

Существует мнение, что в правовых документах должны использоваться термины, которые будут понятны и доступны всем носителям языка. Однако, если термин будет совпадать с общелитературным словом, то трудности понимания лишь усугубятся. Волю законодателя можно будет понимать только приблизительно, что приведёт к развитию условий для создания иллюзии понимания [10].

Таким образом, возникают сложности понимания и толкования значений слов-терминов. Проблема понимания текстов закона требует более тщательного и детального анализа данных языковых единиц. Целостность текста закона влияет на каждый его элемент. Общий смысл текста не может быть сведён к какому-то конкретному элементу. Возникает вопрос: возможно ли реализовать принцип общедоступности в юридических текстах?

Нельзя упрощать юридические тексты, так как это противоречит природе правовых терминов и является крайним способом для того, чтобы достичь понимания. Конечно, должна присутствовать языковая ясность. Как правило, юридические термины функционируют в контексте, который необходимо учитывать. Значения и смыслы формируются при помощи внутренних отношений всех элементов. Повышение уровня юридической образованности граждан будет способствовать достижению понимания терминологии.

Таким образом, возникает острая необходимость исследования юридической терминологии, для выявления недостатков правовой системы. Недочёты, которые негативно отражаются на восприятии юридических терминов, требуют тщательного анализа и своевременного устранения. Для этого необходимо осуществлять классификацию юридических терминов, изучать пути их образования.

Юридическая терминология относится к одной из значимых отраслевых терминосистем. Она используется в разных сферах коммуникации и является основой правовых текстов. Поэтому язык права необходимо изучать не только для личных целей, но и для специальных.

Участники судебного процесса опираются на понятия, которые и являются терминами. Их эффективность зависит от того, насколько правильно они применяются. Для достижения максимального эффекта в языковой и правовой сферах целесообразно придерживаться правил касательно терминов. В конкретном тексте они должны быть логически связными, соотноситься с профессиональной сферой употребления. В зависимости от контекста смысл терминов не должен меняться, они должны отличаться стабильностью. Законодатель не должен использовать термин в каком-то особом смысле и пренебрегать общепризнанностью. Юридическое понятие должно быть единым, употребляться в одном и том же смысле в законе или нормативном акте [10].

Становится очевидным, что в юридической практике терминами становятся слова, которые употребляются в общелингвистическом значении. Следовательно, в праве термины приобретают более широкое понятие, чем в лингвистике.

Юридическую лексику, как правило, делят на термины, терминомы, профессионализмы. Основанием для классификации лексики как юридической является принадлежность её к определённой отрасли права.

Для правильного понимания терминов, связанных со сложными вопросами применения права, необходимо разрабатывать суждения, направленные на понимание норм права, обобщение материалов дел. Единообразное применение

норм права достигается при помощи интерпретации юридических терминов судьёй.

Юридический язык функционирует на основе анализа логико-понятийных законов. В современных тенденциях развития права становится очевидным, что законодательство может утратить эффективность при условии упадка понятийного и терминологического аппаратов, которые отражают теоретические и практические стороны права. Для успешного изучения вариативности юридических терминов необходимо исследовать функции и элементы понятий права. Такое исследование играет ведущую роль при формировании основ правового регулирования общественных отношений. Результаты толкования юридических терминов закрепляются в праве при помощи языка и логики. Основные направления развития специальной лексики отражают понятийные основы правоведения.

Качественная подготовка правовых актов зависит от лингвистической характеристики понятий, нормативности юридической терминологии, лексико-синтаксических связей, лексического значения слов.

Интерпретация юридических терминов и понятий требует доступности и ясности в понимании. Необходимо тщательно анализировать разработки правовой практики, которые непосредственно касаются юридических терминов.

Частное право является основой, посредством которой пополняется терминологический фонд юридических отраслей: уголовное право, гражданское право и т. д. Каждый закон должен содержать чёткие юридические понятия. Двусмысленность и неоднозначные трактовки должны быть исключены. Понятийный аппарат должен быть доступен не только юристам, но и гражданам, владеющим минимальной правовой культурой.

Уточнение понятийного аппарата необходимо также для обеспечения интересов личности и общества, для правильной работы юридических институтов общественной безопасности.

В судебной практике бывает, что толкование понятия производится посредством перечисления его множеств. Например, трактовками понятия «счётная ошибка» считается:

1. Ошибка, возникающая при выполнении математических действий. Это может быть неверный результат, полученный при подсчёте заработной платы или премии.

2. Ошибка при сбое счётной программы.

3. Механическая ошибка, которая может возникнуть при переносе данных из одного документа в другой. Объективное решение по делу может быть вынесено только при условии правильной трактовки понятия.

В настоящее время в юридической науке некоторые исследователи отождествляют термины и понятия, воспринимая их как синонимы. Различия между ними стираются. Так, Соколов П.А. считает, что понятийный аппарат, он же и терминологический, представляет собой систему понятий, терминов и их определений.

Следует отметить, что приравнивать понятия и термины нельзя, так как понятие – это мысль, которая отражает предметы и явления обобщённо через фиксацию свойств и отношений. Юридические термины, в свою очередь, обозначают государственно-правовые понятия, при помощи которых нормативные предписания права закрепляются в законе. Следовательно, термин и понятие нельзя соотносить как единое целое. Правовой термин – это номинация юридического понятия, слова или словосочетания, которое употребляется в законодательстве. Таким образом, понятия отражают суть явления юридической деятельности, а термины их называют. Понятия связаны с элементами и процессами правовой деятельности, а термины – это семантический поиск. Другими словами, юридические термины обозначают словесные понятия, которые используются при изложении содержания закона.

Буквальное понимание слов и выражений положено в основу толкования терминов, которые содержатся в законах и других юридических документах. Суд, как правило, принимает во внимание не только буквальное значение слов, но и цели, которые преследовал законодатель при установке конкретного правила. Для судей силу имеет не всякое слово, а только то, которое входит в рамки силы закона. Юридические работники обязаны руководствоваться не буквой закона, а мыслью законодателя. Именно посредством раскрытия этой мысли трактуется закон.

Понять суть правовой нормы сложно без учёта связей с другими нормами. Она действует в правовом поле не изолированно, а во взаимодействии. Иногда смыслу отдельных нормативных предписаний не уделяется должного внимания. Необходимо учитывать, что системное толкование термина состоит в сопоставлении юридических норм в целях установления смысла нормы [10].

Суд может использовать юридический термин не в правовом, а в другом значении. Например, государство, с одной стороны, выступает в роли законодателя, с другой – собственника и работодателя (экономический смысл). В тексте Постановления Конституционного Суда РФ правовое содержание термина «работодатель» не рассматривается.

Для дискредитации оппонента юридические термины могут использоваться в негативном смысле в текстах судебного акта. Например, термин «аншлюс» (присоединение) может быть использован в отрицательном значении аннексии.

Для интерпретации юридического термина необходимо наличие среды. Такой средой является текст. Он помогает осуществлять коммуникацию в сфере правосудия. Посредством системы реального мира взаимодействует термин и текст. Чтобы объективно осуществить интерпретацию правовых понятий, необходимо рассматривать их в общей лексической и грамматической системе. Понятийный и лексический уровни взаимосвязаны.

Чтобы точно определить смысл того или иного документа, необходимо определить границы изучаемого объекта. Интерпретируя текст, судьи обращают внимание на определённые слова и сочетания слов, которые могут существенно

изменить характер документа. Толкование терминологии судебных актов будет считаться адекватным при наличии помощи квалифицированного представителя. Всегда необходимо учитывать не только юридическую, но и языковую сторону процесса.

Следует отметить, что юридические термины имеют значения, обособленные, автономные. В сочетании с общеупотребительной лексикой они приобретают собственный смысл. Иногда семантика юридического термина соединяет в себе обособленное его значение со смыслом нормы и общим смыслом нормативного правового акта. В таком случае суды стремятся обращаться к официально закреплённым значениям терминов.

Выводы. В сфере профессиональной коммуникации правовые термины несут основную смысловую нагрузку, поэтому неудивительно, что наука проявляет особый интерес к юридической терминологии.

Анализ результатов интерпретации юридической терминологии позволяет обеспечить необходимое соответствие между термином и понятием. В юридической деятельности языковые средства играют важную роль. Юристы должны с повышенным вниманием изучать правовую терминологию, поскольку нормы права выражаются средствами языка, и любой член общества может столкнуться с терминологией права.

Комплексное исследование юридической терминологии позволит обнаружить трудности понимания правовых текстов носителями языка и найти пути их преодоления, как для читателей нормативного акта, так и для его создателей.

Исследование аспектов правовой терминологии открывает новые перспективы в изучении ряда теоретических и практических положений. В условиях современных реалий необходимо расширять круг поиска специфических свойств юридических терминов и разносторонне исследовать данные языковые единицы.

Список литературы

1. Азарова, Л.Е. Лексико-семантические особенности термина / Л.Е. Азарова // Языковые единицы: логика и семантика, функции и прагматика: сб. научн. труд. к 75-летию П.В. Чеснокова, Таганрог : ТГПИ. – 1999. – 207 с.
2. Алымова, Е.В. Лингвистическая экспертиза по уголовным, гражданским и административным делам: опыт российского эксперта – Донбассу / Е.В. Алымова // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – № 21 – 2022. – С. 7-17.
3. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие / А.Н. Баранов. – М.: Флинта : Наука, 2007. – 592 с.
4. Гарнер, Б. Эффективные письменные деловые коммуникации / Б. Гарнер; перевод с английского В. Уразаевой. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 208 с.

5. Голев, Н.Д. Юрислингвистика. Вводный очерк теории : учебное пособие / Н.Д. Голев. – Кемерово : КемГУ, 2021. – 214 с.
6. Дмитриева, А.А. Юридизация естественного языка в правовой системе и текстах закона / А.А. Дмитриева // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – № 27 – 2024. – С. 35-44.
7. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 2003. – 943 с.
9. Пиголкин, А.С. Юридическая терминология и пути её совершенствования / А.С. Пиголкин. – М.: Изд-во ВНИИСЗ. 1971. – С.18-34.
10. Салтыков, К.Г. Семантическая вариативность терминологии судебного акта: монография / К.Г. Салтыков; Дальневосточный юрид. Ин-т МВД России. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2017. – 144 с.
11. Полякова, Я.В. Некоторые вопросы истории и современных тенденций развития юридической лингвистики в зарубежных странах / Я.В. Полякова // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – № 21 – 2022. – С. 83-92.

УДК 343.3/.7

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМ ЯВЛЕНИЕМ

Мамона Т.М., старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: mamonat@list.ru)

В данной работе рассматривается роль антикоррупционных мер в контексте изменений в национальном законодательстве. Приводятся ключевые законы, которые служат законодательной базой для борьбы с коррупцией. Подчеркивается, что помимо применения уголовно-правовых мер к коррупционным преступлениям, современными способами снижения коррупции выступают развитие международного сотрудничества для идентификации, ареста и возврата в Россию активов и средств, добытых незаконным путем; усовершенствование методик выявления и урегулирования конфликтов интересов; улучшение антикоррупционных мер; оптимизация механизмов контроля за расходами служащих в государственном секторе; повышение эффективности образовательных и просветительских программ, направленных на укрепление гражданского общества и его неприятие коррупции.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, нормативно-правовые акты, антикоррупционная политика.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE FIGHT AGAINST CORRUPTION AS A CRIMINAL PHENOMENON

Mamona, T.M.

The paper reveals the importance of anti-corruption measures in modern conditions of transformation of domestic legislation. The main normative legal acts that are the legislative basis for combating corruption are indicated. It is noted that in addition to measures of criminal legal impact on corruption crimes, modern measures to minimize corruption manifestations are the development of international cooperation to identify, arrest and return to the Russian Federation property and funds obtained through corruption; modernization of methods for identifying and resolving conflicts of interest; improving the effectiveness of anti-corruption measures in the field of public procurement; improving mechanisms for controlling the expenses of civil servants; improving the effectiveness of educational and awareness-raising measures that strengthen civil society and its intolerance of corruption.

Keywords: *corruption, anti-corruption, regulatory legal acts, anti-corruption policy.*

Актуальность темы исследования. На сегодняшний день актуальным остается вопрос об эффективности современных методов борьбы с коррупцией и о том, какие меры могут стать качественными для ее снижения. Коррупция – одно из наиболее распространенных и серьезных преступлений, требующих действенных мер для профилактики и предотвращения. Она продолжает быть значительной проблемой в Российской Федерации, оказывая прямое негативное воздействие на качество государственного управления и уровень жизни населения, замедляя развитие общества и государства.

В России работает множество организаций и приняты правовые акты, направленные на борьбу с коррупцией. Тем не менее, значительная часть этих актов носит декларативный характер и нуждается в улучшении. Существуют также правовые меры, которые реально могут противостоять коррупции. Однако рост количества коррупционных преступлений ставит под сомнение их действенность и качество.

Анализ научных исследований. Исследованием мер, способов, методик, механизмов, а также профилактики противодействию коррупции занимались и занимаются многие ученые и исследователи в Российской Федерации. Среди них можно выделить таких ученых как А.И. Гуров, М.И. Дзилиев, А.Ф. Зубакова, М.Г. Завельский, Е.А. Ехлакова, Н.Д. Ильенкова, В.О. Исправников, Э.И. Игнатенко, Е.Д. Катульский, Ю.Г. Козлов, Т.И. Корягина, В.В. Куликов, Н.Г. Кутын, М.И. Левин, И.К. Ларионов, С.В. Лукьянов, О.В. Овсиенко, В.Е. Перекислов, Н. Н. Пилипенко, Л.М. Тимофеев, В.А. Фадеев, Е.В. Чупрова и другие.

Цель статьи. Настоящее исследование направлено на выявление проблем и перспектив совершенствования уголовно-правовых способов борьбы с коррупцией в Российской Федерации.

Изложение основного материала. Российская Федерация конституционно провозглашена демократическим государством (ст. 1 Конституции РФ) [1]. Постоянство демократического развития нашего государства в значительной степени зависит от воплощения принципов законности и справедливости, неукоснительного соблюдения всеми государственными служащими буквы закона, преодоление случаев незаконного получения должностными лицами материальных благ, услуг, льгот или других преимуществ. Коррупция, на борьбу с которой направлено множество государственных ресурсов, все еще оказывает деструктивное влияние на общественную жизнь и подрывает доверие общественности к деятельности государственных служащих, пагубно влияет на экономическое и политическое развитие, представляет реальную угрозу национальной безопасности большинства стран мира. Коррупционные явления наносят значительный материальный и моральный вред большому кругу

граждан, пагубно сказываются на экономической деятельности субъектов хозяйствования, особенно негосударственных форм собственности.

В современном мире существуют различные подходы к классификации коррупции. При этом, ни одна из них не является общепринятой и не носит исчерпывающий характер. Причиной этому, по мнению Н.А. Ахметовой, является «однобокий характер» исследований авторов, которые не учитывают многогранность и многоаспектность такого феномена как коррупция [2, С. 96].

Чтобы определить формы и типы коррупции, можно обратиться к анализу законодательства и теоретических учений. Разделение видов коррупции основывается на наборе характеристик, в который входят её цели, суть и сфера социального функционирования, где она проявляется.

При определении термина «коррупция» в рамках действующего законодательства стоит обратить внимание на положения статьи 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Важно отметить, что законодатели выбрали довольно простой путь: основное содержание понятия коррупции формируют деяния, которые отражены в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [3].

В соответствии с вышеупомянутым законодательным положением, коррупция охватывает следующие формы:

- а) злоупотребление служебным положением;
- б) дача и получение взятки;
- в) злоупотребление полномочиями;
- г) коммерческий подкуп;
- д) незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства для достижения собственной выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг, а также передача таких выгод другим лицам;
- е) осуществление тех же действий от имени или в интересах юридического лица.

Согласно аналитическим и статистическим данным, ущерб экономики нашей страны от коррупции составляет около 45% от валового внутреннего продукта. Также вред наносится охраняемым законом правоотношениям, поскольку по статистике МВД РФ ежегодно на территории нашей страны фиксируется свыше 15 тысяч преступлений коррупционной направленности, общий ущерб от которых достигает 177 миллиардов рублей в год [4, С. 69]. Это свидетельствует о том, что коррупция существенно способствует развитию теневого сектора экономики внутри страны, значительно ослабляет рыночные механизмы взаимодействия в экономической системе, нарушает права и свободы человека и гражданина, наносит ущерб общественным отношениям, охраняемым государством, приводит к неравномерному распределению бюджетных средств, увеличению уровня преступности и созданию олигархических структур в управленческой системе. На международной арене коррупция негативно воздействует на политику страны, в том числе серьезно ухудшает имидж

государства на мировой сцене, создает предпосылки для экономической и политической изоляции в международной среде, снижает доверие к государственным органам как внутри страны, так и со стороны международных партнеров. Все это вместе взятое позволяет утверждать, что коррупция действительно представляет собой угрозу национальной безопасности нашей страны [5, С. 742].

Российская Федерация стоит перед большим вызовом, который заключается в противостоянии системной коррупции, которая влияет на все сферы общества и глубоко подрывает доверие к властным институтам. Проблемы противодействия коррупции остаются неотложным и сложным делом, которое требует комплексного подхода и синергии всех общественных сил.

Первой ключевой проблемой является недостаточная эффективность правового регулирования в сфере противодействия коррупции. Необходимо модернизировать законодательство, усовершенствовать механизмы его выполнения и обеспечить сдерживание и наказание для тех, кто нарушает антикоррупционные нормы. Кроме того, важно усовершенствовать систему мониторинга за соблюдением антикоррупционного законодательства и обеспечить эффективный механизм отчетности перед общественностью.

Направления совершенствования законодательства по противодействию коррупции требуют детального исследования. Кроме того, важность данного вопроса требует внимания в рамках отдельного вопроса настоящего исследования.

Второй серьезной проблемой является низкий уровень доверия к властным институтам и правоохранительным органам.

Указанная проблема актуальна не только для населения Российской Федерации, но и для многих стран постсоветского пространства.

Трансформация политических систем в конце XX века привела к актуализации проблемы доверия к государственным институтам на постсоветских территориях. Процесс перехода от авторитарных режимов к демократическим на территории европейского СССР и изменение легитимации власти в странах Азии сделали вопрос доверия центральным для поддержания легитимности правления. В поздние советские годы наблюдалось снижение доверия граждан к власти, однако рыночные реформы и демократизация, сопровождавшиеся уменьшением социальной поддержки, политическими и экономическими кризисами, нестабильностью правовых систем и растущим неравенством, усугубили проблему доверия к государственным структурам. Увеличение уровня преступности дополнительно подорвало доверие между людьми [6, С. 122]. Правоохранительные органы также являются одним из объектов, страдающих от правового нигилизма.

Также важнейшим элементом обеспечения общественного порядка является уровень доверия граждан к правоохранительным органам. Однако,

прежде чем рассматривать как доверие связано с правопорядком, необходимо уточнить, что подразумевают эти понятия.

Доверие к правоохранительным органам означает их надёжность и зиждется на репутации отдельных сотрудников, которые взаимодействуют с общественностью или конкретным человеком. Доверие значимо для индивидуума также и с психологической точки зрения, поскольку основывается на «презумпции надёжности» органов правопорядка, выступающих в качестве носителей власти, которые действуют соответственно закону и справедливо. Доверие к этим структурам формирует уверенность в их корректной деятельности [7, С. 19].

Существуют многочисленные причины данного явления, и следует учитывать разнообразные факторы, влияющие на возникновение и потерю доверия, которые обладают изменчивым характером. Негативное общественное настроение, недоверие к действиям и низкий уровень доверия к полицейским структурам частично объясняются тем, что общественный запрос на информацию о раскрытии и расследовании преступлений, а также на детали проводимых мероприятий не всегда может быть полностью удовлетворен. Для укрепления доверия граждан к государственным органам важна открытость и прозрачность правоохранительных структур, их готовность к открытому диалогу с обществом. Однако следует учитывать, что такая открытость не должна мешать выполнению правоохранительными органами своих законных задач.

В данном аспекте требуется повышение профессионализма компетентности сотрудников правоохранительных органов, а также обеспечения их независимости от политического влияния. Кроме того, важно внести изменения в системе набора и кадровой подготовки работников правоохранительных органов, чтобы обеспечить высокий стандарт профессиональной этики и приверженности идеалам справедливости [8, С. 76].

Следующей, взаимосвязанной с предыдущей проблемой, является проблема несовершенства системы правового регулирования ответственности в государственном управлении. Дисциплинарная ответственность имеет свойство не только наказания государственных служащих за уже совершенные дисциплинарные проступки, а и одним из средств их предотвращения. Повышая дисциплинированность государственных служащих, меры дисциплинарной ответственности могут предотвратить совершение коррупционного правонарушения при выполнении должностных обязанностей.

Эффективность функции государственных органов главным образом определяется компетентностью и добросовестностью их сотрудников. Поэтому, когда вопросы, входящие в обязанности этих органов, решаются неудовлетворительно, они несут первоочередную ответственность перед гражданами.

В соответствии с Федеральным законом «О противодействии коррупции», коррупция определяется как злоупотребление служебным положением, взяточничество, злоупотребление полномочиями или иное незаконное

использование должностного положения в ущерб интересам общества и государства с целью получения выгоды в форме денег, ценностей, имущества или услуг [9].

Самым строгим дисциплинарным наказанием, предусмотренным ныне действующими законами РФ для государственных и муниципальных служащих, является увольнение, порядок которого описан в статье 33 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации». К основаниям для увольнения относятся: прогулы; явка на работу в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; разглашение государственной тайны и другой служебной информации; кража или преднамеренная порча имущества на рабочем месте; многочисленные нарушения при уже наличии взыскания; выявление факта предоставления ложных данных при трудоустройстве или подложных документов. Следует отметить, что полного перечня дисциплинарных проступков, совершаемых государственными и муниципальными служащими, не существует, поскольку это не закреплено законодательно.

Коррупция извращает истинное предназначение местного самоуправления, когда граждане, являясь его ключевыми участниками, оказываются под влиянием чиновников муниципального уровня, подконтрольных региональным властям, а также организаций и учреждений. Исходя из конституционного закрепления независимости местной власти, можно обоснованно говорить о необходимости разработки собственной муниципальной стратегии по борьбе с коррупцией. Однако её действенность возможна только в сочетании с общегосударственными мерами противодействия коррупции.

В данном аспекте важно постоянно совершенствовать систему эффективного мониторинга и оценки результативности работы государственных служащих, а также обеспечить механизмы ответственности за недостатки и нарушения в их деятельности.

Следующей важной проблемой является необходимость постоянной работы по совершенствованию работы органов судебной системы. Доступ к справедливому судебному решению является критическим числом для противодействия коррупции. В свете противодействия коррупции необходимо обеспечить высший стандарт профессиональной этики судей и независимость судебных органов от внешнего воздействия [10, С. 224].

Действующая судебная система, как отмечают Т.Ю. Пяткина, Н.Г. Тараканова, «в ряде случаев не позволяет обеспечить доступ к правосудию как пострадавших от преступлений и должностных злоупотреблений, так и обвиняемых, считающих себя невиновными» [11].

Реальность данной проблемы подтверждают итоги опроса, осуществленного АНО «Независимый Исследовательский Центр», согласно которым примерно 50 % россиян не доверяют судебной системе страны в той или иной мере, тогда как только 34% опрошенных, напротив, выражают различный уровень доверия [12].

В качестве основы противодействия современной преступности должно лежать понимание доступа к правосудию не только как универсальной декларативной гарантии, но и как эффективно функционирующего механизма правовой охраны и защиты личности, лиц и государства от преступных посягательств. При совершенствовании данного порядка следует оперировать такими подходами как актуальность правового обеспечения, комплексное целеполагание материального и процессуального права, гибкость и дифференциация процессуальных процедур и форм, реальное, полное и своевременное восстановление в нарушенных правах, предупреждение правонарушений.

Еще одной проблемой является нехватка эффективных механизмов конфискации имущества, полученного с применением коррупционных схем. Необходимо усовершенствовать законодательство и создать эффективные механизмы возврата собственности, которая была незаконно нажитой.

В данном аспекте крайне спорно выглядит позиция законодателя об отсутствии норм, стимулирующих исполнение решения суда о конфискации имущества. Проблема в том, что в настоящее время не предусмотрено специальных мер ответственности за уклонение от исполнения конфискации. Таким образом, отсутствие имущества, подлежащего конфискации, следуя разъяснением Верховного суда РФ, порождает правовые последствия в виде прекращения исполнительного производства. При этом общеизвестным является факт сокрытия имущества, полученного в ходе совершения преступления, от государственных органов, для этого используются различные схемы от оформления на подставных лиц, до легализации через незаконные сделки. В любом случае имущество, приобретенное преступным путем, как правило, не находится в натуральном виде у преступника, а значит, для выполнения предупредительной функции в современных условиях конфискация должна приобрести иной вид, адаптированный под настоящие условия. Следует согласиться с мнением С.В. Шевелевой, что для результативности применения конфискации имущества достаточно наложить арест на имущество (ч. 1 ст. 115 УПК РФ), которое впоследствии могло быть конфисковано и не позволило обвиняемому, его родственникам и другим заинтересованным лицам скрыть его от компетентных органов [13, С. 74].

Шестой проблемой является низкая правовая культура в обществе.

Для устойчивого развития правовой культуры могла успешно развиваться, необходимо создать устойчивую и тесную связь между государством и гражданами. Последние должны ощущать свою важность и ключевую роль в жизни государства. Эффективное и открытое взаимодействие должно стать надежной основой для защиты конституционных прав и гражданских свобод. При выполнении государственной политики следует устранить максимальное количество преград и обеспечить «прозрачный» диалог между органами государственной власти, их структурами, чиновниками, а также

негосударственными учреждениями, организациями и гражданами [14, С. 49].

Средствами повышения правовой культуры граждан являются распространение права, развитие правовых знаний граждан и практическое укрепление верховенства закона. Строгое соблюдение закона и борьба с преступностью должностными лицами, в том числе государственными, оказывает значительное воспитательное воздействие на граждан, особенно на молодежь.

Следует отметить, что противодействие коррупции является общенациональным делом, требующим взаимодействия всех сфер общества. Благодаря совместным усилиям достичь возможных значительных успехов в противостоянии коррупции и построении справедливого, процветания и демократического общества.

Выводы. Современное законодательство направлено не только на непосредственное контролирование тех областей, где возникают угрозы вследствие коррупционных факторов, но и на объединение усилий в борьбе с коррупцией через различные формы сотрудничества. Полностью ликвидировать коррупцию, как выражение негативных черт человеческой натуры, практически невозможно. Реформы должны стремиться не столько к полному уничтожению коррупции, сколько к значительному повышению эффективности, честности и легитимности государственного аппарата. Полное искоренение коррупции недостижимо, но можно предпринять меры для её ограничения и снижения наносимого ей ущерба. В свете этих слов можно полагать, что существующие в Российской Федерации антикоррупционные механизмы, основанные на современных правовых нормах, демонстрируют свою эффективность в борьбе с коррупцией в государственных структурах, выступают основой антикоррупционной системы и предотвращают негативное воздействие коррупции на российское общество.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11 – ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 14.04.2014. – № 15. – С. 1691.
2. Ахметова, Н.А. Проблемы типологизации коррупции / Н.А. Ахметова // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Юриспруденция. – 2011. – № 2 (15). – С. 28.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.03.2022) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ – (дата обращения 24.09.2024).
4. Журкина, О.В. Коррупция как угроза национальной безопасности / О.В. Журкина // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т.12. – № 9-1. – С. 469-474.

5. Гусакова, О.А. Коррупция: понятие, признаки, виды / О.А. Гусакова // Вестник научной мысли. – 2021. – № 6. – С.742-745.
6. Половнёв, А.В. Доверие институтам государства: Россия в контексте общеевропейских тенденций / А.В. Половнёв // Вестник МГЛУ. – 2015. – Вып. 2 (713). – С. 122.
7. Бануляк, Н.А. Новые информационно-коммуникационные технологии как инструмент формирования общественного доверия к органам государственной власти России. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2013. – 196 с.
8. Шведов, В. Анализ механизмов противодействия коррупции // Столыпинский вестник. – 2022. – Т. 4. – № 3. – С. 55-69.
9. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. от 07.10.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. № 52 (ч. 1), ст. 6228.
10. Сангаджиева, К.В. Судебная защита как вид государственной защиты прав и свобод граждан в Российской Федерации / К.В. Сангаджиева // Образование и право. – 2021. – №3. – С. 224-232.
11. Пяткина, Т.Ю. Гарантии реализации права на судебную защиту / Т.Ю. Пяткина, Н.Г. Тараканова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://arzamas.ruc.su/upload/medialibrary/db4/Пяткина_Тараканова.pdf – (дата обращения: 03.09.2024).
12. НИЦ. Отношение россиян к судебной системе (по материалам всероссийского опроса 2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://исследовательский-центр.рф/otnoshenie-rossiyan-k-sudebnoj-sisteme-po-materialamvserossijskogo-oprosa/> – (дата обращения: 03.09.2024).
13. Шевелева, С.В. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера / С.В. Шевелева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 3. – С. 73-84.
14. Зорченко, Е.А. Теория государства и права : учеб. пособие / Е.А. Зорченко, Н.А. Полящук, Н.М. Юрашевич. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2014. – 307 с.

УДК 347.462.2

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КОРПОРАТИВНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Момот Е.В., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: momot_e@rambler.ru)

В статье рассмотрены вопросы, связанные с корпоративным представительством, возникающим в трудовых правоотношениях. Проанализирована роль руководителя юридического лица как представителя в корпоративном представительстве. В исследовании рассмотрены и проанализированы такие понятия, как «корпоративное представительство» и «уставное представительство». На основании проведенного анализа сделан вывод о том, что руководитель юридического лица может выступать в рамках как внешнего, так и внутреннего представительства.

Ключевые слова: представительство, трудовые отношения, руководитель, доверенность, корпоративное представительство.

LABOR RELATIONS AS AN ELEMENT OF CORPORATE REPRESENTATION

Momot, E.V.

The article discusses issues related to corporate representation arising in labor relations. The role of the head of a legal entity as a representative in a corporate representation is analyzed. The study examines and analyzes such concepts as "corporate representation" and "statutory representation". Based on the analysis, it was concluded that the head of a legal entity can act within the framework of both external and internal representation.

Keywords: representation, labor relations, head, power of attorney, corporate representation.

Актуальность темы исследования. Реформирование отечественного гражданского законодательства, начавшееся еще в 90-х годах прошлого столетия, продолжающееся и до сих пор, в эпоху глобализации и цифровизации, было довольно широкомасштабным и прошло несколько этапов. Оно касалось и субъектного состава гражданских правоотношений, и их объектов с разнообразным правовым режимом (в том числе, и связанное с появлением новых объектов), и подходов к защите и ответственности, то есть,

основополагающих и фундаментальных для цивилистики концептов. Одним из них было введение в российском законодательстве принципиального подхода к видам и организационно-правовым формам юридических лиц с появлением в нашем бытии корпоративных организаций.

В юридической науке одним из дискуссионных вопросов является природа и место корпоративных отношений. Предметом активных дискуссий является проблема выделения корпоративных отношений в качестве самостоятельного структурного элемента гражданско-правовых отношений.

Отдельно стоит выделить и институт представительства в корпоративном праве. Корпоративное представительство обеспечивает гибкость управления, позволяя компаниям оперативно реагировать на изменения в деловой среде и эффективно взаимодействовать с внешними контрагентами. Это важный инструмент, позволяющий акционерам, управляющим и другим заинтересованным сторонам сосредоточиться на стратегических задачах, оставляя рутинные операции на ответственность поверенных.

Юридическая природа института представительства корнями уходит в общее право, где оно рассматривалось как способ передачи физическим или юридическим лицам право действовать в интересах другой стороны. В корпоративном праве представительство регламентируется как внутренними уставами организаций, так и внешними законодательными актами, регулирующими деятельность представительских органов.

Указанное обуславливает актуальность выбранной тематики исследования.

Следует отметить, что трудовые отношения в системе корпоративного представительства занимают ключевую роль в обеспечении эффективного функционирования компаний. Сложившаяся практика корпоративного управления напрямую зависит от уровня взаимодействия между работодателями и работниками, что требует глубокого анализа и понимания специфики данного рода отношений.

Вопросы представительства в трудовом праве приобрели особую актуальность в связи со становлением и развитием социального диалога в сфере труда. Социальная стабильность в отношениях сторон социального диалога во многом зависит от того, кто и как представляет их интересы. В связи с этим перед наукой трудового права встала задача исследовать отношения, складывающиеся при реализации представительской функции представителями работников и работодателей, правовой статус лиц, которых представляют – работников и работодателей, их представителей и систему взаимосвязей между ними.

Анализ научных исследований. Вопросам, касающимся юридических лиц и представительства, в том числе, были посвящены исследования Н.В. Козловой, А.А. Будлаковой, Б.Б. Черепихина [9] и др.

Цель статьи заключается в рассмотрении трудовых отношений в системе корпоративного права и исследовании их как элемента корпоративного представительства.

Изложение основного материала. Корпоративные отношения, будь то в хозяйственных обществах или кооперативах, оцениваются как гражданско-правовые, где участники владеют равными правами и могут предъявлять материально-правовые требования. Особенность их заключается в том, что власть в этих отношениях основана на согласии и соглашениях между участниками, что придает корпоративным правам свой уникальный характер, отличный от традиционных гражданско-правовых отношений. Корпоративные отношения в гражданском праве, рассматриваемые с имущественной точки зрения, связаны с оборотом товаров. Это взгляд, где корпоративное право представляет собой часть гражданского законодательства, охватывая нормы, регулирующие эти отношения.

Корпоративные отношения играют ключевую роль в функционировании современной экономики. Урегулирование данных отношений в правовом поле позволяет обеспечить стабильность и эффективность взаимодействия между участниками корпоративного сектора.

Институт представительства в корпоративном праве играет ключевую роль в обеспечении эффективной и законной деятельности корпоративных структур. Представительство в данном контексте подразумевает делегирование полномочий специально уполномоченным лицам или органам, задачей которых является совершение юридически значимых действий от имени компании.

Одним из ключевых аспектов института представительства является защита интересов компании и ее акционеров. Это достигается через четкое определение полномочий представителей, установление механизмов отчетности и контроля, а также путем применения мер юридической ответственности за превышение полномочий или ненадлежащее исполнение обязанностей.

В современном мире, где компании становятся более глобальными, а структуры – более гибкими, трудовые отношения приобретают новые формы, но их суть остается неизменной. Это взаимосвязь, основанная на доверии, взаимоуважении и общих целях. Каждый сотрудник вносит свой вклад в развитие компании, а организация, в свою очередь, предоставляет ему пространство для профессионального и личностного роста.

Трудовые отношения обычно понимаются как отношения, обусловленные юридически признанной связью между лицом, выполняющим работу, и лицом, в интересах которого выполняется работа, с выплатой вознаграждения и при определенных условиях, предусмотренных национальным законодательством и практикой. Во многих юрисдикциях ключевым элементом является подчинение. Обычно присутствуют три элемента: работа выполняется для другого человека; за вознаграждение; и в рамках подчинения.

Со временем понятие трудовых отношений эволюционировало и стало более разнообразным, охватывая ситуации, которые отличаются от традиционной полной занятости, что стало реакцией на вызовы, вызванные потребностями предпринимателей и работников в работе на гибких условиях.

Трудовые отношения влекут за собой взаимные права и обязанности работодателя и наемного работника и обеспечивают доступ к правам и льготам, обусловленным занятостью.

Вопрос о том, кто состоит или не состоит в трудовых отношениях и какие права и средства защиты вытекают из этого статуса, в последние десятилетия стал проблематичным в результате масштабных изменений в организации труда, приведших к возникновению новых форм труда, которые не обязательно вписываются в традиционное понятие трудовых отношений и ставят под сомнение адекватность правового регулирования в процессе адаптации к этим изменениям. Такие изменения ускорились в результате глобализации, которая характеризуется быстрой экономической интеграцией между странами в результате либерализации торговли, инвестиций и потоков капитала, а также цифровой трансформацией и другими технологическими инновациями.

Трудовые отношения можно рассматривать как многоплановое взаимодействие между работодателем и работником, включающее в себя правовые, экономические и социально-психологические аспекты. Грамотное управление трудовыми отношениями способствует созданию положительного имиджа компании, укреплению доверия со стороны партнеров и клиентов, а также снижению текучести кадров.

Усматривается, что при создании категории представительства и закреплении ее в правовых нормах была использована формула (схема), присущая юридической фикции, как средства юридической техники, а именно – признание существующим факта, которого не существует в действительности, то есть не существует в материальном мире.

Следовательно, представительство, которое предполагается нормами права, является юридической фикцией, использованной законодателем для закрепления несуществующего существующим.

Представляется, что представительством является юридическая фикция, которая заключается в том, что вся или часть личной дееспособности одного субъекта права передается другому для участия в правоотношениях. Другими словами, в рамках представительства происходит полное или частичное замещение представителем фигуры уполномоченного. Представительство расширяет, облегчает возможность приобретения и реализации субъективных прав и обязанностей, экономит время.

В трудовом праве представительством является передача части дееспособности одного субъекта трудового права к другому для участия в отношениях, составляющихся в сфере труда.

Обоснованием того, что именно дееспособность может быть «передана» одним субъектом к другому является то, что правоспособностью является лишь потенциальная способность субъекта иметь права, а дееспособность – это способность человека своими собственными действиями приобретать права и обязанности, самостоятельно реализовывать их. То есть, дееспособность определяет способность распоряжаться правами и выполнять обязанности.

Другими словами, это возможность реализовывать правоспособность. Наличие дееспособности свидетельствует о том, что субъект способен совершать действия, которые порождают юридические последствия. В случае представительства, юридические последствия будут наступать только для человека, которого представляют.

Рассматривая трудовые отношения как элемент представительства, следует отметить, что в процессе выполнения своих обязанностей работник может выполнять функции представителя. Безусловно, речь не обо всех категориях работников, а тех, кто обладает данными полномочиями. Наряду с этим считается, что в той или иной степени представительство может быть применено к следующим субъектам трудового права: работники, работодатели, трудовые коллективы, профессиональные союзы, организации работодателей, их объединения. Основания, порядок на бытие и прекращение такого представительства, как и другие вопросы, связанные с реализацией такого права, должны быть подробно закреплены в трудовом законодательстве. Так, от имени юридического лица волю на заключение договора выражают его органы, наделенные соответствующими полномочиями (например, единоличный исполнительный орган (руководитель) общества с ограниченной ответственностью или акционерного общества). Учредительным документом может быть предусмотрено, что полномочия выступать от имени юридического лица предоставлены нескольким лицам, действующим совместно или независимо друг от друга (п. 1 ст. 53 ГК РФ [1]) [2].

Особое значение установления общих основ отношений между участниками (акционерами) и корпорацией играет определение специфики участия корпоративной организации в гражданском обороте как самостоятельного субъекта. Соответствующая тематика связана с выяснением возможности применения представительных теорий к функционированию органов корпорации в ее внешних отношениях с другими субъектами гражданского права.

Одним из лиц, уполномоченным приобретать гражданские права в пользу корпоративной организации, осуществлять его представительство является единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор), дискуссии о правовом статусе которого не теряют своей актуальности среди ученых и правоприменителей.

Корпоративное представительство, по господствующему мнению, в российском праве не является представительством по смыслу самостоятельного института. Действия органов юридических лиц считаются действиями самих юридических лиц [3, С. 92].

С одной стороны, юридическое лицо наделяется самостоятельностью в отношении определения лиц, кому будут переданы определённые полномочия, и содержание этих полномочий регулируется учредительными документами. С другой стороны, внутренние структуры органов юридического лица ставят в прямую зависимость категорию данного представительства, и поэтому тесно

связана с законодательством, регулирующим деятельность юридических лиц различной организационно-правовой формы.

Некоторыми учеными также подчеркивается, что в содержание правоспособности юридического лица входит и его деликтоспособность, т.е. способность самостоятельно отвечать за причиненный его действиями имущественный вред [4, С. 144]. Поскольку действия исполнительных органов юридического лица являются его собственными действиями, выражающими его волю, то очевидно, что оно и должно отвечать за их вредоносный характер [5, С. 33].

Итак, мы видим, что корпоративное представительство закреплено в юридической доктрине, при этом в российском законодательстве не закреплено корпоративное представительство как самостоятельный институт представительства. Органы юридического лица не выступают субъектами права, а являются лишь составной частью юридического лица.

Юридическое лицо отвечает также и за действия своих наемных работников, совершенные ими в пределах своих трудовых (служебных) обязанностей, как за свои собственные (п. 1 ст. 1068 ГК) [1].

Что касается представительства интересов юридических лиц их органами, то среди ученых существуют следующие точки зрения по этому поводу. Ученые неоднократно отмечают, что в теории гражданского процесса выделяют многие виды процессуального представительства, которые не предусматривают выдачи доверенности, что таким образом сближает их с законным представительством.

Следует отметить, что в статье 48 ГПК РФ закреплено, что дела организаций ведут в суде их органы, действующие в пределах полномочий, предоставленных им федеральным законом, иными правовыми актами или учредительными документами, либо представители [6].

Выводы. Присутствие института уставного представительства в утративших силу законодательных актах говорит о том, что законодатель давно осознавал его необходимость, а внедрение соответствующих норм в современное гражданское процессуальное законодательство подтверждает актуальность этого института в современности. Что касается представительства в судебных делах, следует отметить, что руководящие органы юридических лиц обладают полномочиями не только по ведению представительства, но и выступают в качестве представителей в отношениях с третьими лицами от имени и в интересах представляемых ими юридических лиц.

Важно подчеркнуть, что трудовые отношения между юридическим лицом и его работником являются связующим звеном между единоличным исполнительным органом (таким как директор или генеральный директор) и физическим лицом. Трудовое законодательство Российской Федерации распространяется на отношения между обществом и его единоличным исполнительным органом (директором, генеральным директором) и/или членами коллегиального исполнительного органа общества (правления,

дирекции) (ч.3 ст. 69 Федерального закона «Об акционерных обществах»). Такая правовая структура также регулирует отношения между физическим лицом и обществом с ограниченной ответственностью.

Трудовое законодательство относит руководителей организации к работникам (ч.6 ст. 11 ТК РФ), под которыми понимаются физические лица, вступившие в трудовые отношения с работодателем (ч.2 ст. 20 ТК РФ). Прием на работу оформляется трудовым договором. Работодатель вправе издать на основании заключенного трудового договора приказ (распоряжение) о приеме на работу. Содержание приказа (распоряжения) работодателя должно соответствовать условиям заключенного трудового договора [8].

Итак, в заключение следует отметить, что руководитель юридического лица выступает и как внутрикорпоративный представитель (по трудовому законодательству), и как единоличный исполнительный органа – как представитель юридического лица внешне.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (части первая, вторая, третья и четвертая). – URL: <https://base.garant.ru/10164072/-ysclid=m1q7f8juv8998177752> – (дата обращения: 20.09.2024).
2. Энциклопедия решений. Подписание гражданско-правового договора от имени юридического лица (август 2024). – URL: <https://base.garant.ru/58074380/?ysclid=m1pa5fqvd830665262> – дата обращения: 22.09.2024).
3. Гражданское право. Учебник. В 2 т. Том II. Полутом 2 / Отв. ред. Е.А. Суханов. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: БЕК. 2000. – 544 с.
4. Гражданское право: учебник : для студентов юридических высших учебных заведений : в 2 томах / под редакцией Б.М. Гонгало. Т. 1 / [С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.]. – Москва : Статут, 2018. – 526 с.
5. Жылкичиева, К.С. Дееспособность и правоспособность юридического лица (вопросы теории и практики) // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2020. – № 9-6 (65). – С. 29-34.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ – (дата обращения: 22.11.2024).
7. Об акционерных обществах : Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ – URL: <https://base.garant.ru/10105712/> – (дата обращения: 23.09.2024).
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/-cons_doc_LAW_34683/ – (дата обращения: 23.09.2024).
9. Черепашин, Б.Б. Труды по гражданскому праву / Б.Б.Черепашин. – Москва : Статут, 2001. – 476 с.

УДК 341.7

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА РОССИИ И ЯПОНИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Меркулов М.В., кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: mkhlmrklv@rambler.ru)

Шереметьева А.Р., студент, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: kovalchuk.an@inbox.ru)

В данной работе проведено исследование состояния и особенностей функционирования дипломатической службы России и Японии, а также их сравнительно-правовой анализ. Установлено, что благодаря изучению дипломатических служб государств, на примере Японии, можно определить векторы сотрудничества, их сильные и слабые стороны, что позволит наладить международное сотрудничество, прийти к взаимопониманию и взаимовыгодному сосуществованию.

Игнорирование проблемных вопросов изучения дипломатических служб зарубежных стран наносит непоправимый ущерб теоретическим разработкам в области международных отношений и двусторонним отношениям в целом, а их анализ и изучение будет способствовать эффективному и взаимовыгодному сотрудничеству.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, дипломатическая служба, международное право, сотрудничество, внешнеполитическая деятельность.

DIPLOMATIC SERVICE OF RUSSIA AND JAPAN: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Merkulov, M.V., Sheremetieva, A.R.

This paper studies the state and peculiarities of the functioning of the diplomatic service of Russia and Japan, as well as their comparative legal analysis. It is established that due to the study of diplomatic services of the states, on the example of Japan, it is possible to determine the vectors of cooperation, their strengths and weaknesses, which will help to establish international cooperation, come to mutual understanding and mutually beneficial coexistence.

Ignoring the problematic issues of studying diplomatic services of foreign countries causes irreparable damage to theoretical developments in the field of

international relations and bilateral relations in general, and their analysis and study will contribute to effective and mutually beneficial cooperation.

Keywords: *comparative law, diplomatic service, international law, cooperation, foreign policy activities.*

Актуальность темы исследования. Япония представляет собой одно из наиболее ключевых соседних государств Российской Федерации в пределах азиатско-тихоокеанского региона, укрепление отношений с которым, на наш взгляд, – одна из приоритетных целей дипломатического сотрудничества нашего государства, поскольку любое взаимодействие в торгово-экономической, гуманитарной, политической, научно-технической и иных областях является обоюдовыгодным.

Анализ научных исследований. Темы дипломатических служб России и Японии были затронуты во многих отечественных и зарубежных трудах ученых. Среди наиболее значимых работ необходимо выделить работы таких ученых, как М.Ю. Князева с его работой «Дипломатия иностранных государств», А.Н. Панова «Японская дипломатическая служба» учебное пособие И.С. Бунова «Дипломатическая служба зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ», а также научные труды иностранных ученых: совместный учебник Дмитрия Стрельцова и Казухико Того «Справочник по российско-японским отношениям», а также научные статьи Токугавы Лесато, японского дипломата и теоретика.

Цель статьи – всесторонне раскрыть, рассмотреть и обосновать отдельные вопросы деятельности дипломатических служб России и Японии, а также провести их сравнительно-правовой анализ.

Изложение основного материала. С появлением права и государства международные отношения стали регулироваться нормами права. В числе первостепенных подобных норм начал существовать институт посольства, который начал регулировать отношения между двумя и более государствами в связи с периодическими направлениями друг к другу представителей государства для решения задач, стоящих перед странами.

С давних времен дипломатические службы различных стран абстрагировались в отдельный вид государственной деятельности, что диктовалось актуальностью возложенных на них целей и задач, а также спецификой деятельности, связанной с взаимодействием между зарубежными партнерами по всему миру.

Практика показывает, что каждая современная дипломатическая служба в своей деятельности опирается на две основные группы принципов: общие (признание равноправия государств, отказ от применения силы, признание суверенитета международных государств); специальные (равенство каждого из участников процесса переговоров или других международных сношений, отстаивание интересов собственного государства, своевременность и

актуальность результатов деятельности, соблюдение взятых на собственное государство обязательств, а также соблюдение международных обычаев и права).

Дипломатические службы в своей деятельности для достижения целей, стоящих перед государством, могут использовать различные методы, в том числе те, которые считаются негативными в современном обществе: ультиматумы, использование возникших разногласий между бывшими союзниками, манипуляции, сокрытие содержания заключенных соглашений от личности и общества в целом.

Взаимное сотрудничество Японии и России развито в значительной мере лишь благодаря дипломатическим службам рассматриваемых государств. Дипломатическая служба, являясь одним из главенствующих современных институтов государства, привлекает внимание различных теоретиков и практиков в области международных отношений, что связывается с актуальностью различных аспектов дипломатических служб соседних государств-партнёров в международном сотрудничестве, в частности: особенностей их кадрового состава и структуры, истории возникновения и развития, особенностей взаимодействия с общественностью, эффективностью использования международного потенциала, все эти знания – необходимость для специалистов в области государственного управления для повышения эффективности и разработанности деятельности института собственного государства.

Независимо от промежутка в человеческой истории, дипломатическая служба всегда должна идти нога в ногу с происходящими экономическими, правовыми, социальными, духовными и политическими процессами, развиваясь в контексте истории и культуры отдельно взятого народа. Основопологающей целью дипломатической службы является обеспечение реализации государственных задач по исполнению требований действующего законодательства, по обеспечению государственного суверенитета, национальной и экономической безопасности государства, реализации духовной самобытности отдельно взятого народа, а также защиты прав и свобод человека и гражданина. Работоспособная и авторитетная дипломатическая служба с наличием в своем составе высококвалифицированных кадров – залог эффективной реализации вышеуказанных задач.

Наиболее значимой и отправной точкой современных японско-российских связей считается 27 января 1992 года, когда Российская Федерация была признана Японией в качестве государства-продолжателя Союза Советских Социалистических Республик.

Дипломатическая служба России и Японии является составной частью государственной службы, подчиняющейся, в свою очередь, законодательству и принципам, которые существуют в области государственной службы, сохраняя при этом собственную специфику деятельности, а также отличительные черты и особенности. Государственный институт в Японии, посвященный

дипломатической службе, берет свое начало в 1868 году, когда произошли демократические перемены и Япония прекратила свою самоизоляцию от международных отношений и внешнего мира (создание Министерства иностранных дел, учреждение дипломатических представительств и посольств по всему миру). Первая российская дипломатическая миссия в Японии, посвященная решению экономических и политических проблем международного сотрудничества названных государств была основана в 1874 году. Основополагающее место при реализации вышеуказанной миссии занимали вопросы внешней торговли, выдачи лицензий и виз, информационной работы и необходимости ведения нотной переписки [1, С. 153].

В 1951 году в Японии был принят нормативно-правовой акт «Об учреждении Министерства иностранных дел», который определяет основные задачи министерства, его структуру, а также сферу его компетенции и полномочий. Второй основной нормативно-правовой акт – закон «О дипломатических служащих», в котором закрепляются основные принципы деятельности дипломатической службы, вопросы кадрового обеспечения и организации и т.д. Необходимо отметить, что в Российской Федерации, на данном этапе развития действующего законодательства, отсутствуют специальные акты, регламентирующие деятельность непосредственно дипломатической службы и ее составных частей.

Считаем целесообразным отметить, что именно издание вышеуказанных нормативно-правовых актов положило историческое развитие дипломатической службы Японии и последующее формирование законодательства, регулирующего международную деятельность и организацию рассматриваемого института страны [1, С. 73].

Далее считаем целесообразным описать структуру Министерства иностранных дел Японии, включающую в себя так называемый секретариат министра, зародившийся еще в 1948 году благодаря принятию закона «Об организации государственной администрации», десять департаментов (пять из которых находятся на региональном уровне), четыре управления, институт дипломатической службы Японии и 193 официальных японских представительства в международном пространстве. В Министерстве иностранных дел Японии, как и в Российской Федерации, действует вертикальная трехуровневая структура организационной деятельности: министр – департамент – отдел, однако основную деятельность осуществляют функциональные и территориальные подразделения (см. Таблица 1).

Таблица 1. Функциональные и территориальные подразделения Министерства иностранных дел Японии

Функциональные подразделения	Территориальные подразделения
1. Секретариат Министерства: – директор по бюджетно-финансовым вопросам;	1. Управление Азиатско-Тихоокеанского региона: – департамент Юго-Восточной Азии;

– глава протокола; – директор по вопросам прессы; – директор по вопросам культурных обменов. 2. Управление внешней политики: – департамент разоружения, нераспространения и науки. 3. Управление международного сотрудничества 4. Консульское управление 5. Управление информации и анализа 6. Управление по экономическим вопросам 7. Управление по вопросам международного права	– департамент Юго-Западной Азии. 2. Управление Европы 3. Управление Ближнего Востока и Африки 4. Управление Северной Америки 5. Управление Южной и Центральной Америки
--	--

В соответствии с действующим законодательством Японии, дипломатическая служба призвана разрешать следующие задачи:

- создание условий для развития международного сотрудничества;
- обеспечение национальной и экономической безопасности государства;
- развитие политических и торгово-экономических связей с другими государствами;
- защита всех японских граждан на территории собственного и других государств;
- рассмотрение, разработка и подписание международных договоров;
- меры информационно-пропагандистской направленности, позволяющие донести гражданам государства необходимое понимание направления внешней политики государства и задач в области развития международных отношений.

Основной вклад в повседневную работу ведомств Министерства иностранных дел Японии вносят малые подразделения, которые именуются «отделами» и «бюро». Именно они являются составной частью функциональных и территориальных подразделений и департаментов дипломатической службы Японии, выполняющие наиболее приоритетные и актуальные задачи и функции за рубежом. По состоянию на первое января 2024 года в Японии функционирует 19 департаментов и управлений, которые на первый взгляд могут показаться малозначительными, поскольку в сравнении с рамочной структурой Министерства иностранных дел Российской Федерации, включающей в себя 39 департаментов, структура японского министерства может показаться весьма компактной и неэффективной, однако углубившись в количество подразделений и их функциональные обязанности, считается возможным определить приоритеты современной международной дипломатии в Японии, а также распределение обязанностей внутри единой структуры.

Наиболее четко прослеживаются усилия Японии на развитие

взаимодействия с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии и Китайской Народной Республикой. На американском направлении первостепенное место занимают вопросы, связанные с функционированием и развитием американо-японского альянса. В Европе наиболее интересующими Японию вопросами являются взаимодействие с Европейским союзом и Россией – наиболее важным поставщиком энергетических ресурсов, поскольку Япония на 70% зависит от российской энергетики.

Переходя к дипломатической службе Российской Федерации, необходимо отметить, что Министерство иностранных дел России, как внешнеполитическое ведомство, было создано после распада Союза советских социалистических республик. Задачи российского министерства практически не отличаются от рассматриваемой ранее японской дипломатической службы и включают в себя: разработку стратегий внешней политики государства, реализацию внешнеполитического курса, обеспечение защиты суверенитета Российской Федерации, прав, свобод и законных интересов юридических и физических лиц за рубежом, поддержание консульских и дипломатических отношений Российской Федерации с другими государствами [2, С. 65].

В соответствии с необходимостью реализации возложенных на министерство задач, дипломатическая служба опирается на нормативно-правовую базу, состоящую из основополагающих международных правовых актов (к примеру, Венской конвенции о дипломатических сношениях и Конвенции о консульских сношениях), а также внутригосударственных нормативно-правовых актов (указ Президента Российской Федерации «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии России», Федеральный закон «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации и т.д.).

Существенным отличием в процедурных моментах системы внешних сношений Японии от Российской Федерации является факт того, что в последнее время, как показывает практика, в Японии министром иностранных дел принято назначать не профессионального дипломата, а скорее политического деятеля, являющегося депутатом парламента Японии от партии, одержавшей победу на выборах. Структура Министерства иностранных дел России, как и в Японии, является трехуровневой, однако уровень организационного управления значительно отличается: второй уровень в Российской Федерации занимают три департамента: внешнеполитического планирования, информации и печати, а также правовой департамент и 12 заместителей министра. В Японии же все заместители находятся на министерском уровне.

Второй уровень в японской дипломатической службе занимают ранее описанные территориальные и функциональные департаменты. В Министерстве иностранных дел Российской Федерации департаменты занимают последний третий уровень в организационной структуре, в Японии же это место занимают

бюро и отделы (Таблица 2).

Формы взаимодействия дипломатических служб с общественностью внутри государства и со странами-партнерами в Японии и России имеют мало различий: основные формы взаимодействия осуществляются через фонды. Оба фонда проявляют значительную активность. Основной особенностью организации взаимодействия с общественностью внутри Японии является ежегодное издание, именуемое «голубой книгой», в которой дипломатическая служба предоставляет полный отчет населению о проделанной работе за целый год, указания о положении Японии на мировой арене и о взаимоотношении с другими государствами, намечая пути своего дальнейшего развития.

Таблица 2. Основные различия дипломатических служб России и Японии

Российская Федерация	Япония
Первые лица Министерства иностранных дел, зачастую, выполняют административно-управленческие функции и лишены политических прерогатив	Первые лица Министерства иностранных дел, как правило, являются публичными политиками и избираются из состава правящей партии
При назначении руководителей первичная роль отведена воле избранного главы государства	При назначении руководителей первичная роль отведена воле политической элиты, легитимизируемой посредством выборов в парламент государства
Работа персонала центрального аппарата Министерства иностранных дел Российской Федерации связана с бюрократическим решением рутинных вопросов, находящихся на бумажных и электронных носителях, с оформлением нормативно-правовых документов, а также подготовкой рабочих встреч руководства дипломатической службы	Штат Министерства иностранных дел включает в себя кадровый корпус дипломатической службы, набираемой на основе конкурсных экзаменов с последующим комплексным обучением в Институте подготовки сотрудников дипломатической службы министерства
Общее количество сотрудников составляет приблизительно 12.000 человек	Общее количество сотрудников составляет приблизительно 6.500 человек, что связывается со сложным отбором кадров, а также японским менталитетом и массовыми переработками
Основную деятельность выполняют 39 департаментов и Министр иностранных дел с его заместителями	Основную деятельность выполняют отделы с возложенными на них функциями, что отражает

	современные приоритеты японской дипломатии
Отсутствие единого нормативно-правового акта, посвященного дипломатической службе Российской Федерации. Регулирование деятельности дипломатической службы происходит благодаря двум основным нормативно-правовым актам: ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» и ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»	Наличие отдельного нормативно-правового урегулирования: закон «Об учреждении Министерства иностранных дел», который определяет основные задачи министерства, его структуру, а также сферу его компетенции и полномочий. Второй основной нормативно-правовой акт: закон «О дипломатических служащих», в котором закрепляются основные принципы деятельности дипломатической службы, вопросы кадрового обеспечения и организации и т.д.

Выводы. Дипломатические службы рассматриваемых государств охватывают широкий спектр вопросов: от двусторонних отношений до участия в многосторонних международных форматах, уделяя особое внимание сотрудничеству в рамках наиболее интересующих направлений, что в основном связывается с поиском союзников и разрешении международных конфликтов, стремясь к дипломатическим урегулированиям на основе взаимопонимания и мирного урегулирования.

Благодаря изучению дипломатических служб государств, на примере Японии, можно определить векторы сотрудничества, их сильные и слабые стороны.

Основными сходствами рассмотренных дипломатических служб являются направление их деятельности, детально проработанная нормативно-правовая база, зона ответственности в области международных отношений, похожие формы взаимодействия дипломатических служб с общественностью, а также наличие трехуровневой структуры министерств.

Основными различиями являются: порядок и способ назначения руководителей Министерства иностранных дел; количество штатных сотрудников, а также порядок их трудоустройства; структура внутри дипломатических служб; основные векторы международного сотрудничества; нормативно-правовое регулирование деятельности дипломатической службы.

Список использованных источников

1. Илышев, А.В. Японская государственная служба / А.В. Илышев. – М.: Изд-во РАГС, 2011. – 214 с.
2. Панов, А.Н. Японская дипломатическая служба / А.Н. Панов. – М.:

Международные отношения, 1988. – 186 с.

3. Лавров, С. Историки должны помочь РФ и Японии заключить мирный договор – URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/01/2012/5703f2769a7947ac81a64575> – (дата обращения: 15.11.2024). – Загл. с экрана.
4. Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 27 июля 2010 г. №205-ФЗ – URL: <https://base.garant.ru/198888/> – (дата обращения: 15.11.2024). – Загл. с экрана.
5. О координирующей роли МИД РФ в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации: Указ Президента РФ от 8 ноября 2011 г. № 1478 – URL: <https://base.garant.ru/12191547/> – (дата обращения: 16.11.2024). – Загл. с экрана.
6. Меркулов, М.В. Основные сходства и различия конституционно-правового регулирования государственного механизма Донецкой Народной Республики и Российской Федерации / М.В. Меркулов // Молодежь в науке: настоящее и будущее : материалы международ. науч.-практ. конф. (к 25-летию Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко), (Луганск, 20 апреля 2018 года) / МВД ЛНР, Луг. акад. внутр. дел им. Э.А. Дидоренко. – Луганск : Луганская академия внутренних дел им. Э.А. Дидоренко, 2018. – С. 203-207.

УДК 347.23

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ЦЕННЫХ БУМАГ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Педерсен И.А., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административного производства, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: iralex-2012@yandex.ru)

В статье проанализированы основные подходы к классификации видов ценных бумаг как объектов гражданских прав. Особое внимание уделено нормативному подходу к классификации ценных бумаг, проанализированы юридические признаки и проблемы правового регулирования видов ценных бумаг, закрепленных в законодательстве РФ. Также проанализирован доктринальный подход к классификации ценных бумаг, раскрыты юридические признаки каждого вида ценных бумаг, выделенных в рамках данного подхода.

Ключевые слова: ценная бумага, классификация ценных бумаг, гражданское законодательство.

FEATURES OF CLASSIFICATION OF SECURITIES AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

Pedersen, I.A.

The article analyzes the main approaches to classifying types of securities as objects of civil rights. Particular attention is paid to the normative approach to classifying securities, legal features and problems of legal regulation of types of securities enshrined in the legislation of the Russian Federation are analyzed. The doctrinal approach to classifying securities is also analyzed, and the legal features of each type of securities identified within the framework of this approach are disclosed.

Keywords: security, classification of securities, civil legislation.

Актуальность темы исследования. Несмотря на достаточно длительный период существования и оборота ценных бумаг в Российской Федерации, наличие значительной нормативно-правовой базы, регламентирующей выпуск и обращение ценных бумаг, до настоящего времени не сформированы единые подходы как к сущности ценных бумаг как объектов гражданских прав, так и к классификации их видов. Различные ученые предлагают разнообразные подходы к классификации видов ценных бумаг, выделяют множество классификационных признаков, однако единый подход к классификации видов

ценных бумаг отсутствует. Это объясняет актуальность исследования особенностей и существующих подходов к классификации ценных бумаг как объектов гражданских прав.

Анализ научных исследований. Вопросам классификации видов ценных бумаг как объектов гражданских прав посвящены научные исследования ряда ученых, а именно А.Ф. Арслановой, В.А. Белова, И.Н. Бутиной, А.В. Габова, С.П. Гришаева, Д.В. Мурзина, А.С. Ожогина, Е.Б. Подузова, С.А. Хабарова и ряда других. Однако, приведенные ими классификации ценных бумаг как объектов гражданских прав нередко дублируют или дополняют друг друга, не формируя единого подхода к классификации ценных бумаг. Поэтому необходимым является дальнейшее исследование классификационных признаков ценных бумаг и формирование единого, научно обоснованного подхода к их классификации.

Целью статьи является исследование нормативного и доктринального подходов к классификации ценных бумаг как объектов гражданских прав, выделение характерных особенностей каждого вида ценных бумаг.

Изложение основного материала. В Российской Федерации обращение ценных бумаг регламентировано следующими нормативно-правовыми актами: Гражданским кодексом РФ (часть 1, глава 7) [1], Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [2], Федеральным законом от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [3], иными нормативно-правовыми актами, в том числе подзаконными актами. Несмотря на многообразие нормативно-правовых актов, в них отсутствует единое определение сущности ценной бумаги.

Анализ теоретических подходов к сущности понятия «ценная бумага» позволяет определить данную категорию как «документ, удостоверяющий имущественные права владельца ценной бумаги», «форму существования капитала, отличную от его товарной, производительной и денежной форм», «документ, которые свидетельствуют о наличии явных взаимных прав и обязанностей между эмитентом и инвестором» и т.д.

Среди всего многообразия классификаций ценных бумаг особого внимания заслуживает нормативный подход к установлению видов ценных бумаг. Гражданским кодексом РФ (п. 1 ст. 142) определены два основных вида ценных бумаг – документарные и бездокументарные. Документарные ценные бумаги представляют собой «документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов» [1].

Следует отметить, что документарная форма ценных бумаг исторически появилась первой и в настоящее время существует ряд проблем оборота документарных ценных бумаг. Так, к указанным проблемам следует отнести отсутствие электронной системы учета и обращения таких ценных бумаг, а отсутствие единого реестра держателей документарных ценных бумаг. Данные

недостатки их учета ведут к затруднениям, связанным с установлением прав собственности и контроля за обращением документарных ценных бумаг. Решением данной проблемы может стать законодательное закрепление необходимости занесения информации о держателях документарных ценных бумаг, их количестве и предоставляемых правах в единый реестр, а также предусмотрение ответственности за невыполнения данного обязательства.

Бездокументарные ценные бумаги не имеют бумажного носителя и определяются как «обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав» [1]. Понятие «бездокументарные ценные бумаги» пришло в практику оборота ценных бумаг из американского права и в настоящее время доля бездокументарных ценных бумаг на фондовом рынке России является преобладающей. Такие ценные бумаги включаются в реестр владельцев ценных бумаг, а право на них реализуется путем записи по лицевому счету в системе ведения реестра или записи по счету депо в депозитарии, что является единственным юридическим фактом, подтверждающим право лица на данную ценную бумагу и все остальные субъективные гражданские права, следующие из владения ею.

Основная проблема, связанная с владением и обращением бездокументарной ценной бумаги, связана с восстановлением прав при ее утрате, при неправомерных сделках с ней или при утрате сведений в реестре держателей ценных бумаг. Решением проблемы может стать виндикационный иск, однако, удовлетворение его судом сопряжено с рядом проблем. Во-первых, истцу необходимо доказать, что переход бездокументарных ценных бумаг из его владения произошел помимо его воли либо, в случае утраты таких ценных бумаг, указать на конкретные обстоятельства, приведшие к утрате. Во-вторых, суду достаточно сложно установить, что ценные бумаги, являющиеся предметом иска, действительно находятся у ответчика. Это достаточно сложно в силу нематериальной формы бездокументарных ценных бумаг и невозможности отследить их перемещение.

Следует обратить внимание, что до 2013 года документарные и бездокументарные ценные бумаги относились к вещам и только после внесения изменений в Гражданский кодекс РФ бездокументарные ценные бумаги были отнесены к правам, были определены способы правовой защиты владельцев бездокументарных ценных бумаг (ст. 149.3 ГК РФ). Кроме того, с 01.01.2020 года все эмиссионные ценные бумаги юридических лиц могут выпускаться только в бездокументарной форме, а ранее требуемый на них сертификат отменен.

Кроме деления видов ценных бумаг на документарные и бездокументарные, Гражданский кодекс РФ устанавливает также классификацию видов ценных бумаг в зависимости от порядка владения и передачи прав по ценным бумагам.

Так, ст. 143 Гражданского кодекса РФ установлено, что «документарные ценные бумаги могут быть предъявительскими (ценными бумагами на предъявителя), ордерными и именными» [1]. Важность данной классификации видов ценных бумаг заключается в установлении способа определения владельца ценной бумаги и порядка передачи закрепленных ценной бумагой прав. Субъектом права на предъявительские ценные бумаги может быть любое лицо, которое ею обладает. Такие ценные бумаги не требуют регистрации для допуска в обращение и не фиксируют имени владельца. В связи с этим, предъявительские ценные бумаги обладают высокой оборачиваемостью, поскольку легко меняют владельца путем простого ее вручения. К предъявительским ценным бумагам относят облигации, депозитные сертификаты, чеки, коносаменты, банковские сберегательные сертификаты и т.д.

Согласно п. 3 ст. 143 ГК РФ, документарные ценные бумаги также могут быть ордерными, т.е. такими, по которым «лицом, уполномоченным требовать исполнения по ней, признается ее владелец, если ценная бумага выдана на его имя или перешла к нему от первоначального владельца по непрерывному ряду индоссаментов» [1]. К ордерным ценным бумагам относят чек, вексель, складское свидетельство, залоговое свидетельство и ряд других ценных бумаг. Особенностью ордерных ценных бумаг является то, что первоначально они выписываются на конкретно-определенное лицо, однако в дальнейшем могут быть переданы другим лицам, которые получают право исполнения данной ценной бумаги. Право передачи ордерной ценной бумаги реализуется через индоссамент, так называемую «передаточную запись», которая обычно делается на обороте ценной бумаги.

Гражданско-процессуальным кодексом РФ предусмотрены нормы о восстановлении прав по ордерным и предъявительским ценным бумагам (глава 34 ГПК РФ [4]). В случае, если суд признает утраченные ценные бумаги владельцем недействительными и принимает решение о восстановлении прав на них, владелец утраченных ценных бумаг на предъявителя и ордерных ценных бумаг получает право на выдачу новых ценных бумаг взамен утраченных.

Именные ценные бумаги как разновидность документарных содержат в тексте документа указание на субъекта права, который не может измениться в течение всего срока обращения именной ценной бумаги. ГК РФ (п. 4 ст. 143) устанавливает круг лиц, которые правомочны требовать исполнения обязательств по именной ценной бумаге:

- 1) владелец ценной бумаги, указанный в качестве правообладателя в учетных записях, которые ведутся обязанным лицом или действующим по его поручению и имеющим соответствующую лицензию лицом. Законом может быть предусмотрена обязанность передачи такого учета лицу, имеющему соответствующую лицензию;

- 2) владелец ценной бумаги, если ценная бумага была выдана на его имя или перешла к нему от первоначального владельца в порядке непрерывного ряда уступок требования (цессий) путем совершения на ней именных передаточных

надписей или в иной форме в соответствии с правилами, установленными для уступки требования (цессии) [1].

Что касается бездокументарных ценных бумаг, Гражданским кодексом РФ определена одна их разновидность – именные бездокументарные ценные бумаги. При этом владелец такой ценной бумаги определяется учетной записью в реестре владельцев ценных бумаг.

Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [2] установлена такая разновидность ценных бумаг как эмиссионные ценные бумаги. Статья 2 указанного Закона определяет основные признаки данного вида ценных бумаг:

- эмиссионные ценные бумаги закрепляют совокупность имущественных и неимущественных прав, подлежащих удостоверению, уступке и безусловному осуществлению с соблюдением установленных Федеральным законом № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» формы и порядка;
- размещаются выпусками или дополнительными выпусками;
- имеют равные объем и сроки осуществления прав внутри одного выпуска независимо от времени приобретения ценных бумаг [2].

Эмиссионные ценные бумаги могут быть как документарными, так и бездокументарными, но основная их особенность состоит в выпуске «партиями». К эмиссионным ценным бумагам законодатель относит акции, облигации, депозитарные расписки, опционы эмитента. Выпуск и обращение эмиссионных ценных бумаг регламентированы разделом III Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [2].

Несмотря на важную роль эмиссионных ценных бумаг в развитии экономики страны, стимулировании инвестиционных процессов, в правовом регулировании выпуска и оборота эмиссионных ценных бумаг присутствуют некоторые проблемы:

1) процесс регистрации эмиссионных ценных бумаг является достаточно сложным и длительным, что ограничивает возможности их выпуска субъектами малого и среднего бизнеса. Сложность регистрации объясняется наличием излишних бюрократических процедур, которые затягивают процедуру регистрации эмиссионных ценных бумаг, а также отсутствием координации многочисленных регулирующих органов, принимающих участие в регистрации;

2) несовершенство законодательства в сфере выпуска и обращения эмиссионных ценных бумаг и, как следствие, недостаточная защищенность прав эмитентов и инвесторов;

3) отсутствие гармонизации российского законодательства с международными стандартами, что ограничивает возможность привлечения иностранных инвестиций и защиту прав иностранных инвесторов. Решением проблемы может стать совершенствование законодательных актов и приведение их в соответствие с международными стандартами, а также разработка и внедрение рекомендаций и руководств по применению международных стандартов обращения эмиссионных ценных бумаг.

Следует заметить, что все остальные виды ценных бумаг, которые не являются эмиссионными, отнесены к неэмиссионным. Однако, легального определения неэмиссионных ценных бумаг, а также указания на признаки данного вида ценных бумаг в российском законодательстве нет, что является правовым пробелом.

Неэмиссионные ценные бумаги не обладают характеристиками, присущими эмиссионным ценным бумагам, выпускаются в единичном количестве, закрепляя индивидуальные права и обязанности владельца. Выпуск и обращение неэмиссионных ценных бумаг регламентировано различными нормативно-правовыми актами несмотря на то, что перечень разновидностей неэмиссионных ценных бумаг значительно шире. К ним относятся векселя, депозитные и сберегательные сертификаты, инвестиционные пай, чеки, ипотечные сертификаты, складские свидетельства и т.д. Правовой основой обращения неэмиссионных ценных бумаг являются: Федеральный закон от 11.03.1997 года № 48-ФЗ «О переводном и простом векселе» [5], Федеральный закон от 29.11.2001 года № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» [6], Федеральный закон от 11.11.2003 года № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах» [7], Федеральный закон от 16.07.1998 года № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [8], другие законодательные акты, а также Гражданский кодекс РФ [1]. В то же время единого законодательного акта, устанавливающего правовые основы выпуска и обращения неэмиссионных ценных бумаг, нет.

Анализ законодательства позволяет выделить и такой признак классификации ценных бумаг как эмитент ценной бумаги. Согласно данному признаку принято делить ценные бумаги на три вида – государственные, муниципальные и корпоративные (т.е. выпущенные частными лицами).

Выпуск и обращение государственных и муниципальных ценных бумаг регламентированы Бюджетным кодексом РФ [9] (глава 14.1). Согласно п. 1 ст. 121.1 БК РФ, государственными ценными бумагами признаются «государственные ценные бумаги Российской Федерации и государственные ценные бумаги субъектов Российской Федерации» [9]. Муниципальными ценными бумагами признаются «ценные бумаги, выпущенные от имени муниципального образования» (п. 2 ст. 121.1 БК РФ). Государственные и муниципальные ценные бумаги, согласно ст. 121.2 БК РФ, выпускаются в виде облигаций как документарной, так и в бездокументарной форме. Выпуск государственных и муниципальных ценных бумаг преследует следующие цели: привлечение средств для покрытия бюджетного дефицита либо для реализации государственных программ и проектов, а также в целях реализации государственной денежно-кредитной политики. В зависимости от реализуемых путем их выпуска целей, государственные и муниципальные ценные бумаги бывают краткосрочные, средне- и долгосрочные.

Правовые отношения, которые складываются по поводу эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг имеют свои характерные особенности:

1) указанные правоотношения специфичны своим субъектным составом. Эмитентами государственных и муниципальных ценных бумаг являются соответствующие органы государственной власти и местные администрации;

2) регулирование отношений, возникающих в процессе эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг, носит межотраслевой характер. Для регулирования данных отношений применяются нормы таких отраслей права, как финансовое, гражданское, административное и ряд других;

3) эмиссия государственных и муниципальных ценных бумаг осуществляется только на основании соответствующего нормативно-правового акта о бюджете, утвержденного на следующий финансовый год;

4) условия выпуска и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг устанавливаются нормативно-правовыми актами соответственно федеральных, региональных органов исполнительной власти, а также правовыми актами местных администраций.

Основополагающим нормативно-правовым актом для регулирования правоотношений, связанных с эмиссией корпоративных ценных бумаг, является Гражданский кодекс РФ [1]. Кроме ГК РФ, регулирование указанных правоотношений осуществляется такими специализированными законами как Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [2], Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [3], Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [10], Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» [11] и ряд других законодательных актов, подзаконных нормативно-правовых актов, а также акты локального уровня, т.е. издаваемые юридическими лицами – эмитентами ценных бумаг.

Правоотношения, связанные с эмиссией как государственных (муниципальных), так и корпоративных ценных бумаг, регулируются Положением Банка России от 19.12.2019 года № 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг» [12], которое содержит общие требования к процедуре эмиссии ценных бумаг и государственной регистрации выпусков ценных бумаг.

Указанные выше классификации видов ценных бумаг имеют законодательное закрепление. Однако, кроме классификаций видов ценных бумаг, содержащихся в правовых актах, существует и так называемый доктринальный подход к выделению признаков их классификации. В различных видах ценных бумаг может быть отражена разная природа прав, предоставляемых их владельцам. В зависимости от указанного признака в научных исследованиях Белова В.А. предлагается деление всех ценных бумаг на товарные и денежные ценные бумаги [13].

Товарные ценные бумаги закрепляют вещные права на определенный товар, продукцию, вещь, которые могут находиться в данный момент в собственности другого субъекта. Обладание товарной ценной бумагой

предоставляет ее владельцу право на получение данной вещи, закрепляет право на нее. К товарным ценным бумагам принято относить закладные, складские свидетельства и т.д. Денежные ценные бумаги предоставляют право субъекту на получение денежных средств. Классическим примером таких ценных бумаг являются чеки, векселя, депозитные и сберегательные сертификаты, облигации.

В научной литературе также предлагается классификация видов ценных бумаг в зависимости от характера отношений, которые складываются между владельцем ценной бумаги и обязанным по ней. Согласно данному признаку, все ценные бумаги подразделяются на четыре вида: долговые, долевыми и товарораспорядительные ценные бумаги. Так, в основе долговых ценных бумаг лежат отношения займа. Долговая ценная бумага закрепляет право их владельца на получение от эмитента через установленный срок номинальной стоимости этой ценной бумаги и вознаграждения за пользование этими средствами. В основе долевыми ценных бумаг лежат отношения совладения. Примерами долевыми ценных бумаг являются акции, инвестиционные паи, ипотечные сертификаты. Долевыми ценные бумаги закрепляют право их владельца на часть (долю) капитала или прибыли эмитента. Товарораспорядительные ценные бумаги предоставляют их владельцу право распоряжения указанным в них товаром (коноссаменты, складские свидетельства).

Особое место среди видов ценных бумаг занимают производные ценные бумаги – деривативы. Юридическая сущность деривативов состоит в предоставлении права их владельцу на получение конкретного базового актива от другого лица, который обязуется выполнить определенные действия в отношении оговоренного актива. Таким образом, деривативы представляют собой определенный договор между сторонами, предусматривающий определенные права и обязанности этих сторон в отношении базового актива. Законодательно определение производных ценных бумаг представлено в Федеральном законе «О рынке ценных бумаг» [2].

В юридической литературе также предложено классифицировать виды ценных бумаг в зависимости от хозяйственной цели, которую преследует их выпуск. Согласно данному признаку ценные бумаги подразделяются на торговые и инвестиционные.

Выводы. Таким образом, в настоящее время существует проблема классификации ценных бумаг, поскольку не все их виды имеют законодательное закрепление. При этом различные классификации ценных бумаг содержатся в разных нормативно-правовых актах, что усложняет их систематизацию и использование на практике. Предложенные исследователями виды ценных бумаг и их классификационные признаки нередко дублируют или дополняют друг друга, не позволяя четко выделить существующие виды ценных бумаг как объектов гражданских прав. Поэтому целесообразным является выделение двух основных принципов классификации ценных бумаг: легальный (когда в законе закреплены отличительные признаки той или иной группы ценных бумаг) и фактический (при отсутствии такого закрепления). На основе предложенного

первичного деления возможно построение классификационных систем по различным основаниям. Каждое классификационное деление будет иметь свое научное, юридико-практическое и нормотворческое значение.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1997 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – (дата обращения: 20.09.2024).
2. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ – (дата обращения: 20.09.2024).
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ – (дата обращения: 22.09.2024).
4. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2022 № 138-ФЗ (ред. от 01.09.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ – (дата обращения: 23.09.2024).
5. Федеральный закон от 11.03.1997 № 48-ФЗ «О переводном и простом векселе» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13669/ – (дата обращения: 24.09.2024).
6. Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34237/ – (дата обращения: 24.09.2024).
7. Федеральный закон от 11.11.2003 № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44997/ – (дата обращения: 24.09.2024).
8. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/ – (дата обращения: 25.09.2024).
9. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 13.07.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ – (дата обращения: 25.09.2024).
10. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ – (дата обращения: 25.09.2024).

11. Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22219/ – (дата обращения: 25.09.2024).
12. Положение Банка России от 19.12.2019 № 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг» (ред. от 04.03.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344933/ – (дата обращения: 26.09.2024).
13. Белов, В.А. Правовые новации рынка ценных бумаг / В.А. Белов // ЭЖ-Юрист. – 2018. – № 6. – С.11-19.

УДК 343.619

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ – НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ МОДНЫЕ СЛОВА

Савченко А.А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исправительного права Донбасского государственного университета юстиции (г. Донецк)

(e-mail: 12syzyki12@gmail.com)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с признанием юридического лица субъектом уголовной ответственности в Российской Федерации. В рамках научного исследования автором высказываются отдельные замечания, обосновываются предложения по признанию юридического лица субъектом уголовной ответственности в уголовном законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, юридическое лицо, уголовная ответственность.

CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN RUSSIAN – NECESSITY OR FASHIONWORD

Savchenko, A.A.

The article discusses issues related to the recognition of a legal entity as a subject in the criminal law of the Russian Federation. Within the framework of scientific research, the author makes reasonable proposals for the recognition of a legal entity as a subject in the criminal law of the Russian Federation.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation, Civil Code of the Russian Federation, legal entity, criminal liability.

Актуальность. Уровень экономического развития российского государства, технический прогресс, появление и развитие новых экономических общественных отношений в сфере производства, торговли и предпринимательства позволяет говорить о появлении специфических особенностей совершения преступлений экономической направленности, что в свою очередь, обуславливает острую необходимость рассмотрения вопроса,

принятия изменений и дополнений в уголовное законодательство Российской Федерации, связанных с внедрением ответственности юридических лиц.

Цель статьи. Теоретическое обоснование необходимости внедрения в России нового вида субъекта уголовной ответственности – юридического лица.

Анализ научных исследований. Если рассматривать исторический аспект становления юридического лица как самостоятельного субъекта правоотношений, имеющего определенные права и обязанности, то это происходило еще во времена Древнего Рима. Уже в конце I – начале II веков до нашей эры римские юристы активно работали над тем, чтобы юридическое лицо было признано в качестве отдельного субъекта правоотношений, придав ему специфические черты, основные права и обязанности. При этом следует отметить, что в общих чертах представление о юридическом лице не изменилось и в XXI веке. В наше время такими исследованиями в основном занимались такие отечественные и зарубежные ученые юристы как: Л.А. Абашина, Г.И. Богуш, Г.А. Буяков, Ю.И. Бытко, А.В. Федоров, Пан Дунмэй (КНР), ТьюВангХунг (Вьетнам) и др.

В соответствии с ГК РФ, юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде [1].

Общим вопросам юридического лица в ГК РФ посвящена Глава 4, которая включает в себя 6 параграфов. При этом, особое внимание в контексте нашего научного исследования следует уделить ст. 56 ГК РФ, в соответствии с которой:

1) юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом;

2) учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ [1].

Основной материал. Согласно Основного закона Российской Федерации – статья 8 предусматривает единство экономического пространства, поддержку конкуренции и самое главное – в нашем случае – свободу экономической деятельности. Другими словами – свободную (рыночную) экономику. Если обратиться к экономической науке, то свободная экономика предполагает: свободный рынок, свободную конкуренцию, частную собственность на все, свободу выбора, свободу предпринимательства. Конечно, в ней, как экономической модели, есть свои достоинства и недостатки. Мы не будем рассматривать их все, а остановимся на главном недостатке, затрагивающем наш вопрос – это расшатывание социальных устоев общества. Проявляется оно, в первую очередь, в ухудшении криминогенной обстановки в сфере предпринимательства, связанной с угрожающим увеличением количества и разнообразия экономических мошенничеств. Это подтверждается и статистическими данными по результатам борьбы с этими видами преступлений.

Так, в 2022 году было выявлено из всего количества преступлений (1966,8 тыс. против 2004,4 тыс. в 2021 году), было совершено 111,4 тыс. преступлений экономической направленности против 117,8 тыс. в 2021 году, 105,5 тыс. – 2020 г., 104,9 тыс. – 2019 г., 109,5 тыс. – 2018 г., соответственно. Из них, непосредственно в сфере экономической деятельности в 2022 году, эта цифра составила 35,9 тыс. в то время, как в 2015 году, их количество равнялось 29,8 тыс. преступлений. Материальный ущерб от преступлений в сфере экономической деятельности в 2020 году составил более 339,4 млрд. руб. (в 2019 г. – 447,2 млрд. руб., 2018 г. – 403,8 млрд. руб., в 2017 г. – 234,3 млрд. руб.). Привлечено было к уголовной ответственности за указанные преступления в 2022 году – 51855 чел. Не раскрыто в течении 2022 года – 24764 преступления экономической направленности против 27442 в 2021 году, соответственно. В большинстве случаев потерпевшими являются юридические лица, частные предприниматели, а ущерб возмещать некому, так как другое юридическое лицо не является субъектом уголовной ответственности, в то время как представитель этого юридического лица от его имени и по его поручению совершил мошеннические действия. По указанию учредителя или собственника он составил договор, обещал поставить товар, но после предоплаты товар не был поставлен. Получив на расчетный счет денежные средства, поставщик использовал их по своему усмотрению, а товар и не думал поставлять, поскольку на момент заключения договора, его, как правило, в этих случаях, и в наличии не было, и не планировалось учредителями или собственниками юридического лица, в реальности это делать. Доверчивые предприниматели несут миллионные убытки, а правоохранительные органы в возбуждении уголовных дел по таким фактам обоснованно отказывают, либо без должных юридических оснований возбуждают уголовные дела по факту мошенничества, а впоследствии пытаются привлечь к уголовной ответственности нанятого директора фирмы. Однако до суда такие дела не доходят, а, как правило, обоснованно прекращаются. Арбитражные суды такие дела, также обоснованно, рассматривать отказываются. Многие предприниматели просто не знают, что им делать, кто и как им возместит причиненный юридическим лицом ущерб. Такого в современном обществе быть не должно, когда определенные субъекты правоотношений остаются беззащитными со стороны государственных институтов по вине законодателя, который не принял соответствующих законодательных актов. Многие зарубежные государства, такие как Китай, Вьетнам, Монголия и другие (их уже в мире более 80), где свободная (рыночная) экономика уже давно существует, для снижения уровня экономических преступлений внедрили институт уголовной ответственности юридических лиц, что положительно сказалось на их экономическом развитии. В России, к сожалению, движений в этом направлении со стороны законодателя не наблюдается. В 1996 году Уголовный кодекс частично был изменен, а в большей степени дополнен, но доктринально не претерпел изменений, и во многом базируется на прежнем, социалистическом экономическом укладе. В настоящее

время он явно не отвечает существующим общественным отношениям в сфере экономики. Более того, даже в ст. 2 УК РФ отсутствует упоминание в перечне основных задач уголовного кодекса положения об охране общественных отношений в сфере экономики. И это в то время, когда четвертая часть статей Особенной части УК РФ в той или иной мере касается экономических отношений.

Проведенный нами правовой анализ действующего российского законодательства показывает, что в настоящее время к юридическому лицу могут применяться лишь два вида ответственности: 1) гражданско-правовая; 2) административная. Конечно, нужно учитывать и тот факт, что для России институт уголовной ответственности юридических лиц является относительно новым, не традиционным правовым явлением. Поэтому законодатель с осторожностью относится к этому вопросу и, по нашему мнению, явно перестраховывается. Мы сделали попытку рассмотреть этот вопрос, используя исторический метод, который является одним из основных в юридической науке. Однако отсутствие такого исторического опыта в России или его недостаточность не следует рассматривать как непреодолимое препятствие. Не все в современном праве основано на традициях прошлых веков. Конечно, определенная преемственность правовых норм является положительным аспектом в правовом регулировании, но объективно это не всегда целесообразно. Реальность показывает, что в целом уголовная ответственность юридических лиц в современном российском праве конечно будет концептуальным новшеством и потребует существенного переосмысления отдельных его положений, хотя, как показывают исследования, некоторые его положения, в частности, об ответственности коллективных субъектов можно найти в дореволюционном российском уголовном праве.

Таким образом, такая «нетрадиционность» уголовной ответственности юридических лиц по отечественному уголовному законодательству, как мы считаем, не станет серьезным препятствием в формировании этого важного и крайне необходимого, с нашей точки зрения, института. Напротив, в настоящее время мы можем и должны начать приводить уголовное законодательство в соответствие с существующими экономическими общественными отношениями, имея для этого реальные предпосылки и необходимость, используя лучшие практики зарубежных стран, с целью избежать ненужного груза прошлого и ошибок, допущенных на этом тернистом пути за рубежом. Безусловно, этот процесс не простой, и потребует времени и пересмотра устоявшихся, не соответствующих, как мы говорили выше, развитию современных общественных правоотношений и устаревших воззрений отдельных ученых юристов, противников внедрения и развития данного института в российском уголовном законодательстве.

Вполне логичным может возникнуть утверждение о том, что уголовная ответственность юридических лиц концептуально невозможна, поскольку юридическое лицо является как бы фикцией и, в принципе, не может быть

привлечено к уголовной ответственности. Однако мы считаем, что данный аргумент не совсем корректен. Во-первых: даже не вдаваясь в рассмотрение различных теорий юридического лица, можно сказать, что все они, по крайней мере, допускают самостоятельную гражданско-правовую ответственность этих субъектов права. Скажем больше, признак независимости от ответственности является обязательным признаком юридического лица, т.е. юридическое лицо признается конкретным субъектом права, в принципе способным самостоятельно нести ответственность за правонарушения. Этот элемент обязательно включен в структуру его дееспособности. И если юридическое лицо определено может быть привлечено к такому виду юридической ответственности, как гражданско-правовая, то оно может быть привлечено и к другим видам юридической ответственности, например, административной или, в нашем случае, уголовной. При этом, конечно, непосредственным исполнителем будет физическое лицо, как средство или орудие совершения мошеннических действий, но от имени, по поручению и документальному подтверждению собственников или учредителей коммерческой структуры. Это проявляется таким образом потому, что это корпоративная организация и все ее члены действуют как единое целое, как одна команда. С одним умыслом и одной главной целью – получение прибыли любым способом, к сожалению, иногда, включая незаконные. На этом принципе базируется любая крупная коммерческая структура. В противном случае лицо, не согласное с указаниями собственников или учредителей, или отказывающаяся выполнять соответствующие указания, работать там не сможет, а фирма будет не жизнеспособна. И это не оспоримый факт. При этом, какой-либо личный корыстный интерес от этих действий физическое лицо, выполняющее указание, может и не иметь. В этом случае от уголовной ответственности он будет освобожден, а юридическое лицо должно и будет нести уголовную ответственность и соответствующее наказание, конечно не связанное с лишением свободы, а в виде штрафа, и даже конфискации имущества и ликвидации фирмы, без объявления банкротства. Этот вопрос должен решить законодатель. При этом мы исходим из того положения, что субъект преступления (как физическое лицо) и субъект уголовной ответственности по своему содержанию не одно и то же. Последний значительно шире, им может быть и юридическое лицо, кроме того, может включать в себя и первый. Во-вторых: при совершении преступления целостной организацией (коммерческой структурой) привлечение к уголовной ответственности отдельных членов организации не является обязательным условием привлечения самой организации к уголовной ответственности. Необходимо только обеспечить соответствующие правовые институты, в рамках которых это может быть эффективно реализовано с пользой для отдельных субъектов экономической деятельности и государства в целом.

Таким образом, нельзя сказать, что уголовная ответственность юридических лиц противоречит самой сути юридического лица. Напротив,

независимость, включая уголовную ответственность юридического лица, является одной из необходимых определяющих черт этого субъекта права.

Однако, рассматривая вопрос совершенствования законодательства в связи со становлением и развитием института уголовной ответственности юридического лица в России, необходимо отметить, что данный процесс, по нашему мнению, должен иметь комплексный характер, то есть происходить по всем направлениям (отраслям) действующего законодательства. При этом необходимо отметить такую особенность – речь идет об уголовной ответственности, а не о субъекте преступления, как физического лица.

Не вызывает сомнений, как было сказано выше, что такой процесс будет не быстрым, требующим немало времени и сил, слаженной совместной работы межведомственных различных законодательных, правоохранительных органов и органов государственной власти, общественных организаций и т.д. Конечно, изменения в действующее законодательство, несущие в себе такие изменения традиционно устоявшихся взглядов, теорий и концепций по тому или иному вопросу, являются сложным процессом. На данный момент уже есть и противники, и те, кто поддерживает эти новшества. Остановимся на существенных, на наш взгляд, положениях и мнениях отдельных ученых-юристов, как подтверждающих, так и отрицающих необходимость этих изменений. Помимо вышеназванных ученых, отметим и других.

Так, С.Г. Келина, в качестве необходимости положительного решения этого вопроса, аргументированно указывала, что с учетом причинения тяжких общественно-опасных последствий в некоторых случаях трудно установить конкретное виновное лицо, а ущерб (вред) причинен в результате деятельности юридического лица. Против этих предложений выступила Н.Ф. Кузнецова, которая говорит о несоответствии этих предложений принципам личной и виновной ответственности, а допустим, более высокие штрафные санкции и возможность закрытия предприятия, о чем говорит С.К. Келина, в качестве дополнительных наказаний, достижимы и в ходе реализации гражданско-правовых санкций. При этом, что особенно для нас важно в этой позиции – за коллективной ответственностью юридического лица якобы вполне могут скрыться истинные виновники преступления. Учитывая изложенное, нельзя согласиться и с мнением Б.В. Волженкина, который не одобрил этот проект Общей части УК Российской Федерации 1994 года, где в ст. 106 УК была предусмотрена ответственность юридических лиц. Он не рекомендовал использовать термины «вина», «виновность» в отношении юридического лица, по причине их психологического содержания, возможность отсутствия конкретизации деяния и по другим причинам. При этом, его позиция состояла в том, что в случае возникновения такой необходимости, основание уголовной ответственности должно быть единым, как для физических, так и юридических лиц. Таковым является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Во всех случаях

субъектами этих преступлений должны быть только конкретные физические лица [4].

Но реальность такова, что на сегодняшний день российское законодательство не предусматривает применения уголовной ответственности в отношении юридических лиц. Данная норма подтверждается положениями ст. 19 УК РФ, в соответствии с которой уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ [2]. Дискуссия по этому вопросу среди ученых-теоретиков длится с 1994 года, когда принимался новый Уголовный кодекс Российской Федерации, и ведется она по настоящее время, то затихая, то активизируясь. Думаем, что чем раньше начнется процесс совершенствования российского уголовного законодательства, тем быстрее будут положительные результаты.

Все эти аргументы, вероятно, были учтены, и в УК РФ 1996 года норма об уголовной ответственности юридических лиц не была включена. По нашему мнению, в тот период, возможно, и не было таких необходимых условий, но время не стоит на месте, и экономические рыночные отношения стремительно развиваются. Так, по данным Федеральной службы информации России, по состоянию на 21 марта 2021 г. на территории России зарегистрировано 3 394 090 юридических лиц, осуществляющих различную предпринимательскую деятельность. А учитывая сложившуюся на сегодняшний день международную обстановку и наличие экономических санкций в отношении российского государства, появилось большое количество новых коммерческих структур. При этом, определенная часть из них является монополистами в различных сферах экономики, что может использоваться ими для осуществления мошеннических операций, в различных их проявлениях. При этом необходимо иметь в виду, что убытки от таких незаконных действий юридических лиц исчисляются десятками, а иногда и сотнями миллионов рублей.

Мы считаем, что пришло то время, когда юридические лица, если будет установлено законом, могут и должны в обязательном порядке нести уголовную ответственность за действия определенных, причастных к этому физических лиц. Приведем такой, часто встречающийся вариант развития событий. Акционерами компании приказано совершить директору или нанятому менеджеру мошенническую, по сути, но внешне законную сделку (договор), и он вынужден это сделать, потому что в случае отказа его просто уволили бы. При этом необходимо учесть и тот факт, что лично он никакой выгоды от этого не имеет. Как мы говорили выше, гражданская ответственность здесь не совсем оправдана и не возможна, ввиду крупного или особо крупного ущерба и существенного ущемления законных прав и интересов других юридических и физических лиц и по другим причинам. И это оправдано тем, что последствия являются одним из основных критериев оснований уголовной ответственности. Именно, в уголовном праве обязательно наличие наступивших негативных последствий, их тяжесть и значимость причиненного вреда. Об этом свидетельствует и правоохранительная практика. Примечательны в этом плане результаты

расследования подобного уголовного дела в СК Юго-Западного округа г. Москвы, когда в 2023 году было возбуждено уголовное дело о мошенничестве не в отношении конкретного физического лица, а по факту действий одного ООО-юридического лица к другому ООО - юридическому лицу, по признакам ч.4 ст.159 УК РФ, где ущерб в результате неуплаты по договору за поставленные товары составил более 15 млн. рублей. Деньги, полученные от заказчика, были переведены исполнителем на свои другие счета и истрачены. Ответственность при этом никто не понес. В уголовном преследовании директора ООО, который получил по договору товар, а фирма ООО, где он работал, не оплатила, было отказано. В арбитражном суде данные материалы дела отказались рассматривать, согласно существующему гражданскому законодательству. И ущерб возмещать оказалось некому. Ни директору ООО, где были получены деньги, ни юридическому лицу. И особенно важно отметить, что все решения силовых структур и суда обоснованы, и по закону правомерны. Аналогичные примеры есть и по другим аналогичным делам, в частности, по предоставлению лизинга на автомашины, где коммерческие структуры предоставляли дорогие авто частным лицам, а потом после оплаты ими за эти авто, мошенническим путем забирали их обратно. При этом уголовные дела на законных основаниях прекращаются и ответственности никто не несет, ущерб лицам никто не возмещает. И такие случаи на территории России, к сожалению, не единичны. Подобных пробелов в праве не должно быть. Ответственность должна быть четко определенной, достаточно суровой и значимой именно для юридических лиц. Конечно, речь идет в первую очередь, только об определенных статьях в УК РФ, и в первую очередь – о преступлениях экономической направленности. И не только по ст.159 УК РФ, но и по другим статьям 21 и 22 Главы УК РФ. Основанием для этого должно быть так необходимое принятие соответствующих изменений и дополнений в доктринальные нормы Общей и специальные нормы Особенной части Уголовного Кодекса Российской Федерации. Для решения этого вопроса соответствующие предпосылки, по нашему мнению, в обществе уже давно имеются. Аналогичной точки зрения придерживаются и такие видные российские ученые, как А.В. Наумов, Г.Е. Есаков, В.И. Селиверстов и другие, которые высказывают мнение о том, что отечественное уголовное законодательство не только «созрело» для принятия решения о внедрении уголовной ответственности юридически лиц, но и «перезрело». С такими инициативами неоднократно выступал и Следственный комитет РФ, который неоднократно обоснованно обращался в Государственную Думу РФ с предложением об уголовной ответственности юридических лиц [3, С. 57].

Острая необходимость изменений, в связи с внедрением института уголовной ответственности юридического лица, прослеживается и в налоговом законодательстве РФ. Так, кодификация законодательства внесла определенный порядок в развитие экономических отношений и, безусловно, оказала положительное влияние на снижение уровня конфликтности в указанных сферах. В 2002 году вступил в силу Кодекс об административных правонарушениях

Российской Федерации (далее – КОАП РФ), который объединил административную ответственность в сфере финансов, налогов и сборов (глава 15) и таможи (нарушение таможенных правил) (глава 16). Административная ответственность является важным инструментом обеспечения соблюдения законодательства во всех сферах общественной жизни, в том числе и в экономической сфере.

С принятием норм КОАП РФ такие виды юридической ответственности, как таможенная, банковская, бюджетная постепенно стали достоянием истории. Утратили силу нормы Бюджетного кодекса РФ о бюджетной ответственности и нормы Таможенного кодекса РФ 1993 года о таможенной ответственности. Однако до сих пор некоторые ученые, явно не понимая сути взаимоотношений, изучают и рассматривают правовую природу финансовой (финансово-правовой) ответственности и отстаивают ее независимость.

Единственным независимым видом ответственности, который все еще в настоящее время сохраняется, действует, применяется и активно исследуется научным сообществом, является налоговая ответственность. Между тем ни Налоговый кодекс (далее – НК РФ), ни другие федеральные законы о налогах и сборах не содержат определений понятия «налоговое правонарушение».

Как известно, ответственность за нарушение норм НК РФ наступает при нарушении правовых запретов (налоговых правонарушений). Согласно положениям статьи 106 НК РФ, налоговым правонарушением является действие (деяние или бездействие) незаконного (в нарушение законодательства о налогах и сборах) характера, совершенное налогоплательщиком, плательщиком страховых взносов, налоговым агентом и иными лицами, в целях за которые налоговый кодекс устанавливает ответственность.

На сегодняшний день в НК РФ и КОАП РФ предусмотрена административная (финансовая) ответственность за совершение экономических (налоговых) правонарушений в отношении физических лиц, индивидуальных предпринимателей, а также юридических лиц. Тем не менее, как свидетельствуют статистические данные, приведенные в интервью ТАСС заместителем главы СК РФ Е. Леоненко, средний ежегодный ущерб от налоговых преступлений в России оценивается в 58 млрд. рублей, из которых фактически возмещено около 50 % от указанной суммы [9].

Следовательно, отмеченные статистические данные указывают, что административная ответственность в сфере экономических (налоговых) преступлений не способна эффективно бороться с экономическими правонарушениями, что и позволяет нам поднять вопрос о расширении в отношении указанные субъектов (индивидуальных предпринимателей, а особенно – юридических лиц) ответственности, а именно – установление уголовной ответственности.

Так, на сегодняшний день УК РФ предусматривает более 50 составов экономических преступлений в соответствующем разделе сфер экономики, объединенных в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности».

Примечательно то, что практически любое из закрепленных в отмеченной главе УК РФ преступлений, в той или иной степени (в роле соучастника), может быть совершено юридическим лицом.

Выводы. Таким образом, считаем, что с учетом сложившихся в РФ на сегодняшний день экономических общественных отношений, институт уголовной ответственности в России подлежит срочному усовершенствованию в силу следующих причин.

Во-первых, в ч. 1 ст. 2 УК РФ сформулированы основные его задачи, которыми являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений [2]. В этом плане желательно дополнить эту статью и включить в еще одну задачу – охрану общественных отношений в сфере экономической деятельности.

Поэтому полагаем, что без признания юридического лица субъектом уголовной ответственности достижение обозначенных задач в полной мере не представляется возможным.

Во-вторых, российская следственная и судебная практика позволяет утверждать, что в РФ возник новый, особый вид преступности – преступность юридических лиц.

Данный вид преступности представляет собой особую экономическую опасность для всего государства, а также для добросовестных участников экономических правоотношений. Оказывая внутреннее негативное воздействие на формирование нормальной свободной (рыночной) экономики внутри государства.

Преступность юридических лиц, за счет своей высокой степени латентности и безнаказанности подрывает основы всей государственной экономики. В результате таких противоправных действий юридическими лицами происходят такие негативные социально-экономические явления как снижение уровня производств и валового внутреннего продукта, рост инфляции и т.д.

В-третьих, также необходимо отметить, что в России вопросы о признании юридического лица в качестве субъекта уголовной ответственности обсуждаются учёными и практическими работниками уже длительное время, при этом приводятся убедительные аргументы такой необходимости, однако законодатель, по каким-то причинам, эти вопросы не рассматривает.

В-четвертых, по нашему мнению, юридическое лицо должно нести уголовную ответственность в таких конкретных случаях: когда такие действия были совершены: в первом случае – с ведома или по указанию юридического лица, или были ими (акционерами, собственниками) санкционированы, во втором случае – совершены с экономической пользой, давая определенную выгоду юридическому лицу, как материальную, так и иную. И в третьем случае – деяние совершено субъектами (физическими лицами), которые были

официально, документально уполномоченными юридическим лицом на совершение мошеннических сделок, иных неправомерных действий, причинивших значительный ущерб другим субъектам хозяйствования в сфере экономической деятельности или отдельным гражданам, но они при этом не имели личной корыстной заинтересованности.

Безусловно, этот вопрос требует более глубокого дополнительного изучения и исследования, выходящий за рамки нашей работы, и самое главное, предусматривает наличие определенной воли законодателя, поскольку его решение затрагивает необходимость изменений устоявшихся десятилетиями, устаревших отдельных доктринальных норм уголовного права.

Список использованных источников и литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) / Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Наумов, А.В. Уголовная ответственность юридических лиц / А.В. Наумов // LexRussica. – 2015. – № 7. – С. 55-61.
4. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. М., 2007. – 776 с.
5. Абашина, Л.А. Юридическое лицо как субъект уголовной ответственности: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Орловский государственный технический университет – Москва, 2008. – 153 с.
6. Богуш, Г.И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц / Г.И. Богуш // Вестник Московского университета. – 2005. – № 4. – С. 19-29.
7. Буюкова, Г.А. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц за нецелевое распределение и расходование бюджетных средств // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – №7. – С. 181-185.
8. Бытько, Ю.И. Формула уголовной ответственности юридических лиц: история и современность: Монография / Ю.И. Бытько, А.Л. Дядькин. – Саратов : Из-во СГЮА, 2012. – 400 с.
9. СК РФ оценил ущерб от налоговых преступлений в 58 млрд. рублей в год // Бизнес портал : [сайт]. – 2023. – URL: <https://www.business.ru/news/29697-nalogovye-prestupleniya> – (дата обращения: 22.05.2023).

УДК 347

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Сиренко Б.Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Донецкая академия управления и государственной службы (г. Донецк)
(e-mail: sirenkobogdan@mail.ru)

В настоящей статье исследуется сущность добросовестности в современном гражданском праве, доктрины, в которых отражен этот принцип, а также обосновывается необходимость концепции добросовестности в гражданском праве и проблемы его применения согласно Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: гражданско-правовой принцип, добросовестность, справедливость, злоупотребление правом, законные интересы.

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN CIVIL LAW

Sirenko, B.N.

This article examines the essence of good faith in modern civil law, the doctrines that reflect this principle, and also substantiates the need for the concept of good faith in civil law and the problems of applying this principle in the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: civil law principle, good faith, justice, abuse of rights, legitimate interests.

Актуальность темы исследования. На протяжении всей истории от римского права до современных правовых систем основополагающий принцип добросовестности, находящийся в основе права, оставался неизменным.

Вопрос о том, должен ли участник гражданского процесса вести себя добросовестно и учитывать интересы противоположной стороны в его взаимодействии, или же он может ставить свои интересы «во главе угла», даже если это приносит ущерб партнеру, в контексте современного римского права разрешается через понимание эффективных гражданско-правовых отношений, основанных на партнерстве с конкретной целью [1].

Это, в свою очередь, предполагает выполнение действий с доброй совестью и соответствующим образом, учитывая ожидания контрагента в рамках отношений, опираясь на принцип добросовестности. В этом контексте указанный постулат рассматривается как одна из ключевых категорий в большинстве гражданских правовых систем мирового сообщества.

Анализ научных исследований. В Российской Федерации (далее – РФ) отдельные вопросы применения принципа добросовестности в гражданском праве в своих работах затрагивали такие ученые как В.Ф. Антонова, Е.Е. Богдановой, Ю.В. Гаврилова, Д.Н. Гладких, А.В. Демкиной, А.В. Карлявина, М.П. Кушарова и другие.

Вместе с тем, происходящие в нынешний период геополитические изменения планетарного масштаба, обусловленные процессом упразднения закономерностей однополярного мира, оказывают непосредственное влияние и на правовую систему российского государства как субъекта глобальной политики, к сожалению, не всегда с положительным для РФ эффектом. Такая ситуация обуславливает пересмотр с последующим изменением подхода к формирующимся общественным отношениям, а также к уже действующим политическим, экономическим, социальным и другим связям в государстве. Это, непосредственно, касается и определенного пересмотра взгляда на вопрос применения принципа добросовестности в гражданском праве, что и обосновывает актуальность, своевременность и важность настоящей статьи.

Цель статьи. Основная цель представленного исследования представляет собой проведение комплексного исследования отдельных норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), регламентирующих постулат добросовестности в гражданско-правовой сфере общественных отношений, с последующей разработкой и внесением конкретных предложений по усовершенствованию национального гражданского законодательства.

Изложение основного материала. В устоявшейся мировой практике, договорные отношения представляют собой один из ключевых элементов современного гражданского оборота, в которые стороны вступают с целью достижения желаемого для каждой из них индивидуального результата посредством координированных, согласованных и, в отдельных случаях, индивидуально корректируемых (в процессе выполнения сделки) совместных усилий. Безоговорочное выполнение обязательств и стабильность договорных связей позволяют оценивать уровень развития экономики и общее благосостояние общества. Честное поведение участников способствует поддержанию, развитию и увеличению гражданских отношений. Контрагенты готовы принимать на себя обязательства лишь случае взаимодоверия, полагая, что каждый выполнит свои обязательства надлежащим образом. Для этого необходимо, чтобы стороны договора были уверены во взаимной добросовестности, честности и порядочности.

Анализ принципа добросовестности в современном гражданском праве имеет научно-новаторский облик благодаря своему многоаспектному подходу и достаточно частого применения сравнительно-правовых методов исследования. При этом, он стал основополагающим в праве и был официально закреплён в ГК РФ в 2013 году, в пунктах 3 и 4 статьи 1. До этого добросовестность не была признана ключевым началом российского гражданского права.

Важность и обоснованность таких законодательных изменений выразилась

в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, где указано, что принцип добросовестности должен охватывать все действия участников гражданских отношений при:

- 1) определении их правового статуса (уточнении прав и обязанностей);
- 2) осуществлении, защите и приобретении прав и обязанностей.

Потребность в официальном закреплении этого постулата была очевидна, что и привело к его отражению в российском законодательстве, в котором он рассматривается как одна из основ современных гражданских норм, восходящая к римскому праву через концепцию *bonafides*.

Анализируя сущность принципа добросовестности, следует подчеркнуть его аналогию с моральными стандартами, поскольку участник гражданского оборота должен стремиться к минимизации игнорирования прав и законных интересов других сторон, придерживаясь в полном объёме своего правового статуса.

Важно подчеркнуть, что в гражданском праве многих стран заложен постулат справедливости, вступающий в действие при формировании гражданско-правовых отношений.

Это касается таких аспектов как ведение переговоров, осуществление прав, выполнение обязательств, интерпретация контрактов и других ситуаций. Тем не менее, степень и масштабы соблюдения честности значительно варьируются среди различных юридических систем.

Также стоит упомянуть, что критерии оценки концепции справедливости могут различаться в рамках правовых систем отдельных субъектов мировой политики [2].

К примеру, интерпретация понятия добросовестности в законодательстве Испании отличается от его толкования во французском праве. В первую очередь полагаем необходимым прояснить, каким образом канон добросовестности представлен в гражданских кодексах различных стран.

Исходя из вышеизложенного, представляется возможность утверждать, что добросовестность считается основополагающим принципом в современных юридических системах – как в системе общего права, так и гражданской его сфере [3].

Так, в статье 1 ГК РФ закреплено, что «субъекты гражданских правоотношений должны проявлять добросовестность при формировании, реализации и защите своих гражданских прав, а также при выполнении гражданских обязательств», а в статье 10 того же законодательного акта указано, что «запрещается осуществление своих прав с намерением причинить ущерб другим лицам, а также выполнение противоправных действий или злоупотребление правами, что расценивается как добросовестное недобросовестное поведение».

Стоит отметить, что с 2015 года, согласно части 3 статьи 307 ГК РФ, стороны также обязаны соблюдать принцип добросовестности при

установлении, исполнении и прекращении обязательств [4], т.е. действовать добросовестно, принимая во внимание обоюдные права и законные интересы.

В Германии, в свою очередь, изначально постулат добросовестности касался лишь исполнения обязательств.

Однако, с течением времени его начали применять в различных сферах общественных отношений, таких как корпоративное и семейное право. К концу XX века концепция добросовестности, отмеченная в определенных ситуациях гражданских кодексов разных стран, приобрела статус одного из основных принципов гражданского права [5].

К примеру, в Кодексе Наполеона 1827 года утверждается, что исполнение обязательств должно основываться на добросовестности, а Гражданский кодекс Германии выделяет этот принцип как один из ключевых для регулирования гражданских отношений, поскольку указанный канон служит не только основой для выполнения обязательств, но и для компенсации убытков, а также используется в качестве главного постулата при интерпретации контрактов.

Гражданский кодекс Италии, аналогично упомянутым документам, указывает на необходимость строгого соблюдения принципа добросовестности в процессе выполнения обязательств, условий и интерпретации контрактов, а также во время переговоров.

В Швейцарии этот канон становится универсальным в рамках Гражданского кодекса, требуя от сторон соблюдения своих прав и обязанностей с добросовестностью.

В Гражданском кодексе Нидерландов рассматриваемый принцип служит основой не только выполнения обязательств и условий сделок, но и правовых, а также обязанностей аспектов для юридических лиц.

Анализируемая категория также упоминается в различных контекстах Гражданского кодекса Колумбии, где добросовестный владелец, на которого возлагается обязанность по возвращению имущества законному собственнику, вправе требовать возмещения понесенных при этом понесенных (разумных и необходимых) затрат.

Кроме того, добросовестный приобретатель похищенного движимого имущества получает защиту в случае, когда товар был приобретен у продавца на торговых точках либо на рынках; платеж, сделанный добросовестно конкретному кредитору, признается действительным и в случае, когда после этого истина о праве требования оказывается иной.

Заслуживает внимания тот факт, что в последние десятилетия XX века во Франции суды и специалисты начали широко интерпретировать постулат добросовестности с учетом мировых тенденций [6].

Трактовка принципа добросовестного исполнения как основополагающей идеи гражданского права формирует множество институтов, что четко просматривается в германском правоприменении и судебной практике. В настоящее время этот постулат признан наднациональными европейскими документами, стремящимися к унификации как договорного, так и всего

частного права. На наш взгляд, будет вполне целесообразным несколько детальнее рассмотреть суть принципа добросовестности в контексте гражданского права.

Так, отсутствие четкой дефиниции понятия добросовестности в отечественном законодательстве предоставляет исследователям, практикам и узкопрофильным специалистам возможность разрабатывать собственные концепции и подходы к очерченной теме, что открывает пространство для дискуссий, обсуждений и углубленного анализа, что может привести к более точному пониманию и применению анализируемого постулата в юридической практике [7].

В субъективном восприятии это интерпретируется как «оправданное неведение лица» (наглядный пример – честный приобретатель, указанный в ст. 302 ГК РФ; добросовестность в контексте приобретательной давности – ст. 234 ГК РФ и т.д.).

Исходя из этого, представляется возможным выделить ряд важных функций рассматриваемого принципа. Одной из них выступает восполнение «пробелов» в законодательстве, которая несмотря на то, что содержится в п. 2 ст. 6 ГК РФ, – на практике фактически судами не применяется.

Однако гораздо более достойными внимания, с практической точки зрения, признаются аспекты, связанные с обязательственным правом, к примеру, установление определенных обязанностей сторон после окончания договора (п. 3 ст. 307) или до его подписания.

В свою очередь, расширение обязанностей сторон за рамки, определенные в сделке, вызывает значительный интерес.

Так, к примеру, в случае, когда должник при возврате долга представит кредитору огромную сумму в мелких монетах, – это может рассматриваться как недобросовестное поведение, несмотря на отсутствие прямого запрета в договоре или законах, что в свою очередь, создаст значительные трудности для кредитора при получении своих средств.

Определить, что именно подразумевается под добросовестностью, представляется весьма сложным заданием, поскольку это понятие довольно гибкое, и, если его утвердить, как правовой принцип, оно может превратиться в «резиновый штамп» [8].

Стоит также указать, что в немецких литературных источниках «добросовестность» рассматривается как важный критерий в правовой системе, где утверждается, что без этого постулата, который сочетает в себе этические и моральные аспекты верховенства права, жизнедеятельность правовой системы невозможна.

Согласно существующим теориям, добросовестность допускается дифференцировать на субъективный и объективный подходы.

Так, субъективное понимание подразумевает формулировку «не знал и не должен был знать», в то время как объективная добросовестность выступает как требование для адекватного поведения в сфере права.

Принцип субъективной добросовестности подразумевает, что граждане недостаточно осведомлены о возможных негативных последствиях правовых ситуаций и недостатках прав на собственность.

К примеру, дореволюционное французское законодательство требовало, чтобы «соглашение сторон было искренним, и стороны воздерживались от обмана и насилия». В современных условиях понятие добросовестности в контексте договорного права принимается более узко, основанное на терминах «честность», «разумность», «социальная этика» и других, что указывает на объективные стандарты, выведенные из этических, коммерческих и социальных норм.

Стоит отметить, что в итальянском Гражданском кодексе 1942 года две статьи всегда были взаимосвязаны: первая требовала, чтобы переговоры проводились с учетом принципа «добросовестности» (статья 1 337), в то время, как вторая устанавливала обязательство возместить расходы стороне, которая была введена в заблуждение по причине сокрытия информации, что привело к недействительности договора (статья 1 338) [9].

Кроме того, соблюдение постулата добросовестности со стороны контрагента имеет такое значение, что учитываются не только факты, прямо связанные с договором, но и другие обстоятельства, частично касающиеся этого соглашения.

Следует также подчеркнуть, что как доктрина, так и судебная практика значительно расширили требования к сторонам в отношении обмена информацией за пределами контракта, из-за чего недобросовестные действия при заключении сделки могут служить основанием для ее последующего расторжения.

В современном контексте, отметим, наблюдается укрепление англосаксонской правовой системы через элементы гражданского права, которые иллюстрируют принцип добросовестности в европейской правовой практике, включая «*culpa in contrahendo*» и ряд дополнительных обязательств, сопутствующих основным обязательствам [10].

При этом важно отметить, что термин «добросовестность» более точно передается посредством понятия «добросовестный владелец», подразумевающий личность, которая не знала и не могла знать, что у продавца не было полномочий на реализацию имущества. Увеличивающаяся значимость анализируемого принципа предоставляет гражданским сторонам возможность защитить свои интересы от действий, которые, хоть и формально законны, на практике могут ущемлять их права.

Некоторые ученые рассматривают добросовестность как внешний критерий, минимальный стандарт социального поведения, который не должен быть нарушен.

Следовательно, недобросовестность расценивается как превышение такого минимального порога. Однако, границы этого стандарта определить представляется достаточно сложной задачей.

Связь канона добросовестности с другими схожими категориями показывает, что он, в сочетании с принципами разумности, справедливости и добросовестного использования прав, образует единый механизм жизнедеятельности российского гражданского права. При этом, каждый из этих постулатов имеет свою оценочную природу.

Считаем, что принцип разумности тесно сопряжен с добросовестностью, поскольку разумное поведение возможно только при корректной реализации собственных прав.

Таким образом, упомянутые постулаты могут рассматриваться как противоречивые, однако сам принцип добросовестности основан на наличии постулата свободы договора, поскольку он в определенной степени ограничивает эту свободу и способствует более упорядоченному гражданскому обороту.

Важно подчеркнуть, что оба указанные канона признаются основополагающими в контексте их воздействия на разнообразные общественные отношения, регулируемые нормами гражданского права.

При этом, принцип разумности наделен вспомогательной ролью по отношению к канону добросовестности, поскольку он уточняет, что подразумевается под добросовестным поведением, добавляя, что оно должно быть разумным, учитывать деловые практики и основываться на праве.

Кроме того, доктрина добросовестности рассматривается как универсальный канон в контексте договорного права, что позволяет охарактеризовать добросовестность как честность, которая включает в себя отторжение злонамеренности и желание вводить в заблуждение.

Тем не менее, добросовестность, как таковая, представляет собой субъективное явление, критерии которого варьируются в зависимости от конкретной ситуации.

При этом, указанный принцип обладает ключевой ролью в механизме оценки обстоятельств сделок, поскольку договор должен учитывать действия и факты, соответствующие личному, культурному и экономическому положению сторон. Это, в свою очередь, подразумевает, что стандарт добросовестности не может быть применен без учета всех аспектов и особенностей.

Выводы. Проведенный анализ свидетельствует, что правовым постулатам в российской правовой системе принадлежит ключевая роль. Принцип добросовестности, являясь одним из этих канонов, формирует основы гражданского законодательства. Хотя в законе отсутствует четкое определение указанного понятия, он наделен глубоким смыслом и характеризуется широким практическим применением.

Во многих ситуациях именно этот постулат служит для защиты прав и интересов добросовестных участников гражданских правоотношений в случаях, когда иные нормы материального права не могут быть использованы.

Российский законодатель не игнорирует рассматриваемый принцип и активно работает над его развитием и усовершенствованием юридического

механизма, включая внесение дополнений, изменений в нормативные акты и публикацию официальных позиций высших судов по этому вопросу.

В завершение нашего исследования стоит отметить, что необходимость внесения изменений и дополнений в действующий ГК РФ для усиления постулата добросовестности вызвана рядом объективных обстоятельств:

– во-первых, ссылки на добросовестность в ГК РФ как субъективный критерий и объективная основа регулирования недостаточны для эффективного правоприменения;

– во-вторых, рассматриваемый принцип согласуется с современными взглядами и закреплён в законодательстве многих стран с развитыми правовыми системами.

Список литературы

1. Гаврилов, Ю.В. Значение принципа добросовестности в системе принципов российского гражданского права / Ю.В. Гаврилов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2015. – № 9. – С. 86-93.
2. Антонов, В.Ф. Принцип добросовестности в современном гражданском праве: теоретический аспект / В.Ф. Антонов // Законодательство и экономика. – 2016. – № 1. – С. 20-24.
3. Анциферова, Э.Ю. Принципы разумности, добросовестности и справедливости как основополагающие категории частного права / Э.Ю. Анциферова // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2016. – Т. 2. – № 6. – С. 42-47.
4. Гладких, Д.Н. Понятие и значение принципа добросовестности в договорном праве / Д.Н. Гладких // Законодательство. – 2012. – № 3. – С. 40-46.
5. Богданова, Е.Е. Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности / Е.Е. Богданова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 8. – С. 80-86.
6. Карпеченко, М.М. Принцип добросовестности в современном гражданском праве / М.М. Карпеченко // Молодой ученый. – 2019. – № 20. – С. 477-479.
7. Карлявин, И.Ю. Принцип добросовестности (Treu und Glauben) в правовой доктрине немецкоязычных стран: теоретико-практические предпосылки и конструирование / И.Ю. Карлявин // Научный поиск. – 2016. – № 2.1. – С. 19-22.
8. Сулейменов, М.К. Применение принципа добросовестности в отраслях частного и публичного права / М.К. Сулейменов // Право и государство. – 2015. – № 2 (67). – С. 31-38.
9. Кушарова, М.П. Законность и добросовестность как основа юридической практики / М.П. Кушарова // Добросовестность в действии: российский и зарубежный опыт. – 2016. – С. 28-30.
10. Дождев, Д.В. Принцип добросовестности в гражданском праве / Д.В. Дождев // Принцип формального равенства и взаимное признание права:

коллективная монография / Под общей редакцией В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. – Москва, 2016. – С. 147-162.

УДК. 343.1

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ

Смирнов Л.Б., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления (г. Санкт-Петербург)
(e-mail: lbs1958@yandex.ru)

В статье рассмотрены теоретические и правовые аспекты уголовно-исполнительной политики. Проанализировано развитие взглядов на сущность и содержание уголовно-исполнительной политики. Показано место и роль уголовно-исполнительной политики в политике государства по противодействию преступности. С учетом современных факторов рассмотрены основные направления развития уголовно-исполнительной политики.

Ключевые слова: политика государства, уголовная политика, предупреждение преступности, осужденные, уголовно-исполнительная политика, цели наказания.

PENAL ENFORCEMENT POLICY AS AN INTEGRAL PART OF THE STATE'S ANTI-CRIME POLICY

Smirnov, L.B.

This article examines the theoretical and legal aspects of penal enforcement policy. The development of views on the essence and content of penal enforcement policy is analyzed. The place and role of penal enforcement policy in the state's policy on combating crime is shown. Considering modern factors, the main directions of the development of penal enforcement policy are considered.

Keywords: state policy, criminal policy, crime prevention, convicts, penal enforcement policy, goals of punishment.

Рассмотрение методологического аспекта уголовно-исполнительной политики необходимо начать с анализа соответствующего понятийно-категориального аппарата.

В первую очередь следует определиться с понятием "политика". В научной литературе существуют различные подходы к определению "политики". В некоторых случаях она относится к стратегии и методам принятия решений,

ведущих к достижению определенных целей. В других случаях "политика" рассматривается как целенаправленная организованная деятельность, необходимая для выполнения задач в определенный период времени. Обычно такая деятельность осуществляется государственными учреждениями, политическими партиями, общественными объединениями и другими участниками политической сферы, которые определяют свои интересы и цели. В этом контексте понятие "политика" становится инструментом для определения перспектив развития общества, особенно с учетом его совершенствования и изменений.

Формы политической деятельности могут быть различными: от разработки законодательных актов до реализации конкретных проектов и программ. Однако их общей целью всегда является стремление к изменению, улучшению и достижению желаемого результата. Политика также может охватывать широкий спектр областей, от экономики и социальной сферы до международных отношений и культуры.

Понятие "политика" также имеет свою историческую и культурную коннотацию. В различных обществах политика может быть воспринята по-разному, и ее представления и содержание могут значительно отличаться. Одни общества акцентируют внимание на коллективные интересы, гармонии и солидарности, в то время как другие общества выделяют индивидуальные свободы и права.

В итоге, понятие "политика" включает в себя различные аспекты и имеет разные трактовки. Это деятельность, направленная на достижение целей и отражающая интересы различных участников политической сферы. Она отличается своей гибкостью, необходимостью компромиссов и вниманием к разнообразию культурных и исторических контекстов. Через политику общество способно формировать свое будущее, менять и модернизировать свой уклад, идти в ногу со временем.

Понятие "политика" охватывает широкий спектр деятельности, включающий в себя формирование и реализацию государственной власти, управление обществом, принятие решений, направленных на достижение определенных целей и интересов. Разработка политических стратегий всегда тесно связана с реальными процессами, происходящими в различных сферах общественной жизни.

Политика государства является объединяющим звеном, пронизывающим все сферы государственной и общественной жизни. Она выражается через различные направления, включая внешнюю и внутреннюю политику.

Внешняя политика государства основана на стратегическом подходе к поддержанию и развитию отношений с другими суверенными государствами, защитой государства от внешних угроз. Областью её применения является широкий спектр международных взаимодействий, включающих дипломатическую активность, международные переговоры, а также подписание

и ратификацию международных договоров, осуществление участия в международных организациях и решение различных международных проблем.

Внутренняя политика государства имеет огромное влияние на формирование и развитие правовой системы. Ведь именно через внутренний политический курс определяются принципы, стратегия и основные направления в достижении социальных целей, которые общество ставит перед собой.

Основной задачей внутренней политики государства является обеспечение стабильности и безопасности его населения, а также создание условий для устойчивого развития. В этом контексте правовая система играет важную роль, так как она направлена на защиту прав и свобод граждан, обеспечение законности и справедливости.

Одним из проявлений внутренней политики государства является политика по противодействию преступности.

Политика государства в сфере противодействия преступности играет ключевую роль в обеспечении безопасности и правопорядка в обществе. Она определяет стратегические цели, средства и меры, предпринимаемые государством и его исполнительными органами для предотвращения преступлений.

Политика по противодействию преступности включает в себя различные сферы проявления, такие как уголовную, уголовно-процессуальную, наказательную, уголовно-исполнительную и криминологическую.

Термин "уголовно-исполнительная политика" пришел на смену термину "исправительно-трудовая политика" в результате эволюции подходов к исполнению наказания в современном российском государстве. Название "исправительно-трудовая политика" действительно достаточно точно отражало суть политики советского государства в области исполнения наказаний, связанных исправительно-трудовым воздействием, где труд был основным средством исправления. В современных условиях уголовная исполнительная политика приобрела более широкий характер и охватывает также исполнение всех наказаний.

Введение понятия "уголовно-исполнительная политика" явно свидетельствует о динамике и перемене подходов при осуществлении наказания, а также о стремлении к обеспечению соответствия данного процесса современным требованиям и целям государства. Этот термин олицетворяет важную составляющую уголовно-исполнительной системы, которая активно совершенствуется и приспосабливается к новым вызовам и изменениям общества.

Взаимосвязь между уголовно-исполнительной политикой и другими аспектами политики по противодействию преступности обусловлена несколькими факторами. Во-первых, эти аспекты политики имеют общую цель – обеспечение безопасности общества и защита прав и свобод граждан. Во-вторых, эти аспекты взаимосвязаны в процессе борьбы с преступностью и обеспечения правосудия. Наконец, эти аспекты политики взаимодействуют друг

с другом в рамках уголовно-исполнительной системы, где осужденные лица проходят стадии исполнения наказания и исправления.

Уголовно-исполнительная политика тесно связана с уголовной политикой, их взаимосвязь является ключевой. Уголовная политика, в свою очередь, является основополагающей по отношению к уголовно-исполнительной политике. Эти две сферы взаимодействуют и взаимообусловлены, образуя единую систему, направленную на обеспечение правопорядка и справедливости в обществе.

Уголовная политика направлена на разработку и усовершенствование уголовного законодательства, основанного на принципах справедливости, пропорциональности наказания и защиты прав и свобод граждан. Это позволяет обеспечить ответственность лиц, совершивших преступления, и эффективное пресечение их преступной деятельности.

Уголовная политика играет роль ключевого механизма правового государства, обеспечивающего справедливость и общественную безопасность. В определении объема содержания уголовной политики важную роль играет выбор средств, которые должны быть эффективными и пропорциональными в соответствии с общими целями и принципами правопорядка.

Исследуя соотношение уголовной и уголовно-исполнительной политики, Н.А. Стручков отмечает, что у них есть общая цель – борьба с преступностью [6, С. 11]. Однако они также имеют свои индивидуальные ближайшие цели. Уголовная политика направлена на назначение справедливого наказания виновным, которое одновременно будет служить целям исправления и перевоспитания осужденного, а также предотвращать совершение новых преступлений как сами осужденными, так и другими лицами.

Одной из центральных задач уголовной политики является обеспечение надежного превентивного эффекта, который заключается в создании ситуации, которая бы предостерегала потенциальных преступников от совершения правонарушений. Это достигается через конкретные меры принуждения, которые должны быть пропорциональны и соразмерны с совершаемым преступлением.

Уголовная политика, по мнению И.В. Шмарова, является системой принципов, методов и мер уголовно-правового воздействия, которые применяются государством для предотвращения преступности, защиты общества от преступников, наказания виновных и воспитания граждан сознательного соблюдения закона [7, С. 4].

Взаимосвязь между уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политиками заключается в том, что успешное расследование и судебное разбирательство уголовных дел являются основой для правильного и эффективного осуществления наказания. Кроме того, эффективная система исполнения наказаний способствует предупреждению преступности, так как наказание становится реальной и штрафной мерой для потенциальных правонарушителей.

Согласно высказыванию В.И. Зубковой, важно отличать наказательную политику от политики уголовно-исполнительной, так как первая является шире последней. Под наказательной политикой подразумевается та часть государственной политики, которая охватывает борьбу с преступностью и включает в себя меры уголовного наказания и их применение [3, С. 144].

Карательная и наказательная политика направлены на применение санкций против лиц, совершивших преступления, с целью демонстрации социальной опасности преступления, предотвращения повторных нарушений и восстановления правопорядка.

В своих исследованиях С.У. Дикаев не дает точного определения "наказательной политики", однако, основываясь на его доводах, можно сделать вывод, что под этим термином понимается политика применения наказаний в рамках уголовно-правового, а не уголовно-исполнительного аспекта [2, С. 229-233]. В то время как В.Г. Громов также использует термин "наказательная политика", но подразумевает именно уголовно-исполнительный аспект [1, С. 63].

Карательная политика заключается в установлении, объёма, перечня и правоограничений, составляющих суть и содержание уголовного наказания (кары).

Уголовно-исполнительная политика и криминологическая политика взаимодействуют путем предотвращения совершения новых преступлений осужденными. Это включает контроль за поведением и условиями исполнения наказания, применение мер исправительного воздействия, направленных на воспитание и социальную адаптацию осужденных, а также организацию и улучшение системы воспитательной работы в местах лишения свободы.

Криминологическая политика направлена на изучение и анализ причин и условий преступности, разработку программ и мероприятий по ее предотвращению и оценке эффективности принимаемых мер. Это включает проведение криминологических исследований, разработку социальных программ, направленных на предупреждение преступности, формирование системы реагирования на новые виды преступлений и применение мер досудебного и административного воздействия.

В науке уголовно-исполнительного права даются различные трактовки и определения уголовно-исполнительной политики.

По мнению О.Г. Перминова, уголовно-исполнительная политика представляет собой важную составляющую политики в области борьбы с преступностью, поскольку ее основными задачами являются определение стратегии, целей, принципов и направлений деятельности государственных органов и институтов по исполнению и отбыванию наказаний, а также предупреждению рецидивной преступности [4, С. 251].

В.И. Селивёрстов определяет уголовно-исполнительную политику как одну из составляющих внутренней политики государства, которая включает в себя разработку основных направлений, форм и методов исполнения наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера, а также оказание

исправительного воздействия на осуждённых и взаимодействие системы исполнения наказаний с другими государственными органами и общественными формированиями [5, С. 16].

Политика в области исполнения уголовных наказаний охватывает широкий спектр аспектов, определяющих цели, принципы, формы и методы деятельности государства в обеспечении исполнения уголовных наказаний. Основная стратегическая цель уголовно-исполнительной политики заключается в двух аспектах: исправлении осужденных и предупреждении совершения преступлений.

Исправление осужденных является одним из ключевых аспектов политики в области исполнения уголовных наказаний. Исправление осужденных направлено на изменение их поведения и приведение их к законопослушной и конструктивной жизни в обществе. Программы ресоциализации предоставляют осужденным возможность получения образования, трудоустройства, психологической и медицинской помощи, что способствует их успешной реинтеграции в общество.

В рамках уголовно-исполнительной политики определяются основные направления, формы и методы исполнения наказаний, применения других мер уголовно-правового характера, а также проведения исправительного воздействия на осужденных.

Поэтому ее разработка и реализация требуют тщательного анализа и обоснования, учета социальных и криминологических факторов, а также учета международных стандартов и обязательств Российской Федерации в сфере уголовно-исполнительной политики.

Анализируя вышеизложенные подходы, мы приходим к выводу, что уголовно-исполнительная политика является неотъемлемой составной частью государственной политики по борьбе с преступностью. Она определяет основные стратегические направления и принципы деятельности государственных и общественных институтов в сфере исполнения уголовных наказаний, разрабатывает средства, формы и методы этой деятельности. Уголовно-исполнительная политика направлена на достижение ряда основных целей, таких как обеспечение безопасности общества, исправления осужденных, предупреждение повторения преступлений и обеспечение устойчивости правопорядка.

Мы полагаем, что термин «пенитенциарная политика» считается наиболее соответствующим для описания политики в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы. Этот термин, происходящий от латинского слова "paenitentia" (покаяние), отражает основную цель пенитенциарной системы – побуждение осужденных изменить свое поведение, исправиться и быть реабилитированными в обществе.

Пенитенциарная политика выступает как важный фактор в системе исполнения наказания в виде лишения свободы, так и в общем стратегическом плане государства по профилактике преступности. Она направлена на

совершенствование пенитенциарной системы, повышение эффективности исправления осужденных, а также обеспечение безопасности общества.

Пенитенциарная политика в части реализации цели исправления включает в себя разработку и реализацию разнообразных программ исправительного воздействия, организацию трудовой деятельности осужденных, обеспечение образовательных и профессиональных программ, а также решение социальных и медицинских вопросов на основе индивидуального подхода к каждому осужденному.

Для эффективной реализации уголовно-исполнительной политики необходимо принимать во внимание различные факторы. Эти факторы включают в себя социально-экономические условия, уровень преступности, образование и здоровье заключенных, а также ресурсы и возможности государства. В современный период на уголовно-исполнительную политику существенное влияние оказывает геополитический фактор, заключающийся с одной стороны в военно-политическом противостоянии, с другой – в изменившихся приоритетах международного сотрудничества.

Основная задача уголовно-исполнительной политики заключается в обеспечении перевоспитания, ресоциализации и реинтеграции лиц, совершивших преступления, в общество. При этом необходимо учитывать как общественные интересы, так и права, и интересы самих заключенных. Е.В. Кобзева указывает на то, что уголовно-исполнительная политика не только должна направляться на наказание преступников, но и на защиту общества от возможного повторного совершения преступления.

Цели, основные направления и стратегия пенитенциарной политики России определяются высшими органами государства и составляют основу уголовно-исполнительной политики.

Стратегия пенитенциарной политики заключается в выработке основных направлений и тактических задач, направленных на решение целей уголовно-исполнительной политики.

Основная цель современной пенитенциарной политики России заключается в постоянном совершенствовании уголовно-исполнительного законодательства и системы исполнения лишения свободы. Сущность данной политики зависит от общего направления внешней и внутренней политики государства, а также от комплекса социально-экономических и других факторов.

Цели уголовно-исполнительной политики заключаются в должном исполнении назначенного осужденному наказания (кары), в реализации эффективного исправления и ресоциализации осужденных, а также недопущении совершения преступлений.

Основными направлениями современной уголовно-исполнительной политики являются: развитие и внедрение инновационных подходов в сфере исполнения наказаний; дальнейшая гуманизация условий содержания осужденных в местах лишения свободы; обеспечение законности с приоритетом на права осужденных, демократизация уголовно-исполнительной системы;

совершенствование исправительного процесса; обеспечение прав, свобод и законных интересов лиц, отбывающих уголовные наказания, обеспечение безопасности достойных условий содержания осужденных в исправительных учреждениях; реализация мер по предотвращению преступлений со стороны осужденных.

Гуманизация условий содержания осужденных заключается в смягчении режимных требований, расширении перечня благ, предоставляемых осужденным. Обеспечение законности предполагает совершенствование общественного и ведомственного контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений. Демократизация пенитенциарной системы направлена на обеспечение гласности в деятельности исправительных учреждений и подконтрольности институтам гражданского общества.

Важным направлением уголовно-исполнительной политики является также развитие и внедрение инновационных подходов в сфере исполнения наказаний. Это включает в себя использование новых технологий, методов обучения и работы с осужденными, а также разработку и внедрение новых программ и практик, способствующих их исправлению.

Одной из основных задач уголовно-исполнительной политики России является содействие социальной адаптации осужденных после освобождения и их успешной реинтеграции в общество. Для достижения этой цели необходимо создание условий, способствующих приобретению профессиональных навыков осужденными во время отбывания наказания, а также оказание поддержки и социальной помощи в период их постпенитенциарной жизни.

Задачей уголовно-исполнительной политики России также является соблюдение прав и свобод осужденных. Это включает в себя гарантию содержания условий отбывания наказания в местах лишения свободы и принудительных работ, соответствующих минимальным стандартам, предоставление медицинской помощи, обеспечение права на труд и образование, а также защиту от насилия и произвола.

Условиями эффективной уголовно-исполнительной политики является профессионализм персонала учреждений и органов, занимающихся исполнением наказания, взаимодействие государственных и общественных организаций, активное участие других субъектов и участников уголовно-исполнительных правоотношений, развитие международного сотрудничества в сфере исполнения наказаний.

Повышение квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы также является ключевым моментом в развитии уголовно-исполнительной политики. Сотрудники исполнительной системы играют важную роль в реализации задач наказания и реабилитации осужденных. Они должны обладать не только профессиональными навыками, но и этическими принципами, чтобы гарантировать справедливое и человеческое обращение с осужденными. Поэтому необходимо совершенствовать системы обучения и

переподготовки сотрудников, включающие изучение новых методик исполнения наказаний, исправительного воздействия и взаимодействия с осужденными.

В целом, разработка и реализация эффективной уголовно-исполнительной политики – это сложный и многогранный процесс, требующий глубокого анализа, постоянного совершенствования и согласованной работы различных структур и органов исполнительной власти. Однако, только через единый и согласованный подход можно достичь успеха в исправлении осужденных, их исправления и обеспечении безопасности общества.

Взаимодействие с органами юстиции, общественными организациями, специалистами и другими заинтересованными сторонами позволяет создать совместные усилия для улучшения условий и системы исполнения наказания. Это включает разработку и реализацию программ исправления и реинтеграции осужденных, проведение научных исследований и анализа эффективности принятых мер, а также диалог и обмен опытом между участниками правоотношений.

Важным аспектом уголовно-исполнительной политики России является поддержка и развитие международного сотрудничества в сфере исполнения наказаний. Это включает в себя обмен опытом и передачу знаний, стандартизацию методов и подходов, а также взаимную помощь в сфере исполнения уголовных наказаний. В изменившихся геополитических условиях актуальным является международное пенитенциарное сотрудничество со странами СНГ, ЕврАзЭС и БРИКС.

Модернизация системы исполнения наказаний также является неотъемлемой частью развития уголовно-исполнительной политики. Развитие современных технологий позволяет создать эффективные инструменты для управления и контроля за осужденными, что способствует более эффективному и безопасному исполнению наказания. Внедрение электронного контроля, мониторинга и следования позволяет управлять передвижением осужденных, сокращает вероятность их побега и улучшает контроль за соблюдением режима. Кроме того, важно совершенствовать программы социальной реабилитации и адаптации осужденных, чтобы предотвращать рецидив преступлений и обеспечивать их успешное возвращение в общество после отбытия наказания.

Уголовно-исполнительная политика России опирается на результаты научных исследований и передовой практики в области уголовного исполнения, учитывая взаимодействие с международным сообществом. Постоянное совершенствование данной политики позволяет России внедрять новые подходы и методы работы с осужденными, в том числе в сфере превенции преступности.

Современная уголовно-исполнительная политика России является неотъемлемой частью общей политики государства, объединяющей в себе различные исторические и самостоятельные компоненты. Она основана на учете и адаптации к изменениям в обществе, а также на стремлении к обеспечению законности, безопасности и социальной реабилитации осужденных. Реализация уголовно-исполнительной политики требует постоянного развития и

совершенствования, а также активного взаимодействия с различными участниками этого процесса.

Список литературы

1. Громов, В.Г. Уголовно-исполнительная политика России: история и современность : учебное пособие / В.Г. Громов. – Саратов : Саратовский юридический ин-т МВД России, – 2006. – 83 с.
2. Дикаев, С.У. Некоторые вопросы современной наказательной политики России / С.У. Дикаев // Вестник института: преступление, наказание, исправление (Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН). – 2008. – № 3. – С. 29-33.
3. Зубкова, В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. Монография. – М.: НОРМА, – 2002. – 296 с.
4. Перминов, О.Г. Современные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики / О.Г. Перминов // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2003. – № 2. – С. 246-262.
5. Селиверстов, В.И. Некоторые направления уголовно-исполнительной политики России на современном этапе / В.И. Селиверстов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2009. – № 5. – С. 16-20.
6. Стручков, Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части / Н.А. Стручков. – М.: Юрид. лит, 1984. – 240 с.
7. Уголовно-исполнительное право: Учебник. М.: Новый Юрист, 1998. – 368 с.

УДК 342.4

НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Штокалова А.А., старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: shtokalova.anastasia@mail.ru)

Цопа О.А., старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: veryhappyolga@gmail.com)

Актуальность данной статьи вытекает из того факта, что Конституция, признающая общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры России составной частью ее правовой системы, не устанавливает юридическую силу норм и принципов, которые не содержатся в таких договорах, что требует уточнения. Приоритет международных договоров России относительно национальных законов вызывает вопросы о его соответствии государственному суверенитету. В этой связи важно рассмотреть возможность невыполнения Россией международных обязательств, если в интерпретации Конституционного Суда они окажутся несовместимыми с Конституцией.

В процессе проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Нормы и принципы международного права, касающиеся прав человека, но не отраженные в международных договорах России, исходя из ч. 1 ст. 17 Конституции, должны обладать такой же юридической силой, как и международные договоры. Поскольку Конституция занимает высшую юридическую позицию, не вступившие в силу международные договоры подвергаются проверке на соответствие ей. Таким образом, приоритет международных договоров над национальным законодательством России, основанный на добровольности подписания договора и его непротиворечивости Конституции, не ущемляет государственный суверенитет, но, напротив, предоставляет дополнительные гарантии прав и свобод граждан. Также было установлено, что возможность неисполнения решений межгосударственных органов, основанных на международных договорах (которые также составляют часть правовой системы России), недопустима, поскольку это противоречит ч. 4 ст. 15 и ст. 79 Конституции.

Ключевые слова: Конституция, нормы международного права, международный договор, Конституционный Суд, правовая система, государственный суверенитет.

NORMS OF INTERNATIONAL LAW IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Shtokalova A.A., Tsopa O.A.

The relevance of this article follows from the fact that the Constitution, recognizing the generally recognized principles and norms of international law, as well as international treaties of Russia as an integral part of its legal system, does not establish the legal force of norms and principles that are not contained in such treaties, which requires clarification. The priority of international treaties of Russia over national laws raises questions about its compliance with state sovereignty. In this regard, it is important to consider the possibility of Russia's failure to fulfill international obligations if, in the interpretation of the Constitutional Court, they prove to be incompatible with the Constitution.

The following conclusions were made in the course of the study. The norms and principles of international law concerning human rights, but not reflected in international treaties of Russia, based on Part 1 of Article 17 of the Constitution, must have the same legal force as international treaties. Since the Constitution occupies the highest legal position, international treaties that have not entered into force are subject to verification for compliance with it. Thus, the priority of international treaties over the national legislation of Russia, based on the voluntary signing of the treaty and its consistency with the Constitution, does not infringe on state sovereignty, but, on the contrary, provides additional guarantees of the rights and freedoms of citizens. It was also established that the possibility of non-implementation of decisions of interstate bodies based on international treaties (which also form part of the legal system of Russia) is unacceptable, since this contradicts Part 4 of Article 15 and Article 79 of the Constitution.

Keywords: *The Constitution, norms of international law, international treaty, Constitutional Court, legal system, state sovereignty.*

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России включены в ее правовую систему, при этом международные договоры, подписанные Российской Федерацией, имеют более высокую юридическую силу, чем национальные законы. Из этого следует, что ни один закон в России не должен противоречить не только Конституции, но и международным договорам Российской Федерации [1].

В то же время ч. 2 ст. 4 Конституции закрепляет, что Конституция и федеральные законы имеют верховенство на всей территории России (без упоминания международных договоров), что направлено на обеспечение суверенитета государства. В этой связи возникает вопрос о том, как соотносится

приоритет норм международного права перед национальным законодательством с независимостью и самостоятельностью Российского государства во внутренних делах, реализуемых посредством принятия собственных законов.

Также, если ч. 4 ст. 15 Конституции определяет, что международные договоры России имеют более высокую юридическую силу, чем законы, то остается неопределенность относительно юридической силы общепризнанных принципов и норм международного права, не содержащихся в международных договорах России, но при этом, в силу ч. 4 ст. 15 Конституции, являющихся частью ее правовой системы.

В соответствии с ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации Конституция имеет высшую юридическую силу [1]. Данная норма является императивной и не предполагает каких-либо дополнений или исключений. Однозначное указание на Конституцию как на единственный нормативный акт, имеющий высшую юридическую силу, означает, что ни одна правовая норма, в том числе и международная не должна противоречить Конституции.

Из этого фундаментального положения вытекает закрепленное ст. 79 Конституции ограничение на участие России в межгосударственных объединениях, согласно которому Российская Федерация может передавать межгосударственным объединениям часть своих полномочий согласно международным договорам, но только если это не противоречит основам конституционного строя и не устанавливает ограничения прав и свобод граждан [2, С. 48]. То есть, подписанные Российской Федерацией международные договоры не должны противоречить нормам Конституции.

Также в соответствии с пунктом «г» ч. 2 ст. 125 Конституции Конституционный Суд проверяет конституционность не вступивших в силу международных договоров. Здесь важно отметить, что договоры проверяются на соответствие Конституции, а не наоборот. К тому же, согласно ч. 6 ст. 125 Конституции, международные договоры, признанные не соответствующими Конституции, не вводятся в действие и не применяются. Таким образом, согласимся с Л.П. Ануфриевой в том, что Конституция имеет более высокую юридическую силу, а заключение международных договоров ставится в зависимость от того, насколько они согласуются с нормами Конституции [3, С. 41].

Часть 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, относя общепризнанные принципы и нормы международного права, и международные договоры к правовой системе России, указывает на приоритет перед российским законодательством только международных договоров. Это делает неясным место общепризнанных норм и принципов, не закрепленных в подписанном России договоре в иерархии правовых предписаний. То есть, являясь составной частью российской правовой системы, нормы и принципы обладают общеобязательностью, но в случае правовой коллизии возникает неопределенность относительно того, какую именно норму (международную или внутригосударственную) следует применять [4, С. 321].

Отметим, что согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5, к общепризнанным принципам международного права относятся принцип уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств, а к нормам относятся правила поведения, признаваемые международным сообществом как юридически обязательные [4]. При этом, разъясняя судам, в каких случаях подлежат применению международные договоры России, вступающие в противоречие с национальным законодательством, Пленум Верховного Суда обходит вниманием вопрос применения международных норм и принципов, не содержащихся в таких договорах, но при этом, в силу ч. 4 ст. 15 Конституции, являющихся составной частью правовой системы России.

Полагаем, что для преодоления коллизии права важна конкретизация содержания принципа или нормы. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции в России признаются права человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией. Очевидно, что международная норма или принцип, закрепляющие статус человека, не обязательно должны содержаться в международном договоре России, главное, что они общепризнанны и закрепляют права человека, что делает их выше национального законодательства [5, С. 195]. В противном случае ст. 17 содержала бы формулировку «согласно действующему законодательству и в соответствии с Конституцией».

Таким образом, место принципов и норм международного права в правовой системе России зависит либо от сферы их применения, либо от того, включены они в договоры, подписанные Россией, или содержатся в иных международных договорах.

Закрепленное Конституцией Российской Федерации положение о приоритете международных договоров России перед текущим законодательством подробнее раскрывается Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации», ч. 3 ст. 5 которого предусматривает, что опубликованные договоры, не требующие принятия внутригосударственных актов для их реализации, действуют непосредственно [6]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации своим Постановлением от 31 октября 1995 г. № 8 (в редакции от 2015 г.), указывая на верховенство международных договоров, так же, как и в Постановлении от 10 октября 2003 г., обходит вниманием принципы и нормы, заключенные в актах, к которым российское государство не присоединилось [7].

Несмотря на существующую правовую неопределенность юридической силы норм и принципов международного права, не содержащихся в международных договорах России, неоспоримо верховенство самих международных договоров, подписанных Россией, вытекающее из ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Норма ч. 4 ст. 15 Конституции имеет такой же императивный характер, как и норма ч. 1 этой статьи, и не допускает ни расширительного, ни ограничительного толкования. То есть приоритет

международных договоров над национальным законодательством (кроме, как было указано выше, Конституции) является абсолютным и не может быть ограничен ни требованиями целесообразности, ни основами публичного правопорядка (имеющими расплывчатый характер), ни актами толкования органов государственной власти, в том числе и Конституционного Суда [8].

Отсутствие в ч. 2 ст. 4 Конституции упоминания международных договоров также не должно становиться основанием для непризнания приоритета международных договоров перед национальным законодательством. Часть 2 ст. 4 и ст. 15 Конституции находятся в нормативном единстве и не могут рассматриваться как взаимоисключающие. Статья 15 более подробно раскрывает положения статьи 4, дополняя источники права нормами и принципами международного права, и международными договорами России, а также определяя юридическую силу основных актов. Обе статьи находятся в главе «Основы конституционного строя», имеют одинаковую юридическую силу и должны учитываться в правоприменении в равной степени.

Можно отметить, что ст. 4 Конституции закрепляет верховенство Конституции и федеральных законов, не упоминая их юридическую силу. Как указывает В. Е. Чиркин в проведенном им сравнительно-лингвистическом анализе термина «верховенство права», этот термин означает, прежде всего, безусловное подчинение всех праву [9, С. 7]. Однако соблюдению и исполнению подлежат не только федеральные законы, но и законы субъектов Российской Федерации и подзаконные акты, которые также не указаны в ст. 4 Конституции. Отсутствие иных нормативных правовых актов в тексте ст. 4 Конституции вовсе не означает, что они не могут существовать.

Таким образом, понятие «верховенство права» не тождественно понятию «юридическая сила», в противном случае Конституция и федеральные законы имели бы одинаковую юридическую силу, но это не так. Часть 1 ст. 15 Конституции однозначно закрепляет высшую юридическую силу за Конституцией. Следовательно, нельзя противопоставлять нормы ч. 2 ст. 4 и ч. 4 ст. 15 Конституции, так как они, находясь в системном единстве, все же имеют разное содержание.

Безусловный приоритет международных договоров перед национальным законодательством имеет огромное значение, так как он выступает существенной гарантией защиты прав и свобод граждан от произвола законодателя. Если федеральным законом умаляются или неоправданно ограничиваются права человека, то такой закон вступит в противоречие с международными договорами, гарантирующими незыблемость прав и свобод. В этом случае применению будет подлежать международный договор, что защитит права граждан от неконституционного посягательства. Так как Российская Федерация заключает международный договор добровольно, с соблюдением ограничений, установленных ст. 79 Конституции, приоритет таких договоров перед национальным законодательством не может рассматриваться как ущемление государственного суверенитета России. Напротив, подписание

договоров способствует интеграции Российской Федерации в мировое сообщество, обеспечивает усиление гарантий прав и свобод граждан, вынуждая органы государственной власти придерживаться мировых стандартов прав человека. Ведь независимость государства во внутренних делах не тождественна вседозволенности по отношению к своим гражданам.

Для того чтобы международные нормы эффективно защищали права граждан необходимо исключение любой возможности обхода органами государственной власти этих норм. В этой связи не должно быть никаких отступлений от правила об обязательности исполнения международных договоров. Однако принятая в 2020 г. поправка к Конституции, дающая возможность государственной власти посредством Конституционного Суда не исполнять решения, вынесенные на основе международных договоров России (если Конституционный Суд посчитает их противоречащими Конституции), а также не исполнять решения судов, которые, по мнению Конституционного Суда, не совместимы с основами публичного правопорядка России, расшатывает систему гарантий прав человека и искажает смысл ч. 4 ст. 15 Конституции.

При этом предпосылки такой конституционной поправки были заложены еще в 2015 г. Так, Федеральным конституционным законом «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд был наделен полномочием по разрешению вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов по защите прав человека. Реализуя данное полномочие для того, чтобы определиться с возможностью исполнения решения межгосударственного органа, Конституционный Суд должен дать ему оценку, что возможно только в случае рассмотрения фактических обстоятельств дела. Однако это вступает в противоречие со ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которой Конституционный Суд решает исключительно вопросы права и воздерживается от исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию иных органов [10].

Помимо возникшей противоречивости Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», где с одной стороны Суд может давать оценку решению международного суда, а с другой – не вправе исследовать фактические обстоятельства, усматривается и нарушение ч. 4 ст. 15 Конституции, так как избирательное исполнение Российской Федерацией взятых на себя международных обязательств низводит значение и обязательность самих международных договоров. Ведь если Россия присоединилась к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, то она добровольно взяла на себя обязательство исполнять решения Европейского Суда по правам человека [11, С. 20]. Единственная возможность произвольно отказаться от исполнения его решений – это денонсация Конвенции.

Следует добавить, что п. 10 и п. 11 приведенного нами ранее Постановления Пленума Верховного Суда от 10 октября 2003 г. № 5 закрепляют,

что Россия признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней, а постановления Европейского Суда по правам человека являются обязательными для всех органов государственной власти России, в том числе и для судов. Такая позиция Верховного Суда не является его вольным правотворчеством, а основывается на ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров, которая обязательна для России, как правопреемнице СССР, присоединившемуся к ней в 1986 г. [12]. Отметим, что по состоянию на 2020 г. Верховный Суд не изменил своей позиции по данному вопросу.

Несмотря на это, в июле 2015 г. Конституционный Суд своим Постановлением подтвердил право Российской Федерации не исполнять решения межгосударственных органов, если Конституционный Суд посчитает их не соответствующими Конституции. При этом Конституционный Суд признал, что поскольку Конвенция о защите прав человека и основных свобод является составной частью правовой системы России, постольку государство несет обязанность исполнять принятые на ее основе постановления Европейского Суда по правам человека и признавать эти постановления составной частью российской правовой системы. Однако, если данные постановления, по мнению Конституционного Суда, могут нарушать конституционные предписания, то Россия может в порядке исключения отступить от исполнения взятых на себя обязательств [13].

Некоторые авторы обращают внимание на необходимость учета разных обстоятельств при исполнении как международных договоров, так и вытекающих из них судебных решений [14, С. 155]. Вместе с тем не следует недооценивать опасность, исходящую от возможности государства не исполнять решения межгосударственного органа по защите прав человека, так как именно этот межгосударственный орган является механизмом обеспечения норм международного договора. Признание текста договора с одновременным непризнанием вынесенного на его основе постановления органа, охраняющего нормы договора, неизбежно приведет к фиктивности и формализованности самого договора. Кроме того, обязанность исполнять решения межгосударственного органа вытекает из договора, и неисполнение решения соответствующего органа автоматически означает неисполнение международного договора в этой части.

Таким образом, на основе рассматриваемой конституционной поправки, Конституционный Суд становится органом, который фактически противопоставляет себя международному суду, легитимность которого признается Россией и который разрешает спор на основе договора, не противоречащего Конституции Российской Федерации (в противном случае, Россия не присоединилась бы к нему). Ограничение возможностей международной юстиции правом вето Конституционного Суда существенно

ослабляет международно-правовую защищенность прав и свобод граждан России.

Важно отметить и такой аспект. В соответствии с ч. 1 ст. 55 Конституции никто не может отрицать или умалять права человека, не перечисленные Конституцией. Это означает, что Конституция предполагает возможность расширения каталога прав человека. Ограничение на подписание международных договоров, закрепленное ст. 79 Конституции, связано не с иным по сравнению с Конституцией регулированием прав и свобод, а только с их ограничением, что также свидетельствует о предполагаемом Конституцией расширении прав человека за счет норм международного права [15, С. 100]. В этой связи решения межгосударственных органов, вынесенные на основе договоров в области прав человека (имеющие неизменную тенденцию к расширению прав и свобод), не могут рассматриваться как противоречащие Конституции России, даже если российское государство испытывает затруднение или нежелание исполнения этого решения.

В заключение важно отметить, что, согласно пункту «г» ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации, в отношении международных договоров Конституционный Суд вправе осуществлять исключительно предварительный конституционный контроль, то есть проверке на соответствие Конституции подлежат только не вступившие в силу международные договоры [16, С. 66]. Соответственно, исходя из того, что Конституция по юридической силе стоит выше, чем международный договор, последний перед его ратификацией может быть проверен на соответствие Конституции и в случае обнаружения противоречий, согласно ч. 6 ст. 125 Конституции, не вводиться в действие. Однако, если он введен в действие, то становится общеобязательным, что не должно предполагать его избирательное исполнение. Вводимая же поправка к Конституции фактически ставит исполнение международного договора в зависимость не от конкретной правовой нормы, а от его истолкования одним из органов государственной власти России, осуществляемого постфактум. Следует подчеркнуть, что Конституционный Суд не наделен полномочием по проверке конституционности вступивших в силу международных договоров.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) / Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Киселева, О.А. К вопросу о юридической силе и месте норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации / О.А. Киселева // Вестник Омского Университета. Серия «Право». – 2018. – № 2. – С. 46-48.

3. Ануфриева, Л.П. Еще раз о соотношении Конституции Российской Федерации и норм международного права / Л. П. Ануфриева // Российское правосудие. – 2017. – № 1. – С. 38-47.
4. Корконосова, Т.А. Международный договор и правовая система РФ / Т.А. Корконосова, Т.А. Долгополова // Неделя науки СПбПУ: сб. тр. науч. конф. с международным участием (Санкт-Петербург, 13-19 ноября 2017 г.). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический ун-т Петра Великого, 2018. – С. 321-322.
5. Дадашева, Р.А. Влияние норм международного права на содержание и развитие российского законодательства в сфере деятельности по защите прав человека и гражданина / Р.А. Дадашева // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1. – С. 193-202.
6. О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // Правовой Сервер КонсультантПлюс, www.consultant.ru. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ – (дата обращения: 05.09.2024).
7. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 (в ред. от 3 марта 2015 г.) // Там же. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/ – (дата обращения: 25.04.2024).
8. Карпушкин, А.В. Нормы международного права в правовой системе России и пределы их исполнения // Наука. Общество. Государство. 2020. – № 3 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normy-mezhdunarodnogo-prava-v-pravovoy-sisteme-rossii-i-predely-ih-ispolneniya> – (дата обращения: 05.09.2024).
9. Чиркин, В.Е. Верховенство права: современные варианты терминологии / В.Е. Чиркин // Журнал российского права. – 2015. – № 12. – С. 5-10.
10. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ (в ред. от 29 июля 2018 г.) // Там же. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ – (дата обращения: 15.09.2024).
11. Хлестов, О.Н. Российская доктрина международного права / О.Н.Хлестов // Московский журнал международного права. – 2018. – № 3. – С. 19-22.
12. О присоединении СССР к Венской конвенции о праве международных договоров: Указ Президиума ВС СССР от 4 апреля 1986 г. № 4407-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986, 16 апр.
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. №21-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 6.

14. Ильинская, О.И. Влияние коренного изменения обстоятельств на действие международных договоров / О.И. Ильинская // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 5. – С. 155-166.
15. Лазутин, Л.А. К проблеме несогласованности внутригосударственных и международно-правовых норм: на примере правовой помощи по уголовным делам / Л.А. Лазутин // Современное право. – 2018. – № 2. – С. 99-103.
16. Галузо, В.Н. Конституционное судопроизводство в Российской Федерации: допустима ли «импровизация»? / В.Н. Галузо, Н.А. Канафин // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 5. – С. 66-69.

УДК 340.156; 347.965

ПОЛУТОРАВЕКОВОЙ ПУТЬ НЕМЕЦКОЙ АДВОКАТУРЫ

Шульга В.В., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры служебной психологии, социально-гуманитарных и специальных дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: shulga55@rambler.ru)

Степанюк М.С., студент, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: stepaniukm1612@yandex.ru)

В статье проводится сравнительный анализ становления и развития адвокатуры Германии на различных этапах ее государственности. Особое внимание уделено сравнению особенностей института адвокатуры Третьего Рейха и современной Федеративной Республики Германии. Анализируются основные правовые доктрины и законы, регулирующие адвокатскую практику в этих периодах истории немецкого государства.

Ключевые слова: юриспруденция, институт адвокатуры, правовые доктрины.

THE CENTURY-AND-A-HALF LONG PATH OF THE GERMAN BAR

Shulga, V.V., Stepaniuk, M.S.

The piece provides a comparative analysis of the formation and development of the German Bar at various levels of its statehood. Particular attention is paid to various institutions of lawyers in the Third Reich and the modern Federal Republic of Germany. The main legal doctrines and laws regulating the practice of law, applied in these periods of the history of the German state, are analyzed.

Keywords: jurisprudence, institution of Advocacy, legal doctrines.

Актуальность темы исследования. Адвокатура как социальный институт является важнейшей и неотъемлемой частью современных цивилизованных государств, которые рассматривают профессию адвоката как необходимую и безальтернативную составляющую своей правовой системы. Эволюция западноевропейской адвокатуры прошла через определённые этапы своего становления, на которые повлияли исторические, культурные, политические и социальные факторы, определившие национальную специфику адвокатской деятельности. В связи с чем, для понимания природы адвокатуры, её роли в защите прав и свобод гражданина представляется актуальным и целесообразным

обратиться к истории становления и развития этого социального института. Недавний полутораветковой юбилей адвокатуры Германии является уместным поводом обратиться к истории развития адвокатской деятельности в этой стране.

Анализ научных исследований. Тематике становления и функционирования правовой системы Германии в годы Третьего Рейха посвящено немало работ ученых, как юристов, так и правоведов, историков и представителей других отраслей науки. Среди них следует отметить диссертации С.А. Деханова «Адвокатура в Западной Европе: опыт и современное состояние», А.Н. Марченко «Эволюция государственного строя Германии в период нацистского господства 1933-1939 гг.», В.О. Шлотгауэра «Организационно-правовая база деятельности карательных органов нацистской Германии», И.Н. Чорного «Адвокатура как институт защиты прав и свобод личности: историко-правовое исследование» и др.

Теоретическую базу при написании статьи составили работы С.И. Денисова, Р.В. Антропова, М.А. Гордейко, М. Суннуса, А. Кёнигседер, Х. Коха, У. Ширера, И. Мюллера, а также законодательство Третьего Рейха и современные законы Федеративной Республики Германии.

Цель статьи – проведение сравнительного анализа основных положений юридической профессии в Германии на современном этапе и в годы нацистской диктатуры, что даст возможность не только проследить эволюцию юриспруденции этой страны, но и выявить то влияние, которое оказывают политические режимы на открытость и гуманизм юридической деятельности.

Изложение основного материала. Юриспруденция имеет долгий путь развития, который по-разному проходил в каждой стране. Немецкая юриспруденция за свою историю прошла немало испытаний, среди которых одним из самых тяжёлых оказался период нацистской диктатуры.

Датой рождения германской адвокатуры в том виде, в котором она существует в настоящее время, принято считать 25 августа 1871 г., когда был учрежден Германский адвокатский союз. В этой связи интересно отметить, что российская и германская адвокатуры являются практически ровесницами: германская старше российской на 6 лет. Кроме того, на становление и развитие обеих адвокатур существенно повлияли известные драматичные исторические и политические события. Российская адвокатура также прошла свой тернистый путь, переживала падения и взлеты, и возродилась лишь в 2002 г., после принятия Закона об адвокатуре РФ, когда было оформлено современное организационное устройство российского адвокатского сообщества с определёнными формами адвокатских образований, и самое важное – закреплено правовое положение отечественного адвоката на принципах профессиональной независимости и сохранения адвокатской тайны.

Начало истории немецкой адвокатуры лежит в средних веках. В то время адвокаты Германии представляли собой государственных служащих, которые в силу своего статуса контролировались высшей властью, что представляется

явным когнитивным диссонансом, поскольку контроль со стороны верховной власти и сама суть адвокатской деятельности противоречат друг другу [3].

Адвокаты того времени являлись низшими судебными чинами, действовавшими в интересах правосудия, и назначались только государством. Институт свободных адвокатов был отменен королем Пруссии Фридрихом Великим в 1780 году, а вместо них были назначены ассистенцраты, полномочия которых сводились к советам правового характера, которые они давали всем сторонам судебного процесса. В 1793 году в Пруссии был принят общий судебный устав, в нем была предусмотрена позиция юстиц-коммисаров, которых стороны могли выбирать сами, а подчинялись они только суду.

От контроля со стороны правительства германские адвокаты были освобождены только в 1879 году, когда был принят Устав адвокатуры. При этом попытки превратить германскую адвокатуру в сословную организацию по аналогии с Францией и Англией не возымели особого успеха, свою дорогу к сегодняшнему правовому статусу адвоката и, в целом, к регулированию адвокатской практики, она прошла самостоятельно.

В юбилейном 2021 году в Германии завершилась обширная федеральная реформа адвокатской деятельности, которая затронула существенные положения профессии и активно обсуждалась юридическим сообществом в процессе ее имплементации. Понимание исторической ретроспективы становления и функционирования немецкой адвокатуры от юстиц-коммисаров до современных подходов к правовому положению адвоката в обществе важно не только в контексте ведения адвокатской практики в Германии, но и в целях совершенствования, регулирования и возможностей развития института адвокатуры в других странах.

В 1928 году нацистская партия, в противовес существующему Германскому адвокатскому союзу, учредила дочернюю организацию юристов, первоначально известную как Национал-социалистическая лига немецких юристов (далее – НСЛНЮ, впоследствии переименована в НСАНЮ), которую возглавил Ганс Франк. К 1931 году членами НСАНЮ были около шестисот человек, что составляло менее одного процента всех немецких юристов. Однако к маю 1933 года, по мере того как фашистская идеология крепла и набирала силу в немецком обществе, все традиционные ассоциации юристов были распущены и включены в НСАНЮ. Юристы поспешили присоединиться к новой организации, которая к 1934 году насчитывала 80 000 членов и считалась крупнейшей организацией юристов в мире.

По инициативе Г. Франка в 1933 году создается Академия немецкого права, в компетенции которой входили:

- разработка реформ в области немецкого права и экономики;
- составление, инициирование и подготовка законопроектов;
- совершенствование юридического и политологического образования;
- финансирование и помощь в исследовательской работе в области права и политической экономики;

– организация конференций, развитие международных отношений с аналогичными заведениями [14, С. 427].

В 1934 году издан «Закон о передаче юстиции в компетенцию Рейха», который предусмотрел передачу прав всех суверенных земель Германии нацистам, что привело к унификации юстиции.

Юридическая профессия, как и вся система германского правосудия, начинает с тех пор претерпевать множество изменений. Базовые принципы права – равенства, гуманизма, законности – в нацистской Германии фактически были вычеркнуты из немецкой юриспруденции тех времён, о чем красноречиво свидетельствуют слова главы НСАНЮ и, одновременно, рейхсляйтера Ганса Франка, произнесенные им на съезде НСАНЮ (16-19 мая 1936 года): «Фундамент всех основных законов – это национал-социалистическая идеология и её истолкование в партийной программе и речах фюрера. При национал-социализме не существует независимости закона. Вынося любое решение, спросите самих себя: «А как бы фюрер поступил на моем месте? Согласуется ли это решение с национал-социалистской совестью германского народа?»» [7].

Правовой статус юриста тех лет имела множество «подводных камней», которые были обусловлены действовавшим законодательством. Так, гражданин Третьего Рейха, который хотел начать карьеру в сфере юриспруденции, был обязан соответствовать требованиям, описанным в «Законе о приёме на юридическую профессию» и «Законе о восстановлении профессиональной государственной службы». Согласно этим законам, кандидат должен иметь арийское происхождение [8], а также не являться лицом, «участвовавшим в коммунистической деятельности [9]».

Подобные законы, как и многие другие, принимались не для улучшения качества юридических услуг, а для «отстранения от службы евреев и политически неугодных чиновников, судей и прокуроров» [10, С. 79]. К примеру, в апреле 1933 года был уволен социал-демократ Герман Гроссман с поста судьи Верховного суда [15, С. 37], а количество юристов в Пруссии за 2 года сократилось с 18038 до 5424 человек [11, С. 43].

До принятия жестких расовых законов выступать в качестве адвокатов на судебных заседаниях было разрешено лишь 35 евреям. С 1935 года среди юристов не было ни одного представителя еврейской нации, поскольку в Законе «О защите немецкой крови» было сказано, что «еврей не может быть гражданином Рейха <...> он не может занимать государственные должности».

В апреле 1942 года Гитлер заявил о своем праве вмешиваться, чтобы исправлять судебные решения и отстранять судей, которые «не понимали требований времени»: «Более того, я ожидаю, что немецкие юристы поймут, что нация здесь не для них, а что они здесь для нации, то есть мир, который включает Германию, не должен падать, чтобы формальный закон мог жить, но Германия должна жить независимо от противоречий формального правосудия». Такие жесткие установки полностью изменяли и переворачивали закон и букву правосудия в целом, и адвокатскую практику в частности. Тем не менее, Рейхстаг

одобрил право Гитлера вмешиваться в судебный процесс, и объявил его верховным повелителем закона, а также верховным политическим и военным лидером.

Судьи молчали и оставались безразличными, пока их коллеги увольнялись. Для немецких адвокатов того периода обычным делом было осуждать своих клиентов в суде и требовать их наказания. Тех, кто представлял своих подсудимых с энтузиазмом или убежденностью в их невиновности, временами лишали права заниматься адвокатской практикой из-за деятельности «коммунистического толка». Любой акт, который воспринимался как демонстрация отсутствия лояльности по отношению к Гитлеру, считался нарушением клятвы адвоката и считался основанием для лишения его статуса адвоката.

Эти метаморфозы немецкого правосудия и юридического сословия, травля и издевательство над людьми определенной национальности ярко свидетельствуют о глубоких деструктивных изменениях, проникших во все слои немецкого общества.

Красноречивым художественным документом атмосферы и нравов, бытовавших в немецком обществе во время фашистской диктатуры, может служить роман Г. Фаллады «Каждый умирает в одиночку», изданный в 1947 году, и написанный автором по свежим следам и впечатлениям о буднях жизни простых немцев в Третьем Рейхе. Писатель – один из немногих представителей творческой интеллигенции Германии, который не эмигрировал, а прошел весь путь испытаний вместе со своим народом. Его свидетельства очевидца о тотальной слежке, доносах, взаимного предательства, страха за свою жизнь которые пронизывали все немецкое общество той поры, дают некоторое объяснение того факта, что юридическое сообщество, несмотря на владение основами международного и национального права, не смогло ничего противопоставить фашистскому террору. Именно поэтому судьбы юристов, расследование дел и судебные разбирательства во времена Третьего Рейха демонстрировали не власть закона, а власть национал-социалистической партии.

Деятельность юристов в те времена регулировалась определёнными сводами правил, которые большей частью имитировали кодексы о стандартах профессионального поведения: адвокаты нацистской Германии пользовались Имперским кодексом адвокатов, а нотариусы – Имперскими нотариальными правилами. В Имперском кодексе адвокатов описывались правила поведения при осуществлении профессиональной деятельности, устанавливался максимальный возраст адвоката, но самое главное – включались отдельные статьи, в которых подразумевалось то, что интересы клиента должны были учитываться только постольку, поскольку они не противоречили верности Адольфу Гитлеру. Также существовала практика получения адвокатами и судьями рекомендательных писем с инструкциями относительно надлежащего отношения и поведения [13].

Помимо этого, существовали и закрепленные законом ограничения для женщин. НСДАП поспособствовала исключению женщин из политической, государственной и академической жизни Германии: женщины не имели права получать высшее образование (за исключением образования, связанного с ведением домашних дел); они отстранялись от всех ответственных должностей, включая должности в юридической сфере. «Kinder. Küche. Kirche» – такой идеал проповедовался и был предписан немецким женщинам той поры.

Все законы, кодексы, а также различные правки к ним происходили через опубликование их в «Рейхском юридическом вестнике». Так, к примеру, в марте 1943 года было извещено об изменениях в Имперском кодексе адвокатов на фоне вышедшего указа Гитлера о предварительном упрощении отправления правосудия [17].

Для того, чтобы стать юристом в гитлеровской Германии, требовалось закончить соответствующее высшее учебное заведение, но при этом само юридическое образование в Третьем Рейхе было нацелено на «выкорчевывание духа либеральной эпохи и создание нового типа юриста, так называемого «правоохранителя»» [16, С. 23]. Образовательная программа подготовки юристов была лишена каких-либо напоминаний о либерально-демократической эпохе и юристах старых школ. На юридических факультетах немецких университетов будущих юристов готовили, используя риторические клише и установки: «Слуга права, который живет в народе и с народом» [16, С. 25].

Студенты, согласно нацистской доктрине образования, изучали: право немецкого государства, семейное право, интеллектуальное право, трудовое право, уголовное право и основы судопроизводства.

Тем юристам, которые получили образование во времена Веймарской Республики или Германской Империи, приходилось вступать в НСАНЮ, где они квалифицировались согласно новым стандартам, построенным на принципах национал-социалистической идеологии. Безусловно, юрист не был обязан становиться участником НСАНЮ и членом немецкой национал-социалистической партии, однако эти организации определяли важные профессиональные задачи юристов по согласованию с Министерством юстиции Рейха, потому внепартийный статус юриста мог иметь негативные последствия для него при попытке стать адвокатом или же судьей [13, С. 45].

В современной Федеративной Республике Германии каких-либо расовых или политических ограничений для работы юристом не существует. Германия 21 века давно ушла от гендерно-расовых предрассудков, как и многие другие страны, что однозначно отображается в ст. 3 Основного закона ФРГ: «Никому не может быть причинен ущерб или оказано предпочтение вследствие его пола, его происхождения, его расы, его языка, его места рождения и родства, его вероисповедания, его религиозных или политических воззрений» [3]. Подтверждением реальной имплементации 3 статьи Основного закона ФРГ служит организация и функционирование Ассоциации немецких женщин-

юристов, и действие на территории Германии Международной ассоциации еврейских юристов и адвокатов.

В современной Германии работа адвокатов регулируется Федеральным законом об адвокатуре (далее – Федеральный закон), первая редакция которого вступила в силу 1 августа 1959 г., и он является основным правовым актом в этой области. В соответствии с Федеральным законом на адвокатов в Германии возлагаются следующие функции:

- дача советов и консультаций по юридическим вопросам;
- представительство интересов клиентов, выступающих в качестве сторон в гражданском процессе (в суде и во внесудебных органах);
- защита обвиняемого или подсудимого по уголовному делу в суде и органах следствия (это также считается формой представительства клиента, но уже в рамках уголовного процесса). В рамках уголовного процесса адвокат может выступать и в качестве представителя интересов потерпевшей стороны;
- управление имуществом клиента на основании заключенного с ним договора;
- осуществление функций юрисконсультанта по специальному договору, поскольку официально адвокат юрисконсультантом работать не может в соответствии с Федеральным законом, который определяет адвокатуру как «независимый орган правосудия».

Нынешнее регулирование адвокатской деятельности ФРГ базируется на фундаментальном положении германской правовой доктрины – адвокат является независимым органом осуществления правосудия, т.е. современное законодательство Германии определяет адвокатуру как независимый орган правосудия. Правосубъектность адвоката включает не только защиту частных интересов граждан, но и функции обеспечения качества правосудия, соблюдения справедливости и законности. Адвокатура, таким образом, уполномочена осуществлять и выполнять задачи правового государства наравне с судебными учреждениями, прокуратурой, органами полиции и органами принудительного исполнения наказания. Следует отметить, что в правосубъектности заключено основное отличие германского адвоката от его российского коллеги, который оказывает доверителю квалифицированную юридическую помощь как независимый профессиональный советник по правовым вопросам, но не является при этом уполномоченным органом правосудия (п. 1 ст. 2 Закона об адвокатуре РФ).

Еще одним важным актом, регулирующим деятельность адвокатуры Германии, является Федеральный закон «О возмещении адвокату», который направлен на гармонизацию товаро-денежных отношений между адвокатом и его доверителем, и благодаря которому немецкая адвокатура органично встроена в структуру социальной рыночной экономики страны, в законе «О возмещении адвокату» (далее – Закон) закрепляются ставки гонораров и возмещаемые расходы, исходя из реального материального положения населения. Помимо этого, Закон устанавливает право гражданина на помощь адвоката или на

материальную помощь при ведении судебного разбирательства, включая расходы на представителя, за счет государства. Предусмотренные положениями Закона ставки гонораров и возмещаемых расходов ориентированы на реальный уровень жизни населения и применяются, исходя из вида юридической помощи и имущественной оценки дела.

Не менее важными для современного немецкого адвоката представляются Правила адвокатской профессии, которые более подробно раскрывают некоторые положения Федерального закона по работе с доверителем, судебно-административными учреждениями и коллегами.

Законы «О новом регулировании профессиональных прав сообществ адвокатов и налоговых консультантов» и «Об изменении правовых положений профессии юридических консультантов» были приняты Федеральным Парламентом 25 июня 2021 года – за два месяца до 150-летия германской адвокатуры. В целом, масштабная реформа регулирования адвокатской деятельности в Германии, проведенная в преддверии юбилея немецкой адвокатуры, является своевременной, существенной и дополняющей уже действующие правовые нормы и законы. Для судей существует закон «О судьях». Перечисленные законы определяют основы профессиональной деятельности на территории ФРГ, а также некоторые правовые основы юридического образования.

Не менее важную роль в юриспруденции Германии занимает «Федеральный вестник» (далее – «Вестник»), который, издается Министерством юстиции Германии. Главная задача «Вестника» – публикация контрассигнированных законов, что закреплено ч. 1 ст. 82 Основного закона Федеративной Республики Германии.

Что касается юридического образования, то гражданину ФРГ, выбравшему эту профессиональную стезю, следует поступить в любой немецкий вуз, который проводит профессиональную подготовку по данному направлению. Всего в Германии 43 университета, где готовят юристов на бесплатной основе, и лишь один университет – Высшая юридическая школа им. Буцериуса – берёт плату за обучение.

Несмотря на то, что профессия юриста пользуется большой популярностью, в Германии нет конкурса на поступление в юридический вуз. Такая ситуация объясняется тем, что в Германии 60% школьников получают аттестат зрелости, позволяющий в дальнейшем учиться в высших учебных заведениях, и образовательные учреждения Германии в состоянии обеспечить этим 60% учеников высшее образование по той специальности, которую они выбирают. Однако в настоящий момент рынку труда требуется порядка 3-4 тыс. юристов в год, в то время как ежегодно выпускаются около 10 тыс. студентов, обучающихся на 40 факультетах юриспруденции. Неудивительно, что вероятность ситуации, когда многие студенты, сдавшие государственные экзамены, не могут найти себе работу по специальности и вынуждены заниматься чем-то иным, достаточно высока.

К адвокатской деятельности и в настоящее время допускается только тот кандидат, который может быть признан пригодным к исполнению судебных обязанностей. Поэтому и для адвокатов, и для судей законодательством установлены одинаковые требования к уровню образования. Так, параграф 5 закона «О судьях» гласит следующее: «Допуск к судебной деятельности приобретает тот, кто завершил курс изучения юридических наук в университете с первым экзаменом и последовавшую вслед за этим подготовительную службу с государственным экзаменом: первый экзамен состоит из университетской проверки знаний по дисциплинам специализации и государственного испытания по обязательным дисциплинам».

По сути, юридические факультеты в стране готовят унитарного юриста, способного работать в любой области юриспруденции и выполнять разнообразную специализированную юридическую работу, будь то работа судьи, адвоката, нотариуса или государственного служащего.

Срок обучения на юридических факультетах составляет от 6 до 8 лет со сдачей двух государственных экзаменов, которые значительно отличаются от экзаменов, сдаваемых российскими студентами, поскольку само юридическое образование в Германии строится по другому принципу. Высшее юридическое образование в ФРГ формируется как двухступенчатое: студент на протяжении четырех лет изучает исключительно теоретические дисциплины – гражданское, уголовное и публичное право (более специализированные дисциплины, как, например, трудовое право или социальное право, он не изучает), после чего пишет восемь контрольных работ и сдает первый государственный экзамен.

В случае его успешной сдачи студент проходит референдариа́т (своего рода стажировку) – два года практического изучения различных юридических профессий: шесть месяцев в суде, четыре месяца в прокуратуре, четыре месяца в социальной сфере и т.д. После окончания всей стажировки студент пишет восемь контрольных работ и сдает второй государственный экзамен. По результатам его положительной сдачи студент становится полным юристом, получает квалификацию судьи и может занять любую юридическую должность и работать в любой сфере юриспруденции [6]. Таким образом, обучение в высшем учебном заведении – первая ступень в подготовке юриста. В качестве второй выступает референдариа́т – служба по приготовлению к занятию юридической должности [4].

Германия, в соответствии со ст. 20 Основного закона Федеративной Республики Германии, является «демократическим и социальным федеративным государством» [3], потому все сферы жизни Германии, включая образование, лишены какой-либо радикальной политико-идеологической подоплёки. В отличие от унифицированной образовательной системы в Рейхе, федеральные Земли самостоятельно решают, как будут выглядеть учебные планы ВУЗов, функционирующих на их территориях [5]. В основном обучающиеся изучают следующие дисциплины: гражданское право, уголовное право, публичное право,

международное и процессуальное право, а также юридическую методологию, основы философии, историю и социологию.

Выводы.

1. Развитие института адвокатуры в разные периоды времени и в различных государственных системах имеет свои национальные специфические черты, что обусловлено особенностями развития правовых систем и политических норм в различные исторические периоды в разных государствах.

2. Сравнительный анализ состояния юридической практики на территории нынешней Федеративной Республики Германии и предшествующих исторических периодов этого государства позволяет рассмотреть роль и место адвоката в ретроспективе, его взаимосвязь с правовой системой немецкого государства в целом.

3. Результаты исследования констатируют долгий и непростой путь развития немецкой адвокатуры, состоящий из многочисленных этапов и стадий, и подчеркивают необходимость адаптации и развития института адвокатуры в современных условиях.

4. Изучение системы адвокатуры, являющейся частью правовой культуры современного общества, ее функционирования в зарубежных странах помогает прогнозировать развитие этого правового института в нашей стране, лучше понимать его цели, задачи и перспективы.

Список литературы

1. Закон о защите немецкой крови и немецкой чести: (принят Рейхстагом 15 сентября 1935 г.) – URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0007_nue&object=translation&l=ru – (дата обращения: 01.11.2024).
2. Основной закон Федеративной Республики Германии: (принят Парламентским советом 23 мая 1949 г.) – URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru – (дата обращения: 05.11.2024).
3. Липка, Д.В. Зарождение адвокатуры в зарубежных государствах / Д.В. Липка // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3 (207) – С. 250-253.
4. Мареев, Ю.Л. О подготовке юристов в ФРГ / Ю.Л. Мареев // Законность. – 2020. – №10. – С. 44-48.
5. Румянцев, А. Юридическое образование в Германии в контексте правовой системы: факты, оценка и некоторые прагматические соображения / А. Румянцев // Факультет права НИУ ВШЭ. – URL: <https://pravo.hse.ru/news/29822023.html> – (дата обращения: 10.09.2024).
6. Чантурия, Л. Правовая система Федеративной Республики Германия: краткая информация / Л. Чантурия. – 2010. – 15 с.
7. Ширер, У. Взлет и падение Третьего Рейха / У. Ширер. – Нью-Йорк, 1960. – 1249 с.

8. Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums: (vom 7. April 1933) – URL: <https://www.verfassungen.de/de33-45/beamte33.htm> – (дата обращения: 06.11.2024).
9. Gesetz über die Zulassung zur Rechtsanwaltschaft: (vom 7. April 1933) – URL: <https://www.verfassungen.de/de33-45/rechtsanwaltschaft33.htm> – (дата обращения: 06.11.2024).
10. Hansen, H. Die «Spatenschlacht» in Hadersleben am 8. Dezember 1940 / H. Hansen. – Husum, 2022. – 257-267 S. – ISBN 978-3-96717-099-3.
11. König, S. Vom Dienst am Recht: Rechtsanwälte als Strafverteidiger im Nationalsozialismus / S. König. – Berlin, 1987. – 286 S. – ISBN 3-11-089432-7.
12. Koch, H. In the Name of the Volk: Political Justice in Hitler's Germany / H. Koch. – London, 1997. – 340 p.
13. Lippman, M. They Shoot Lawyers Don't They? Law in the Third Reich and the Global Threat to the Independence of the Judiciary / Lippman M. // California Western International Journal. – San Diego, 1993. – Vol. 23 (№2). – p. 257-318.
14. Miller, M., Schulz, A. Leaders of the Storm Troops / M. Miller, A. Schulz. – England, 2015. – 650 p. – ISBN 978-1-909982-87-1.
15. Müller, I. Hitler's Justice: The Courts of the Third Reich / I. Müller. – Harvard, 1992. – 368 p. – ISBN 978-0674404199.
16. Pientka, A. Juristenausbildung zur Zeit des Nationalsozialismus / A. Pientka. – Freiburg, 1989. – 45 S.
17. Verordnung zur Änderung und Ergänzung der Reichs-Rechtsanwaltsordnung: (vom 1. März 1943 – URL: https://www.servat.unibe.ch/dns/RGBl_1943_I_123_EVO_Reichs-Rechtsanwaltsordnung.pdf – (дата обращения: 09.11.2024).